

Любор НИДЕРЛЕ

БЫТ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

БЫТ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

НЕРСДОЖАЯ РУСЬ

Л. Нидерле

БЫТ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Москва
«Вече»

ББК 63.3
УДК 94
Н60

Художник И. Савченко

Нидерле, Л.

Н60 Быт и культура древних славян / Л. Нидерле. — М. :
Вече, 2013. — 288 с. — (Неведомая Русь).

ISBN 978-5-4444-1038-7

Знак информационной продукции 16+

Любор Нидерле (1865—1944) — знаменитый чешский археолог и историк-славист, автор фундаментальной работы «Человечество в доисторические времена», в котором излагается археология всей Европы от палеолита до Средневековья включительно. Кроме того, перу Нидерле принадлежит многотомный труд «Славянские Древности», вторая часть которого — «Быт и культура древних славян» — представлена в этой книге. Опираясь на тщательно изученные предметы материальной культуры и привлекая данные истории, филологии, этнографии, антропологии, Нидерле создал подлинную энциклопедию истории и культуры древних славян, сочинение, отличающееся высокой научной строгостью и объективностью.

**ББК 63.3
УДК 94**

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ¹

Чешский ученый, европейски известный профессор Карлова университета в Праге господин Любор Нидерле, еще в 1902 г. издал капитальный труд, под общим заглавием «Славянские Древности», содержащий в трех томах начальную историю и этнографию славянства. За ним последовало с 1911 по 1921 г. издание второй части того же труда, под специальным заглавием: «Быт древних славян» («Život starých Slovanů»), вышедшее доселе в 4 томах и обзорающее жизнь языческого славянства от рождения до смерти, одежды, уборы, жилища, орудия, промыслы и ремесла, религию и обычаи. Оба сочинения замечательны по своей небывалой в подобных обзорах обстоятельности, полноте и исключительной всесторонности эрудиции.

Предшествующие сочинения по народным древностям Европы представляли собой или краткие обзоры, или опыты популярных сводов, разбросанных по монографиям историко-археологических данных. Здесь был дан, прежде всего, об-

¹ В настоящем издании отчасти сохранены оформление библиографии, сносок, орфография, пунктуация и написание строчных и прописных оригинала: *Нидерле Л.* Быт и культура древних славян. Прага: Пламя, 1924.

ширный фактический материал всякого рода: лексический или филологический, исторический и собственно археологический, обращавший на себя внимание и убеждавший своим тщательным подбором. Ученый, сам выступивший на поприще науки как автор обширного и точного труда о скифах и греках, проф. Кембриджа Э. Миннс, находя в сочинении проф. Нидерле столь же обстоятельный сбор сведений о скифах, как и о славянах, заявляет высшую оценку всесторонней осведомленности проф. Нидерле по первоисточникам². Но автор «Славянских Древностей» внес в свое обозрение, помимо обширного материала, и собственный научный его анализ, и все важнейшие опыты его построения, и сравнительное его освещение, основанное на теоретических синтезах первобытной археологии, ставшей его специальностью. При этом автор всюду преследует описательную историческую точность, систематически применяя свой многоопытный критицизм не только к суждениям и взглядам, установившимся в литературе предмета, но даже и к самым первоисточникам, также, нередко, терявшимся во мраке времен и неведомых стран и потому требующим исторической проверки.

Все эти и многие другие достоинства и заслуги второго сочинения проф. Нидерле невольно приходят на мысль при появлении этого труда, хотя бы в сокращенном изложении четырех его отделов, в среде отечественной литературы. Правда, сам автор, в последнее время, дал образец краткого изложения своего первого труда по истории славян в языческий период в I томе своего издания «*Manuel de l'antiquité Slave*», вышедшего в 1923 году в собрании руководств, публикуемых Институтом славянских наук в Париже. Но хотя выходящее ныне краткое изложение второго труда проф. Нидерле может удовлетворить на время общую любознательность, тем более следует памя-

² *Minns E. Scythians and Greeks*, 720 pages, 1913. На стр. 97: «The older writers are more, fully dealt with by Dr. L. Niederle, but one or two useful books have escaped even his marvellously wide reading».

товать о необходимости приобщить к русской литературе по славянству целиком сочинение чешского ученого, в переводе, как естественную основу для научных и самостоятельных работ по русским древностям в связи с древностями славянского мира. Сочинение вполне заслуживает быть приобщенным к той энциклопедии славянства, осуществление которой предприняло и начало Отделение русского языка и словесности Российской академии наук в последнее время.

Прага, 22 декабря 1923 г.

Н. Кондаков

ВВЕДЕНИЕ

«Жизнь древних славян» составляет II часть моего чешского оригинала «Славянских Древностей» и является результатом многолетнего, но, несмотря на это, все же еще не законченного труда.

Чешское сочинение, по материалу, в нем собранному, можно рассматривать как недовершенный опыт создания полной картины древнеславянской культуры. Этот опыт, за который со времени появления книги К.С. Антопа (1789 г.) брались многие, и поныне не мог быть выполнен исчерпывающим образом, так как, в силу колоссальной области, не имеется предшествующих сравнительных исследований, а усилия отдельных личностей недостаточны для овладения всем материалом, собранным по древнеславянскому быту филологией, историей, археологией и сравнительной этнографией славянства.

Исторические сведения и археологические данные могут быть достаточно исчерпаны, но по другим дисциплинам приходится довольствоваться общим знакомством с результатами, достигнутыми в главных пунктах. В силу этого всестороннее исследование древней славянской культуры потребует новых совокупных усилий научного славянского мира.

Для меня будет большим удовлетворением, если мое сочинение в чешском его оригинале или русском изложении поведет к дальнейшим изысканиям, как филологическим, так и археоло-

гическим, так как именно эти науки могут привнести в мой труд много нового и важного.

Подобного рода работы могут быть выполнены русской наукой, располагающей обширнейшим материалом и известными учеными специалистами.

Если в настоящее время, вследствие политических событий, разрушена почва русской науки, то я надеюсь, что скоро настанет пора, когда Россия вновь будет в состоянии, в области славистики, стать во главе славянских народов, и ее ученые дополнят мой труд о «Жизни древних славян» работами, новыми и ценными по содержанию.

Действительно, для автора не может быть большей награды, чем та, когда его труд возбуждает интерес за пределами отечества, для которого он работает.

В силу этого я выражаю свою благодарность как издательству «Пламя», предпринявшему русское издание, так и С.Н. Кондакову, который с большим вниманием и пониманием предмета подготовил к печати данную книгу.

Вместе с тем пользуюсь случаем выразить мое глубокое уважение к научной деятельности проф. Н.П. Кондакова, этого создателя целой школы современной русской археологической науки, капитальные труды которого послужили краеугольным камнем для некоторых отделов моей работы.

Любор Г. Нидерле

Часть первая

ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ

I. ТЕРРИТОРИЯ, КЛИМАТ, ФЛОРА И ФАУНА. КУЛЬТУРНЫЕ ВЛИЯНИЯ. ОТДАЛЕННОСТЬ КУЛЬТУРНЫХ ЦЕНТРОВ. БЕДНОСТЬ И ЕЕ ПРИЧИНЫ

К концу языческого периода, когда древнеславянская культура достигла некоторого развития, произошли перемены, как относительно территории, так и той среды, где возникла эта культура; и тем не менее эта же территория и среда легли в основу жизни большей части славян и оказали влияние на их характер, чувства и быт.

Ян Пейскер высказал³ предположение, что русско-польское Полесье (бассейн Припяти от Бреста на восток, бассейн верхнего Немана и нижнее течение Березины) является колыбелью славян; лесистая и болотистая местность этого района повлияла на

³ *Peisker J. Neue Grundlagen zur slavischen Altertumskunde. Stuttgart, 1910. 4.*

слагавшийся характер и его свойства настолько, что была даже утрачена связь между родственными народами и создавалась историческая неспособность к какому-либо объединению. Равным образом, эта же природа наложила характерный отпечаток на их поэзию, музыку и народные верования.

Однако это суждение Пейскера недостаточно обосновано; в точности неизвестно, где была прародина славян, и ввиду отсутствия достаточных данных для более подробного определения первоначального места их пребывания будет вернее ограничиться предположением, что она находилась где-то за Карпатами, за Вислой. Останавливаться только на водном, болотистом Полесье, как это делает Пейскер на основании ботанических изысканий Ростафинского⁴, невозможно; Полесье искони было почти озером, и если теперь, несмотря на дренаж почвы, оно изобилует водами и относительно мало населено, то в значительно большей мере то же самое было и во II—III тысячелетиях до Р.Х., — т.е. в период, к которому относят возникновение и детство славян. Ростафинский правильнее, чем Пейскер, считает колыбелью славян Полесье, но добавляет, однако, что они жили не только в болотистой местности, но и в плодородном степном краю, и в лиственных лесах, доходящих на восток до верхнего течения Десны и Сейма.

Точнее будет предположить, что первоначально славяне жили вокруг Полесья, а не только в его пределах, так как от I—II столетий по Р.Х. сохранился ряд сведений, что около Вислы и за пределами ее течения был обнаружен один из больших народов — *μεγίστον ἔθνος*.

По другим источникам, на основании языческого единства, они жили на западе, по линии Краловец — Одесса и далее на запад; на востоке за Днепром, по Суле, Сейму, Десне, Соже и,

⁴ *Rostafinski*. O pierwotnych siedzibach i gospodarstwie Słowian w przedhistorycznych czasach. Sprawozd. Akad. Tim. Krakow, 1908. Wyzd. hist, filog.

конечно, на юг от Припятьского бассейна, в плодородной степной полосе.

Земли славянского праотчества — от Одера до Десны и верхнего течения Днепра — представляют собой низменности, покрытые лесом (хвойным и лиственным), южная граница которого тянется от Львова на Житомир, Киев, Курск, Калугу, Рязань и Тамбов.

Центральное Полесье на западе ограничено Беловежской пушью, на востоке — Днепром, на севере — рядом балтийских озер и на юге — Черноморской возвышенностью (Дубно — Кременец). Почва его — из песка, болота и торфа — совершенно непригодна для поселений; флора бедна видами деревьев. Еще в начале II тысячелетия по Р.Х. по древней границе Польши и Померании тянулся непроходимый лес. Полному бездорожью и неприступности его в известной степени содействовал ряд болот, озер и прудов (начиная от Мекленбурга и доходя до Литвы), возможно, происходящих от Скандинавских ледников. Примером древнего дремучего леса может служить Беловежская пуща — самый большой лес из сохранившихся на славянской территории. Уже в XI—XIII вв. в Восточной Германии начали рубить лес, и он стал настолько сильно убывать, что, видимо, пришлось принимать меры к прекращению подобного злохищения, о чем свидетельствуют грамоты XVI в., выданные со специальной целью охраны леса.

Лесная флора, которая покрывала земли Польши и тянулась до Мекленбурга, состояла из сосны, ели, тиса, ольхи, бука, дуба, ясеня, рябины и других пород, и росли они в тех или иных местах, в зависимости от почвы, влажности, высоты над уровнем моря и климатических условий⁵; больше всего была распространена сосна, затем береза и на глинистой почве дуб; на Силезско-

⁵ Rehman A. Ziemie dawnej Polski i sąsiednich krajów sławiańskich, opisane pod względem fizyczno geograficznym. I—II, Lwow, 1895—1904.

Польской возвышенности — тис и, главным образом, бук (*fagus silvatica*). Сосна и береза росли обычно в низинах, а дуб и граб доходили до Карпат. В лесах восточной части Полесья выступают больше всего бук, тис, ель и даже лиственница. Пределы бука обозначены от Краловца через Седлец, Каменец-Подольск, Кишинев до Одессы. Тис (*taxus baccata*) встречается от Рижского залива до Львова; ель (*abies pectinata*) — на запад до средней Вислы и вновь объявляется на востоке за Волгою. Эта, только что указанная, флора славянской прародины была скреплена общностью языковых названий; напр.: дуб, *dub*, ст.-сл. *давь*; верба, ст.-сл. *вѣба*, чеш. *urba*; липа, общ.-сл. *lipa*; ольха, ст.-сл. *jělъcha*, болг. *елга*, польск. *olcha*; береза, чеш. *břiza*, ст.-сл. *berza*, болг. *брѣза*; тополь, чеш. *topol*; ясень, чеш. *jasan*, ст.-сл. *асень*, польск. *jasień*; ива, ст.-сл. *iva*, чеш. *jíva*, польск. *iwa*; бук, общ.-сл. *букъ*; ель, ёлка, ст.-сл. *jela*, болг. *ела*, польск. *jodła*; сосна, общ.-сл. *sosna* и т.д.

Кроме того, источники упоминают и плодовые деревья. Ибрагим ибн-Якуб (X в.) сообщал, что большинство деревьев у славян составляют яблони, груши и сливы. Это же свидетельство распространяется и на западных славян, и когда Тацит говорит о Германии: «*Terra satis ferax, frugiferarum arborum inxpatiens*» (Герм. V), то это касается только плодовых деревьев, культивированных по итальянскому способу.

То же, что о флоре, можно сказать и о фауне, так как в славянском праотечестве жили звери, которые водятся и теперь, и это доказывают их общеславянские и древние названия: зубр (ст.-сл. *zabъгъ*), лось (*los* из *olst*, олень (елень), серна (*sgъna*), волк (*vľъкъ*), лиса (*lisъ*). Затем идут малые хищники, которые в древние времена ловились в изобилии из-за меха: барсук (*ѣзвъ*, *jazвъ*, *jazвъсь*), белка (*věvera*), выдра (*vydra* из *udra*), куница, горностай (*hranostaje*), бобр (*bobra*, *бѣбъгъ*).

Наряду с дикими зверями у славян было известно и разведение домашних животных.

Из птиц встречались: ястреб (*jestrъb*, *astreбъ*), чайка, чиж, дятел (*datel*, *detelъ*, *detълъ*), дрозд, голубь, лебедь (*labutъ*, *lebedъ*,

labaty), орел, журавль, ворона, воробей и др. Между птицами южного степного края называют коршуна и дрофу. Среди пресноводных рыб упоминаются: осетр (esetrъ), язь (jas, jazъ), линь, лосось, щука (štika, štuka), пескарь и др.⁶

Если вид Германского и Закарпатского края своими густыми, темными лесами производил невеселое впечатление на приехавших с юга чужеземцев, то холодный климат, при сравнении с теплом южных земель, еще более усиливал это впечатление. Зима была суровее, чем ныне⁷, и не было в распоряжении населения достаточных средств, чтобы охранить себя от стужи и бороться с нею. Об этом говорит Тацит (Germania, 5), Плиний и Помпоний Мел (III, 29) в своих описаниях Германии. Позднее Масуди рассказывает о зиме у славян, говоря, что их «земли очень холодны, мороз бывает сильнее в лунные ночи и ясные дни, тогда почва твердеет, как камень, и замерзают все жидкости. Во время темных ночей и мглистых дней мороз спадает; и в это время часто гибнут корабли и все, кто на них находится, а иногда в реках лодки наталкиваются на льдины, твердые как скалы, и лишь изредка юноше или сильному мужчине удастся задержаться за подобную льдину и спастись»⁸.

В позднейших известиях персидский географ (изд. Туманского в Зап. Вост. Отд. Русск. Арх. Ова, т. X, стр. 134) характеризует земли славян так: «Область велика и много в ней густых лесов. Население живет в них и не имеет никакого зерна, кроме проса».

Природные особенности края, в котором жили издавна славяне, имели значительные различия, которые могли и действительно оказывали влияние на развитие славянской культуры; различно жилось племенам, осевшим в песчаном Полабье, или в неплодородном Полесье, или же, наконец, на полустепной почве Подолья,

⁶ Будилович. Первобытные славяне. I. 61—146.

⁷ Kirchoff A. Länderkunde von Europe, III.

⁸ Al-Bekri. Изд. Розена, стр. 56.

Волыни и Киевской области; и отражалось это не только в степени богатства, но, главным образом, в характере занятий.

Территориальные условия оказывали влияние на развитие культуры еще и в другом отношении: в славянские земли проникали чужие культурные течения, приносившие с собою множество разнородных новшеств, но область была слишком обширна и отдельные части народа были отделены друг от друга, так что все эти условия не содействовали соединению местных и пришлых элементов в однородную культуру, причем опять-таки главным препятствием служили Карпаты, балтийские озера и припятские болота, которые отделяли восточную область — Днепровскую, от западной — Вислянской. Озера нарушали культурное единение славян балтийских с внутренними. Карпаты отделяли центр славянской прародины от культурной южноевропейской области, в то время как западная и восточная части были соединены с нею посредством судоходных рек, впадавших на западе в среднее течение Дуная, а на востоке в Черное море, где уже была сфера влияния античных культур. Что же касается хребта Карпатских гор, то западные склоны его находились под влиянием доисторической Венгрии, Адриатики и Италии, а восточные подпали под греческую культуру берегов Черноморья, а равно подчинялись массе влияний восточных — иранских, тюрко-татарских и финских.

Азиатские и южнорусские степи составляли единое географическое целое, в силу чего и создалось культурное родство, которое из этого района проникало по рекам внутрь Руси. Каждый археолог, на основании находок, знает, насколько древний торговый путь Адриатическо-Балтийский разнится от не менее важного пути — Черноморско-Днепровского. Культурное значение этих двух торговых дорог было огромно, и, естественно, они оказывали влияние на славян и пересекали прародину их на Западе, по Одеру и Висле, а на Востоке — по Бугу и Днепру; и вновь следует отметить, что центр ее оставался вне сферы влияния обоих путей, из-за непроходимых лесов и болот.

Одним словом, ни рельеф, ни общий вид разнообразной и притом обширной территории, ни внешние влияния не были благоприятны для развития равномерной славянской культуры, вследствие чего никогда не создалось ничего общего, единого. Многие стороны старославянского быта — мифология, одежды, украшения, обряды — показывают, насколько восточные славяне отличались от западных и южных, что и завершилось в исторический период резким разграничением славянской культуры на восточную и западную. Кроме того, территория настолько влияла на быт славян, что задерживала развитие культуры и делала ее отсталой по сравнению не только с римской и греческой, но германской, иранской и даже тюрко-татарской культурами.

К моменту принятия славянами христианства их домашний быт был чрезвычайно прост и беден. Средний люд не носил дорогих одежд, украшений и вооружений, и вообще не знал роскоши. Если в некоторых местах отмечается относительное богатство и культурный расцвет, как, например, в Киевской области, то это надо отнести всецело за счет чужих влияний — восточных, и византийской культуры в особенности. Причину бедности опять-таки следует искать в природе края, в котором славяне жили. То, что говорит Gallus в введении к своей хронике о Польше, может быть отнесено, почти без оговорок, ко всем славянам: «*Regio Polonorum ab itineribus peregrinorum est remota et nisi transeuntibus in Russiam pro mercimoniis paucis nota*». До Р.Х. соприкосновения с греческой и римской культурой были минимальны, торговых путей было три: Адриатическо-Одерский, Дунайский и Днепровский, но они шли на западе, юге и востоке таким образом, что большое пространство между Вислой, Карпатами и Днестром оставалось почти нетронутым; например, погребения II—VIII столетий в Восточной Пруссии или Люцинский могильник IX—X вв. выделяются относительным богатством, по сравнению с одновременными им могилами центральной славянской области. Только таким путем можно понять, почему славянская

культура так долго была отсталой и бедной, и почему позднее славяне так легко воспринимали высшую культуру соседей, в особенности римскую, византийскую и северогерманскую. Однако, несмотря на свою бедность, славяне имели весьма добрые нравы, общественные и судебные законы, горячую любовь к свободе и, в особенности, стремление к социальному равенству. Они во все не жили подобно зверям, как это можно заключить из слов Космы Пращского и Киевского летописца, и если некоторые из достоверных источников говорят об их суровости и жестокости, то нельзя забывать, что они зачастую создавались на основании сведений, шедших из вражеского стана.

О том, что славяне сознавали свою бедность и простоту, явствует из заключительных слов просьбы моравского князя Ростислава византийскому императору Михаилу о присылке ему учителей христианской веры: он охарактеризовал себя и свой народ: «Мы словене — проста чждь».

II. ФИЗИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА. РОЖДЕНИЕ И ДЕТСТВО

В древних источниках славяне описываются как народ здоровый, крепкого телосложения, сильный и закаленный, переносит лишения, холод и жару. Однако этой оценке не следует придавать особое значение, так как она исходила от изнеженных слоев римского и греческого общества или восточных путешественников, главным образом из Месопотамии и Персии. На них одинаково производили впечатление все варвары, идущие с севера на юг Европы, были ли то славяне, германцы или галлы, привычные переносить зной и стужу. Храбрость славян, стойкость их при перенесении невзгод и климатических перемен⁹ отмечают раз-

⁹ *Талко-Гринцевич*. Опыт физической характеристики славян. Спб., 1909.

личные писатели — Прокопий (VI в.), Ибрагим ибн-Якуб¹⁰, Адам Бременский, Леон и Маврикий, Видукинд и Кардизи.

Некоторые антропологические черты славян сближают их с галлами, германцами и другими северными племенами; все они выделяются светлой окраской кожи, глаз и волос¹¹, что не свойственно южноевропейским народам.

Однако в настоящее время уже нельзя говорить, что характерными чертами славян, в особенности для тех, которые живут в западных и южных славянских землях, являются именно голубые глаза и русые волосы. В историческую эпоху, благодаря смешению и скрещиванию с другими племенами Средней и Южной Европы, более темной окраски, древние славяне утратили свой светлый тип, сходный с германцами и литовцами, который, очевидно, находится в связи с их общим происхождением и жизнью в родном им северном крае. Прокопий применяет к славянам термин «ὀλέριθροι», который можно перевести общеславянским — «русый». Неизвестный автор, также конца VI в., в отрывке из какой-то «Стратегики» причисляет антов и славян к «ἕθνος ἑάνθα». Позднее в восточной литературе встречается много указаний на русые волосы и румяное лицо славян (у поэта VII в. Ахтала и позже у Якуба и Казвина). Один из современников Абд-эр-Рахмана I — ибн-Хабиб — за свою стройность, светлые волосы и голубые глаза был прозван «славянином». В глазах арабов и персов эти признаки так сроднились с именем славян, что Кардизи (XI в.) причисляет даже киргизов к славянству за их русые волосы и белую кожу¹². Исключение сделал только Ибрагим ибн-Якуб относительно чехов, которые, по его словам, в отличие от прочих славян, смуглы и темноволосы. Это, конечно, не

¹⁰ *Куник-Розен*. Ибрагим ибн-Якуб. Зап. Ак. наук XXXII, 1878.

¹¹ *Минаков П.А.* Новые данные по исследованию волос из древних могил и от мумий. Труды Антроп. Отд. Общ. Любит. Антр. Этногр. Москва, 1899, т. XIX.

¹² *Kardizi*. Изд. В. Бартольда. Зап. Ак. Наук. Сер. VIII, т. I. 1897.

следует объяснять влиянием аваров, насильствовавших в VI—VII в. чешских женщин (Пейскер)¹³, но гораздо более ранним смешением чехов со средневропейским населением, главным образом с альпийскими и средиземными племенами, уже во II тысячелетии населявшими юг — Придунайскую область и, по археологическим данным, земли Чешскую и Моравскую.

Рождение и детство. Рождение ребенка и первые заботы о младенце сопровождались у славян, как и у других народов, стоящих на одинаковом с ними культурном уровне, целым рядом особых обрядов, обуславливаемых как гигиеной (профилактика, диета), так и существовавшими поверьями; но эти обряды в большинстве случаев теперь уже мало понятны.

Весьма вероятно, что известные обрядовые действия, как-то: выбор места родов, приготовление особого ложа, родовспомогательных средств, наконец, самое разрешение от бремени при помощи колдований и различных символических приемов вроде развязывания узлов тотчас при появлении ребенка на свет, и затем шестинедельная защита его от дурного глаза и злых духов, сохранившиеся доселе в славянском фольклоре, могут быть отнесены большею частью к пережиткам язычества¹⁴.

Вскоре после появления на свет ребенка совершался важный в социологическом отношении обряд — принятие его в лоно семьи как равноправного члена. Это сопровождалось выполнением установленного ритуала: ребенка брали на руки, клали на землю, или на порог, или же на очаг, затем поднимали, обносили

¹³ *Peisker J. Die alteren Beziehungun der Slaven zu Turkotataren und Germanen und ihre sozialgeschichtliche Bedeutung.* Berlin, 1905.

¹⁴ *Jan Bystroti. Slowianskie obrządy rodzinne.* Krakow, 1916.; О роже- ницах см. Архив Калачева, II. Москва, 1855; *Kuzel.* Дитина в звичаях и вируваннях укр. народа. Мат. до укр. етнології VIII—IX, 1906—7 г.; *Срезневский.* О шести неделях у славян. Москва, 1866.

вокруг избы и целовали. При этом приносили подарки — зерно, тмин, соль, позднее деньги, и кумовья играли важную роль, что во многих местах сохранилось и до сих пор.

Из всех обычаев, которые связывались с рождением ребенка, лишь один жестокий и малопонятный, при всем культурном и хозяйственном состоянии славян, ясно выступает к концу языческого периода — это умерщвление лишних детей. Впервые он встречается у балтийских славян (померанских и лютицких), где матери удушали младенцев женского пола, если их было много в семье, чтобы лучше заботиться об остальных. На это указывает Герборд (II, 33): «*Si plures filias aliqua genuisset, ut ceteris facilius providerent, aliquas ex eis iugulabant*». Происхождение этого обычая точно установить затруднительно ввиду того, что прирост числа женщин отнюдь не обозначал увеличения забот, так как они являлись главной рабочей силой, а кроме того, и средством обогащения, потому что при выдаче замуж отцу за невесту уплачивали «вено», выкуп (у восточных народов «калым»). По всей вероятности, поводов к убиению младенцев было много и они были различны, или родители не хотели отягощать лишними заботами свое и без того тяжелое существование, или, наконец, для оздоровления своего рода, путем уничтожения слабых. Можно только отметить, что этот древний обычай проводился неуклонно, по традиции, ввиду того, что мораль того времени не восставала против него. Аналогичное умерщвление детей существовало и у германцев, но не следует считать, что именно оно оказывало влияние на славян. Об этом имеются сведения у врача Сорана¹⁵ времен Адриана, которые подтверждает и Гален, указывая, что большинство варваров погружает младенцев в холодную воду, причем слабые из них умирали, и тем оздоравлился род. Это известие точно указывает на германцев и скифов, непосредственных соседей

¹⁵ Soranus. Περί γυναικείων παθῶν. ed. Rose. — Galeims 'Ῥηϊνὰ I, 10. (Латышев. Scythica. I, 511, 585.)

славян, но их самих не упоминает. Не ограничивая скифов иранцами, он, очевидно, относит этот обычай к славянам, жившим в обширной Скифии.

Возможно предположить, что греческие источники ошибочно поняли и истолковали обычай омовения и очищения ребенка тотчас после его рождения, который издавна сложился у славян, литовцев, германцев и др. народов.

Подробностей о раннем детстве не сохранилось. Мать вскармливала и заботилась о ребенке лишь до определенного возраста, различного у разных племен и народов (приблизительно от 3 до 7 лет), после чего ребенок мужского пола передавался на попечение отца, иными словами, начиналась жизнь отрока, готовящегося стать мужем. Обрядом этой передачи у древних славян были постриги, или «застрижки», состоявшие в том, что отец, родственник либо дорогой гость на семейном празднике выстригал у мальчика клоч волос¹⁶. Это была первая стрижка до сих пор не тронутых ножницами волос, причем тот, кто стриг, становился родственным и близким мальчику. О существовании этого обычая у древних славян в период язычества достоверных известий не имеется, хотя он был общ и другим индоевропейским народам. Первые свидетельства о нем восходят к началу христианской эпохи: у русских к XII—XIII вв.¹⁷, у чехов с X в. Возраст ребенка был различен: у русских 2—3 года, в Польше он совершался 7 лет, а у сербов, в некоторых местностях, он еще и поныне выполняется после года и даже раньше. Ввиду таких колебаний в годах трудно указать точное значение этого обряда. Если бы он совершался в более позднее время, в нем можно было бы предположить символ перехода ребенка в зрелый

¹⁶ Кудрявский Д. Исследования в области древнеиндийских домашних обрядов. Юрьев, 1904.

¹⁷ Летопись под 1192 г. повествует: «Быша постригы у великаго князя Всеволода сыну его Георгеви (род. 1189 г.) в граде Суждали; того же дни и на конь его всади и бысть радость велика в граде Суждали».

возраст, как это делает Довнар-Запольский; с другой стороны, его можно рассматривать и как простую гигиеническую меру, основанную на поверье, что ранняя стрижка может принести вред ребенку. Объяснение, что постриги являются какой-то жертвой, посвященной душам предков, демонам или богам — допустимо, как вероятно и то, что впоследствии это поверье затемнило их первоначальную гигиеническую цель.

О девичьих постригах у древних славян известий не встречается.

III. ЗРЕЛОСТЬ. БРАК. СВАДЕБНЫЕ ОБРЯДЫ, ИГРИЩА И ПРАЗДНЕСТВА

Сексуальная жизнь начиналась с наступлением зрелости, определяемой у разных славянских племен различно: у русских (Стоглав) 15 лет для юноши и 12 л. для девицы; у чехов — 16 и 14; на Мораве — 13 и 16; в Польше — 12 л. для обоего пола, а в XV—XVII вв. — 14 и 15 л. Подобно другим примитивным народам, начало зрелости у славян отмечалось особыми обрядовыми празднествами, которыми юноши и девицы вводились в стадию мужчин и женщин, способных к брачной жизни¹⁸. У древних славян промискуит мужчин и женщин, как видно по всему, был связан с полиандрией и полигамией. Оставляя в стороне сведения Космы Пражского — «*ipsa connubia erant illis communia. Nam more pecudum singulos ad noctes novos ineunt himeneos et surgente amora trium gratiorum copulam et ferrea amoris rumpant vincula*» (Kosmas, I. 3), — вероятно, связанные еще с античной традицией, можно указать на действительные остатки гетеризма в древних, унаследованных от языческих времен, празднествах. Позже, к концу языческого периода, сексуальная жизнь славян

¹⁸ Зеленин Д. Обрядовое празднество совершеннолетия девицы у русских. Жив. Стар., 1911.

сложилась и протекала уже в виде упорядоченного брака мужа с одной или несколькими женами.

Брак. У всех народов, едва поднявшихся над низшей ступенью развития, брак сопровождается целым рядом церемоний, и уже поэтому должно предположить их существование и у славян. Хотя непосредственно о древнеславянской свадьбе известно очень мало, тем не менее некоторые части можно восстановить, как путем сравнения основ славянского и арийских языков, так и сопоставлением остатков весьма разнообразного свадебного церемониала и обычаев, существующих у славянских народов и в настоящее время. К сожалению, эта работа еще не исполнена, а потому при дальнейшем изложении можно делать лишь попытки этой реконструкции.

Основой славянского брака, как и у других народов, является иногда выкуп, а иногда простое похищение жены, принадлежащей другому роду или селу либо вообще к иному племени¹⁹. Девушка, как и остальные дети, принадлежала отцу и могла перейти во владение мужа только после похищения, увоза, иногда насильственного, или по уплате выкупа, за который отец уступал свои права другому. Нельзя определенно решить, какая форма брака из двух была первоначальная. В конце языческого периода у славян, хотя и не у всех, встречаются оба вида, а со времени христианства «умыкание» считается формой более грубой и, очевидно, древнейшей. Действительно ли это было так, определенно сказать трудно, но что похищение не было формой временной и местной, свидетельствуют с особой настойчивостью и определенностью как киевская летопись, так и сохранившиеся реминисценции и устойчивые воспоминания в формах более поздних обрядов, символизирующих похищение, нападение на дом невесты, его защиту и конечное соглашение.

¹⁹ *Державин И.* Обычай умыкания невест в древнее время и его переживания в свадебных обрядах у современных народов. Сборник в честь Вл. Ламанского. СПб., 1905.

Важнейшее известие об этом дает киевская летопись, говоря о русских, еще языческих племенах. По ее словам, древляне, радимичи, вятичи и северяне «живяху звериньским образом» и браков никаких не имели; они похищали девушек из чужих сел, встречаясь с ними у воды, либо при вечерних играх и плясках²⁰, в то время как поляне, отчасти уже крещенные, «брачный обычай имяху» на основе сговора с родными. Это же подтверждает и датское предание, передаваемое Саксоном Грамматиком, о том, как датский король Фрот, победив некогда русских, приказал, чтобы в дальнейшем они заключали браки на основе выкупа, так как такие браки он считает более справедливыми. Постановление кн. Ярослава Всеволодовича налагает за похищение уже известное наказание²¹.

У поляков еще в X в. упоминаются свадебные дары, т.е. отцу невесты²². Что у чехов было и похищение, говорят «гомилии» (поучения, слова) Опатовицкого (конца XI—XII вв.). На Балканах похищение фактически осталось и поныне, равным образом, как и купля невесты. О «выслуживании» жен у славян, как это было у татар и евреев, никаких сведений нет. Первичным названием выкупной платы был общеславянский термин — *вѣно*, лат. *venut*, греч. *ἔδνον*, англ. *weotuma*, бург. *wittimon*. Слав. *вѣно* образовано, вероятно, от *vedmno*. Приданое, которое приносила с собою невеста, вероятно, называлось по-древнеславянски *ruho*, *ruha*.

²⁰ «...Брака у них не бываше, но умыкиваху у воды девица», или «...браци в них не бываху, но игрища межю селы; схожахуса на игрища, на плясания и на вся бесовьская игрища и ту умыкаху жены собе, с неюже кто съвещашся; имяху же по две и три жены...» (*Лаврентьевская летопись*. 12).

²¹ «Аще кто умчит девку или насилит, аже боярская дчи, за сором ей 5 гривен золота, а епископу 5 гривен золота, а меньших бояр гривна золота...» (*Самоквасов*. Памятн. древн. русск. права, I. Москва, 1908).

²² *Ибрагим ибн-Якуб*. Изд. Розена. 50.

Об обрядах, которые в языческий период сопровождали брак, известно очень немного. Однако, отчасти из общеарийского языкового и бытового материала, частью же из позднейших (исторических) и современных славянских обычаев, в которых сохранились остатки от языческих времен, многое можно реконструировать. В этом отношении интересны работы Гирта²³ и особенно полная Шрадера²⁴. Гирт построил обряд праарийской свадьбы из следующих основных частей: 1) сватовство, стговор с родителями или родственниками и назначение времени, удобного для свадьбы; 2) окутывание невесты покрывалом, что следует отличать от прикрытия волос чепцом, «повоем», у замужних женщин, не имевших права выходить с непокрытой головой, — «простоволосой»; по-чешски — «dostati se pod čeree» — выйти замуж; 3) «обручение» (заручины, зарученье, запорученье, руковины, рукодаины) — жених берет невесту за руку, что сопровождается церемонией и жертвой у очага; 4) торжественный увод жены в дом мужа; 5) перенесение жены через порог мужнего дома и посадка ее на разостланную мехом вверх шкуру; 6) торжественное положенье жены, при свидетелях, на брачное ложе. Шрадер присоединяет еще к этому, как обряды общеевропейского характера, посыпание жениха и невесты различными зернами и злаками (горохом, просом, маком, орехами, льяным семенем и хмелем), покрытие волос новобрачной особым шерстяным платком, обычно в виде чепчика, часто красного цвета, и помещение ребенка на колени невесте при входе в дом жениха. Три главнейших момента индоевропейской свадьбы (1, 3 и 4), установленные Гиртом и поныне сохраненные в славянском фольклоре, достаточно подтверждают их существование у древних

²³ *Hirby H.* Die Indogermanen ihre Verbreitung ihre Urheimat und ihre Kultur. Strassburg, I—II, 1905—7 г.

²⁴ *L. v. Schröder.* Die Hochzeitsbrauche des Eaten und einiger ant. finn. ugr. Volkerschaften in Vergleichung mit denen der indg. Völker. Berlin, 1888.

славян²⁵. Увод невесты в дом жениха является заключительным актом в славянской свадьбе, и это видно уже из того, что термин «водимая» принял на Руси значение законной супруги; «увести женщину» — значить жениться по обряду: «Да всяк человек, иже водити хочет жену, да ю водить по закону». Почти безошибочно можно сказать, что все эти обряды славянской свадьбы существовали в большей или меньшей мере уже в языческий период. Чужие влияния (римские, византийские) нужно видеть лишь в усилении, ослаблении или специфической форме тех либо других обрядов. Какие из них новы, какие стары, какие местные, какие пришли изчужа, равно какие детали в этом богатом и разнообразном материале являются общими для славян, и какие из них следует отнести за счет языческого периода, можно будет сказать с определенностью лишь после того, как ценные работы И. Сумцова, Ф. Волкова, М. Довнар-Запольского, М. Ковалевского, и новейшие М. Жмигродского и Е. Лилка будут подвергнуты сравнительному изучению.

К ним можно отнести:

1. Ряд актов, символизирующих бывшее похищение и насильственное добывание невесты, сохранившееся часто только в виде упоминаний или отдельных пережитков. У некоторых славянских народов похищение представляется в виде драматического действия²⁶, например, у малороссов и белорусов оно состоит из препятствований в пути жениху, загораживании и защиты дома

²⁵ Сумцов Н. О свадебных обрядах, преимущественно русских. Харьков, 1881. *Volkov Th.* Rites et usages nuptiaux en Ukraine. L'anthropologie, 1891, II, III. Довнар-Запольский М. Белорусская свадьба в культурно-религиозных пережитках. Этнограф. обозр. 1893, I. *Kovalevsky Max.* Marriage among the early slaves. Folk-Lore, 1890. *Kulda M.* Svatba v národě československém. Praha, 1875, 1890. Свадебные обряды в Болгарии. Этногр. обозр. 1895, IV.

²⁶ Ящуржинский. Свадьба малорусская, как религиозная бытовая драма. Киевск. Стар., 1896. LIX.

невесты, нападений на него, обороны близкими и родственниками, укрывания невесты и, наконец, соглашения. В Чехии и Моравии дело ограничивается лишь незначительными мерами противодействий жениху, которые являются пережитками древности.

2. *Раздача подарков*, имеющих аллегорический смысл, жениху и невесте. Особо важное значение имеет взаимное одарение яблоками, которые считались символом плодovitости и афродизийского начала. Обычай этот идет из глубокой древности: в Персии и Греции жених съедал гранатовый плод. Яблоки же символизировали собою любовь. Одинаково значителен и обмен перстнями, который у славян предшествует свадьбе и утверждает сватовство; наконец, одарение жениха новой свадебной рубахой. К подаркам, которые получают жених и невеста, относятся куры, которые во многих местах должны быть обязательно черными.

3. *Увенчивание*, «венчание»²⁷ (срб. вјенчати, болг. вѣнчаване, польск. wieńczenie) невесты различно изукрашенным венком (венцом, короною; жених — князь, невеста — княгиня) встречается у славян повсеместно.

4. *Приготовление и раздача свадебного каравая и свадебного деревца*. Хлеб обыкновенно делался пшеничный, приправлялся и украшался яйцами, сладостями, цветами, лентами и являлся для славянской свадьбы особенно типичным и незаменимым атрибутом. Он носит различные названия: чешск. и польск. — колач; словац. — радостник, словин. и хорв. — кравай, русск. — каравай (или коровай)²⁸.

5. *Расплетание и обрезание волос невесты* имело двоякое значение: с одной стороны, оно было как бы реминисценцией на обряд, вводящий девушку в зрелый возраст, а с другой — из-

²⁷ *Потебня*. Объяснение малорусских народных песен. Варшава, 1883. *Альтшулер И.* Значение венчания для брака в его историческом развитии на Руси. Киев, 1910.

²⁸ *Сумцов Н.* Хлеб в обрядах. Харьков, 1885. *Ястребов В.* Свадебный хлеб на Украине. Киев. Стар., 1897. XI.

вестно, что остриженные волосы были знаком подвластности, покорности и, следовательно, этим явно подчеркивался переход жены во власть мужа.

6. *Символическое битье невест* — на востоке нагайкой, на юге — рукой; обычай этот перешел к славянам от соседних турко-татар.

7. «*Разувание*» жениха невестой обозначало выражение покорности ему. Позднее этот обряд был ослаблен тем, что его совершают молодожены друг другу взаимно.

8. Возможно, что первоначально существовало как пережиток прежнего промисквита — «*jus primae noctis*» для всей семьи и шаферов: невеста, прежде чем стать женою своего мужа, принадлежала другим. Отзвуки этого обычая можно видеть на Украине, в Черногории и Польше; местами он исчез и был заменен танцем невесты с шаферами, а иногда выкупом ее от них.

9. Свадьба всюду кончается *буйным весельем дружек, шаферов и всех гостей*, сопровождаемых пением, хороводами и музыкой.

В самом значении свадьбы издревле заключался сексуальный характер с оттенком фаллического культа, нередко переходившего в эротическую оргию. Отголоски этого можно наблюдать еще и теперь на Украине и в Сербии; в других местах эротика проявляется только в диких криках, разнузданных танцах и стрельбе, в то время как молодожены занимают брачное ложе. Весьма древнего происхождения и маскарады, которые кое-где встречаются на свадьбах и поныне; участники переодеваются в различных диких зверей — лошадей, коз, медведей, бегают по селу и дразнят встречающих.

10. Наконец, обряд, который выполнялся уже после свадьбы, но был тесно связан с нею, — *очищение жениха и невесты* посредством омовения проточной водой у ключа или у колодца, впоследствии замененное или окроплением водой, или поднесением невесте и гостям воды в сосуде. Обряд этот, как оставшийся еще от языческих времен, вызывал порицание церкви. В грамоте

новгородского митрополита Кирилла II (1274 г.) прямо указывается: «И се слышахом: в пределах новгородских невесты водят к воде. И ныне не велим тому так быти; аще ли, то проклинати повелеваем»²⁹.

Кроме этих обрядов есть еще целый ряд других, менее типичных или еще мало исследованных, как возложение хлеба на головы новобрачных, потчевание их медом и солью (весьма характерно!), выметание дома и двора, развязывание узлов, отпирание замков и пр. Обо всем этом церемониале, который несомненно существовал уже в языческий период, известий сохранилось очень мало.

Что касается покрывания невесты, то, по словам Казвини, славянская девушка становилась тотчас женою того, кто ее, простоволосую, при встрече покрывал платком. Следовательно, всеславянский и всеарийский обряд покрывания существовал уже в период язычества. От этого обычая, вероятно, возник и термин — *namêtea*, *namêtkä* (от *namêtati*, *inicêre*), для обозначения особого покроя для головы, носимого замужними женщинами. Другим общеславянским термином является — *závoj* или «повой». О том, что замужние женщины покрывали голову, видно из легенд о св. Людмиле, у которой на голове был «závoj», «увивало» — «имша же Людмиле възвергоста увивало, сиемша с главы ея на шию ей и тем удависта ю», — а также из новгородской грамоты кн. Ярослава Владимировича от 1195 г., где указано, что тот, кто сорвет с чужой жены «повой» и она останется простоволосой, должен заплатить пеню. Под 980 г. в Киевской летописи встречается указание, что невеста того времени должна была в доказательство своей покорности снять у жениха обувь, что затем удержалось как на Руси, так и у других славян; Рогнеда, дочь Рогволода, говорит о Владимире: «Нехочу розути робичича, но Ярополка хочу» (Лавр. летоп., 74). Подобный же обычай был у германцев и иных народов. В рукописи

²⁹ Истор. Библ. VI, 99.

XI в. — «Слово некоего христолюбца» — дается ряд указаний на свадебные обряды, в которых еще остались следы язычества, причем упоминается и каравай, как жертвенный хлеб³⁰. Затем тот же автор ополчается против языческих обычаев, говоря о свадьбах, что они совершаются с «бубны и сопельми и с многими чудесы бесовскими», а самое печальное, что участники свадьбы делают себе изображения фаллов и, напиваясь, совершают с ними различные непристойности.

В летописи, писанной для переяславско-суздальского князя Ярослава Всеволодовича (XIII в.), обмен перстнями при сговоре относится к обряду языческому, в то время как в поучении епископа Луки Новгородского (XII в.) «обручение девицы» упоминается уже как обряд христианский. Наконец, как было уже сказано, в грамоте новгородского митрополита Кирилла (1274 г.) имеется свидетельство, что обряд омовения удерживался в Новгороде еще и в XIII в. Вероятно, помимо омовения он сопровождался еще и эротическими играми, потому что церковь его запрещает.

Время года, когда могла быть совершаема свадьба, не было ограничено, но, естественно, явился обычай «играть» их в наиболее удобную пору. С этой целью уже издавна была избрана поздняя осень и зима, когда все хозяйственные работы были закончены и наступал относительный покой. На это же время указывают и народные песни: польская — *nie moja to jeszcze jeseń przyszła*», словацкая — «*Dočakam sa mladej ženy na jeseň, keď, odpadne drobňý lístok z čerešieň*» и белорусская — «Ня ходзи, кума, весной за муж, весною хлеба нетуци, а ходзи, кума, за муж восенью; восенью кума пирогоу напекуць».

Другим подходящим временем для свадьбы был конец зимы, так как в этом случае продолжительная беременность не со-

³⁰ «Коровай молить», «моление коровайное». «Слово некоего христолюбца и наказание отца духовного о покорности и послушании». *Никольский Н.* Материалы русской духовной письменности. СПб. Сбор. отд. рус. яз. Акад. Наук, 1907 г. Т. LXXXII, 4.

впадала с порою полевых работ. В России сохранилось старое название февраля — «свадебный», а в XV в. время масленицы обычно называлось «свадьбы»³¹. Эти брачные сезоны предугадали и время, когда все невесты выводились на показ, на «смотрины» или даже на особые торги, как это было у татар, монголов, а среди славян сохранилось у угро-русов, на Балканах, Украине, Подолии и в Новгороде.

В результате всех исследований можно сказать, что древняя славянская свадьба в конце языческого периода имела уже свой церемониал, который, однако, постоянно изменялся и дополнялся в дальнейшем своем существовании рядом драматизированных пережитков, сопровождаемых хороводами, песнями участников свадьбы, под аккомпанимент струнных инструментов (гусли, лютни), дудок, сопелей, бубнов. К этому веселью присоединялись и маскарады, сопутствовавшие всем языческим обрядам, включая и погребение. Весь этот ритуал вызвал возникновение целого ряда общеславянских свадебных терминов — свадьба, *svatba*, *swazba*, серб. *brak*, польск. *ślub*, чешск. *šňatek*, — которые были либо приняты вместе с обрядами, либо изменены или отвергнуты христианством³².

Должно отметить, что языческий свадебный обряд настолько укрепился в народных обычаях, что долгое время простой люд считал недостаточным церковное венчание и, пока не была выполнена обрядовая сторона, согласно со старыми традициями, брак не признавали совершившимся. Народ полагал, что церковный обряд нужен для князей и бояр. На это указывает Поучение XI в. киевск. митрополита Иоанна II: «Не бывает на простых людех благословение: венчанье, но боляром токмо (и) князем венчаться; простым же людем, яко и меньшице поймают жены своя

³¹ Сахаров И. Сказания русского народа.

³² Сумцов Я. К вопросу о влиянии греческого и римского свадебного ритуала на малорусскую свадьбу. Киев. Старина, 1886, I.

Левицкий О. Обычные формы заключения браков в юго-западной Руси в XVI—XVII вв. Труды XI Археол. Съезда, II.

с плясанием и гудением и плесканием...»³³ Народ же продолжал «играть» свадьбу по старым местным обычаям, о чем имеются свидетельства вплоть до XVII в., как в России, так и на Балканах, где «свадьба» считалась чем-то иным и более важным, нежели церковное венчание, и против чего восставала как церковь, так и законодательство³⁴.

Сведениями о свадебных обрядах, конечно, далеко не исчерпывается супружеская жизнь древних славян. Важным проявлением ее была еще полигамия, которая и в христианскую эпоху продолжала существовать наряду с моногамией. Решающим началом в этом отношении было имущественное благосостояние мужа, которое допускало не только двух или трех жен, о чем говорит летописец Нестор, указывая на «звериньский обычай» радимичей, вятичей, северян и древлян — «имяху же по две и по три жены», — но и гораздо большее число как жен, так и наложниц. На полигамию указывает и Оттон, епископ Бамбергский, требуя от литовцев и померанских славян, чтобы те, кто из них имеет много жен, избрали себе одну и оставили бы остальных. Кроме Нестора о многоженстве на Руси говорит целый ряд церковных и светских предписаний XI и XII вв. и арабские писатели³⁵.

О чехах сведения дает Косьма (1002 г.) и автор жизнеописания св. Войцеха, указывающий, что одной из важных причин, благодаря которой Войцех покинул свое епископство, было много-

³³ Русск. Истор. Библ. VI, 7. СПб., 1880.

³⁴ В законе Душана указано, что «и ниједина свадба да се не учини без венчанија; ако ли се учини без благословенија и упрошенија цркве, такови да се розлуче». Законник *Стефана Дугуана*. Београд, 1898.

³⁵ В положении о церковных судах кн. Ярослава Владимировича (1051—1054) читается: «Аще муж оженится иною женою, со старою не распустився, муж епископу в вине, а молоду в дом церковный, а с старою жити... Аще две жены кто водит, епископу 40 гривен, а которая подлегла, та поняти в дом церковный, а первую держати по закону». *Хвольсон*. Ибн-Даста о славянах и русских. 1869.

женство. О многоженстве южных славян известий от языческого периода не осталось, но любопытные пережитки двоеженства у болгар и сербов достаточно свидетельствуют о том, что полигамия была в ходу и у них³⁶. Известны особые термины для незаконных, т.е. не церковного брака, жен: русск. невенчанная жена, наложница, посадница; чеш. *souložnice*, *ženina*; на Балканах — *hotimica*, *priložnica*, поводница.

О гаремах славянских князей дает сведения Ибрагим ибн-Якуб, указывающий, что своих жен, доходящих нередко числом до 20 и более, они держали взаперти и строго за ними следили. Из отдельных случаев можно указать на главу известного чешского рода Славников, имевшего целую толпу жен, и на польского кн. Мешко, у которого до чешки Дубравки и его обращения в христианство было семь жен, особенно на киевского князя Владимира Пятого, имевшего, кроме 5 законных жен, 300 наложниц в «Вышегороде, 300 в Белегороде, а 200 на Берестове», и кроме того приказывавшего приводить к нему замужних женщин и девиц из народа³⁷. Как говорит предание, после крещения Владимир отпустил всех наложниц. (*Самоквасов*. Памятники; 9, 10.)

Впрочем, полигамия не есть специфическая, чисто славянская черта; это скорее просто признак того культурного уровня, на котором они тогда находились, и она одинаково встречается как у восточных (киргизы, остяки, буряты, персы), так и западных народов (фракийцы, пруссы, германцы, особенно северные, галлы), соседей славян. Что же касается полиандрии, то есть известие только о сожительстве двух братьев с одной женой, на Руси, что осуждалось церковью и о чем упоминает постановление кн. Ярослава³⁸.

³⁶ *Rad. Gruič*. Бигамија и полигамија код. Срба. Летоп. Мат. Срп. 1909. Бобчев. Ист. на староболгарского право, стр. 519.

³⁷ «...Бе же Володимер побежен похотью женьскою». (Лавр. лет., 78.)

³⁸ Пункт XX говорит: «Аще два брата будут со едною женою, епископу 100 гривен, а жена в дом церковный». (*Владимирский-Буданов*. Хрест. по ист. русского права. I, 220.)

На браки между родственниками помимо Нестора указывает и Оттон Бамбергский, запрещая их среди померанских славян. Для некоторых видов кровосмешательства, против которого восставали древнее законодательство и церковь, существовали особые термины, как напр., «снохачество»: «Аще свекор с снохою сблудит, епископу 100 гривен а епитимья по закону»³⁹.

Явление эндогамии можно объяснить, кроме желания князя сохранить единоплеменность⁴⁰, влиянием прикаспийских иранцев⁴¹, у которых этот обычай существовал еще до X в., в эпоху Сассанидов. С другой стороны, у славян не возбранялся брак с чужестранками, а славянские женщины в качестве рабынь и наложниц развозились по всему свету⁴². В свою очередь, у славян также были жены и наложницы-чужеземки, захваченные главным образом во время набегов и грабежей. Было время, когда на Руси можно было достать рабыню за один куний мех (отсюда — «куны»), а отрока-раба — за беличью шкурку.

О том, что уже в древнейший период брак у славян был актом большой важности, видно из его следствий, особенно поскольку дело касалось верности и целомудрия жен⁴³. В X в. Масуди и в XI в. Кардизи отмечают, что прелюбодеяние у славян (русских) случается редко и карается оно весьма строго. Впрочем, это черта не только славянская; она встречается и у германцев, и среди восточных соседей.

³⁹ Смирнов. Очерки семейных отношений по обычному праву русского народа. Москва, 1878.

⁴⁰ Об этом существует достаточная литература: A. Rapp., F Spiegel, V. Geiger, E. West, D. Sanjana, Hübschmann и др.

⁴¹ Ядринцев К. Обычай прикаспийского населения Персии в X в. Жив. Стар., 1909. II—III.

⁴² Гаркави. Сказания мусульманских писателей о славянах и руссах. СПб., 1870.

⁴³ О верности славянских жен говорит уже в VI в. Маврикий в своей «Стратегике» (Maurikios. Strategika, XI).

Жена похищенная, равно как и купленная, поскольку она переходит во власть мужа, должна была сохранять ему верность. Поэтому за прелюбодеяния налагались тяжкие и решительные наказания, не исключаящие и смертную казнь. Подобного рода верность жены была вызвана не только страхом перед законом, но в ней можно уже различать зачатки нравственного чувства; недаром супружеская верность уже издревле почиталась у славян чем-то прекрасным. На это указывают и слова Бонифация: «*Magno zelo matrimonii amorem mutuuum servant*».

В силу этих отношений жена для славянина была не только работницей, слугой мужа и матерью детей, но чем-то большим, что видно уже из поучения Владимира Мономаха (1113—1125) к своим детям, где он говорит: «Любите жену свою, но не давайте ей над собой власти». Однако на основании всего сказанного не следует полагать, что супружеская жизнь славян была так уж чиста и безупречна. Этому противоречат многочисленные примеры настойчивой борьбы церкви с распущенностью, прелюбодеянием и блудом (блaдъ), которые, конечно, являлись еще традицией язычества с его оргиазмом, плясками и играми, сопровождавшими свадьбу и похороны, празднества и жертву, обычно называемыми церковными указами и поучениями — «бесовскими», «сатанинскими», «многовертными плясаниями». Несмотря на все противление церкви, языческие праздники перешли и связались с христианскими, напр., с Рождеством Христовым, со днем Иоанна Крестителя и другими. При этом в них традиционно перешли и хороводы, и ночные пляски, и игры — русальные, купальные, дня Ярилы, Костромы⁴⁴, радунницы, «субботки»⁴⁵, Ивана Купалы и т.д. Каков был смысл всех

⁴⁴ Аничков Е. Весенняя обрядовая песня на Западе и у славян. СПб., 1905; Будилович. Первобытные славяне. СПб., 1878.

⁴⁵ Польская песнь говорит о прыгании через огонь: «*Oj sobôtka sobôtecka, pojdzie do mnie dziewusecka, a cyś godna cy nie godna, nie ucie kajze od ognia*».

этих хороводов и плясок — сказать трудно. При свадьбе в них можно отметить драматический элемент, аналогичный античному мистерияльному «действию», откуда произошла греческая драма. На это указывают как самые термины русских источников — глумьци, игри, игрище, позорище, «позоры творити» и «scenae» Косьмы Пращского, так и маскарадное переодевание мужчин в женщин и наоборот, а также в различных зверей — коней, козлов, медведей, быков, оленей. Горячие нападки и осуждения таких игрищ и маскарадов — «москолудства» — встречаются уже в XI в. у Луки Жидяты.

Причины таких переодеваний были, очевидно, различны; возможно предположить, что они возникли на почве распушенности и буйного веселья; иногда в этом сказывалась драматизация мифов, восходящих к культу предков, или ими сопровождалось заклинания сил природы (демонов). Позже подобного рода маскарады утратили свое ритуальное значение, превратившись просто в развлечения и различные пантомимы. При весенних празднествах, связанных с выбором жениха и невесты, основным мотивом был эротический элемент, который, однако, продолжал проявляться и в летних забавах. Впоследствии он значительно смягчился, но и теперь еще в некоторых местах встречаются крайности, доходящие до гетеризма⁴⁶. Важно отметить, что помимо девушек и парней в хороводах принимали участие и молодые жены⁴⁷, несмотря на сопротивление и запрещения семьи и мужа⁴⁸; об этом участии говорят и песни, приведенные Е.В. Аничковым, напр.: «Все кумы подруженьки на игрище

⁴⁶ Веселовский А. Гетеризм, поборатимство и кумовство в Купальской обрядности. Журн. Мин. Народ. Просв. 1894, II. *Снегирев*. Русские простонародные праздники.

⁴⁷ «Тамже и женок и девок много ходят и там девицы девство диаволу отдают» (А. *Соблевский*. Живая Старина, 1890, II).

⁴⁸ «Аще жена иметь, опроче мужа своево воле ходити по игрищам или во дни или в нощи, а муж иметь съчивати (т.е. увещевать), а она не

ушли, а меня младу-младешеньку не отпустили. Я во сердце-то войду, во ретивое войду, сама на игрище дойду». Об эротизме этих забав имеется целый ряд свидетельств с древних времен. Так, поучение Иоанна II, митрополита Киевского (1080—1089) запрещает не только безмерное пьянство и светские пиры, но и «играние, плясание и гудение... да не осквернять чювьства виденьем и слышанем». Еще более определенно говорит грамота митрополита Кирилла II (1274): «В субботу вечер собираются вкупе мужи и жены и играют и пляшут и скверну деють в ноц св. възкресения, яко Дионусов праздник празднують...»⁴⁹ и «Слово некоего христолюбца»⁵⁰, который восстает против вечерних игр, связанных с почитанием огня, вил, Мокоша, Сима, Ръгла, Перуна, Рода и рожаниц⁵¹. «А всех же играний проклятее есть много вертимое плясание» — говорит Иоанн Златоуст, — «а по плясании начаша блуд творити с чюжими женами и сестрами...», «пляшущая бо жена многим мужем жена есть»... Такого рода свидетельства имеются вплоть до конца XVII в., а также и в целом ряде извлечений из грамот, опубликованных Н. Харузиным⁵². Но особенно интересны известия летописи (краткой), писанной до 1219 г. для суздальского кн. Ярослава Всеволодовича, где помимо уже приведенной выписки из Киевской летописи о радимичах, вятичах и пр., которые ходили «на игрища, на плясание и ту умыкаху жены себе», приводится указание на то, что в древнейшие времена славянам были известны

послушает: розлучити ю» (Постанов. кн. Ярослава, § 58; *Владимирский-Буданов*. Хрест. др. рус права. I, 244.)

⁴⁹ Историч. Библ., VI.

⁵⁰ *Владимиров Я.* Поучения против древнерусского язычества и народных суеверий в сборнике *А. Пономарева* «Памятники древнерусской церковно-учительной литературы». Вып. III. СПб., 1897.

⁵¹ *Тихонравов*. Лет. русск. литер. IV, 90: «Еже есть плясание, гудение, песни мирьские и жертвы идольския, еже моляться огневе...»

⁵² *Этнографическое обозрение*, 1897, I.

любовные средства (aphrodisiaca)⁵³ и некоторые другие женские уловки вроде обнажения плеч, украшения рук перстнями, румян и белил⁵⁴. Указания на прелюбодеяния встречаются и в княжеских судебных распоряжениях, которые за поступки подобного рода назначали наказания. Как трудно было бороться церкви с этими языческими пережитками, видно из печалований летописца, что народ идет на игры, в то время как храмы пустуют. Аналогичные эротические пляски были и у поляков, что видно из старых преданий о «субботках», о плясках в вечер под Ивана Купала и Петра и Павла. При этом пелись песни с упоминанием языческих божеств — Лель, Полель, Есса (Iessa) и особенно Лада.

Все эти празднества с подобного рода песнопениями и плясками осуждались многочисленными нравственными поучениями, характерным примером которых может служить проповедь Петра из Милославии (Milosławia XV в.): «*Consuetudo est apud homines aliquos, quod in vigilia huius Sancti (Iohannis Bapt.) faciunt ignem et corisant circa eum et aliqui exponunt illam herbam authomasiam... ubi fiunt clamores, visus impudica verba et multa mala*» (*Brückner. Kazania*, III, 141).

К аналогичным явлениям можно отнести «*connubia communia*», существовавшая у чехов, о которых упоминает Косьма Пражский (I, 36), так как о настоящем брачном коммунизме у чехов в то время не может быть речи.

Так приблизительно слагалась брачная жизнь замужних женщин у древних славян.

Источники, относящиеся к X—XII столетиям, дают известия о нормальной семейной жизни; они свидетельствуют, что сла-

⁵³ В проповеди еп. Нифонта XII в. указывается, что «...аще не възлюбят их (жен) мужи, то омывають тело свое водою и ту воду дают мужем». (Ист. Библ. II, 60.)

⁵⁴ «Зане слаб сущи женскыи обычаи и начата друга пред другою червити лице и белим тръти, абы уноша възжелел ся на похоть» (Временник I, 3—4).

вянская женщина выделялась среди других народов любовью к детям и преданностью и верностью мужу. Однако с наступлением весенних и летних празднеств и ночных хороводов замужняя женщина под влиянием воспоминаний о счастливой поре вольной молодости и тоскуя по соблазнительному веселью присоединялась к молодежи, в особенности если муж находился в отсутствии или был нелюбим. Можно предположить, что в те времена в глазах окружающих это и не считалось нарушением верности; нельзя определять существовавшие в древности отношения между супругами современной моралью. Возможно, что эротически характер этих празднеств являлся частью культового ритуала, возникшего под некоторым влиянием восточных религий, с которыми славяне издавна были знакомы. Длугош⁵⁵ вводит в славянскую мифологию богиню Дзидзилелию, как защитницу любви и плодovitости, но происхождение этого имени, по мнению Брюкнера, имеет другую основу: оно состоит из искусственного сложения двух слов *dzieci+lelija*, т.е. *děti+lelija*, последнее слово от гл. лелеять, убаюкивать. То же следует сказать и об имени Лады⁵⁶, в которой многие мифологи хотели видеть особую богиню, в то время как это наименование возникло из припева свадебной песни: «Ладо! Ладо!» Так же

⁵⁵ *Dluhoš. Hist. Pol. ed. Przdziecki, I. 47: Venerem nuncupabant Dzydzilelija, quam nuptiarum deam existimantes prolis fecunditatem ab sibi deposcebant numerositatem donari.*

⁵⁶ *Потебня. Объяснения малор. песен. Варшава, 1883. В Густинской летописи XVII в. Ладо упоминается как свадебное божество: «Ладо, бог пепельный, сего верили быти богом женитбы, веселия... сему жертву приношаху хотящии женитися, дабы его помощию брак добрый и любовный был. Сево ладона, беса по некаких странах и доньне на крестинах и на брацех величают, поюще своя некие песни и руками о руки или о стол плещуще, ладо, ладо преплетающе песни своя, многажды поминают» (Пол. Собр. Русск. Летоп. II, 257). В древнерусск. яз. «ладо» обозначал мужа, супруга.*

ошибочно предполагал J. Dulaure⁵⁷ существование бога Припегала, которого этимологически связывал с именем Приапа и фаллическим культом⁵⁸. Следует обратить внимание на то, что сексуальная жизнь девушки до брака и после него была совершенно различна. Согласно известию Масуди о древних славянах, девушка, не имевшая возлюбленных, считалась в глазах мужа, с которым она вступала в брак, менее ценной, и он имел даже право ее прогнать. Сетованиями на утрату девичьей невинности наполнены церковные поучения первых времен, и за счет христианства следует отнести начавшееся соблюдение моральной чистоты у незамужних женщин.

Не следует, однако, думать, что девичество и целомудрие в древности играло столь большую роль, как впоследствии. Жизнь девушки была гораздо свободнее, особенно на Руси и на Балканах, где и поныне еще сохранились общие их встречи с парнями — досвитки, вечерницы, посиделки, беседы, *zálety*, *ogłędy*, *обзоринъи*, *серб*, *ашикованье*, и где молодежь до брака общалась между собою весьма свободно, как и на свадебных пирах, при языческих обрядах, ночных хороводах и пр. Лесные или луговые оргии были обычны, что видно из постановлений древнейшего польского права, «*elbląŋžského*», относящегося к половине XIII в., согласно которым прелюбодеяние, совершенное в доме, каралось гораздо строже, чем насилие на поле или в лесу, где оно все еще понималось как остаток культа и связанных с ним эротических забав. Именно эту сексуальную распущенность следует видеть в указании летописца о «звериньском образе», «*concupbia mixta et communia*» жизни древних славян.

Если женщина, в особенности незамужняя, могла вести свободный образ жизни, то мужчина холостой или женатый еще менее считался связанным по отношению к женщине, хотя бы ставшей его женой путем брака. Однако, если мужчина погрешал

⁵⁷ J. Dulaure. *Die Zeugung im Glauben...* Leipzig, 1909.

⁵⁸ Léger L. *Mythologie*.

с женою другого и тем нарушал чужие супружеские права, он присуждался к тяжелым наказаниям или даже смерти.

Совершенно иное отношение было к незамужней женщине и наложницам, которых богатые люди имели наряду с законной женой. Особенно свободны и откровенны были эти отношения у русских князей и при их дворах. Русский князь, окруженный дружиною в 400 воинов, имел около 40 девушек, которые садились с ним за обеденный стол. «А иногда, говорит ибн-Фадлан⁵⁹, князь общается с какою-нибудь из них в присутствии своей дружины». Конечно, подобных наложниц имели и дружинники.

Сходное с этим открытое общение с женщиной наблюдает ибн-Фадлан и у купцов, которые, как и дружина, принадлежали к зажиточному, привилегированному классу. О князе Владимире говорит под 980 г. Киевский летописец: «Бе бо женолюбец, якоже и Соломон», а Дитмар рассказывает, что он носил даже особый пояс, который должен был возбуждать его страсть. Несомненно, многое в этих распущенных нравах было заимствовано с Востока и у германцев, от которых, например, славяне усвоили древнее наименование проститутки — «курва», кигьва (от *horva*), и затем передали его албанцам, мадьярам, грекам и румынам.

Следует отметить, что скопцов у славян не было, но еврей-купцы осканили мальчиков для продажи в рабство. Впоследствии летопись (под 1090 г.) приводит пример христианского аскетического скопчества. Что же касается евнухов, то они были в княжеских гаремах.

Вообще, жизнь славян в конце языческого периода характеризуется значительным восточным влиянием, собственно греко-восточным, которое сказывалось в религии, культах, с нею связанных, и поверьях. Эти влияния внесли также много нового в смысле крайностей и допущения различных извращений в сексуальную жизнь, прежде буйную, но близкую к природе и естественную в своих проявлениях.

⁵⁹ *Гаркави*. Сказания мусульм. писат. о слав. и руссах.

IV. УХОД ЗА ТЕЛОМ И ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Славяне, предоставляя развитию тела полную свободу, не особенно заботились о его чистоте, что, впрочем, свойственно всем народам, живущим вольной, близкой к природе жизнью. Уже Прокопий (VI в.) говорит о славянах и антах, что они отличаются своей нечистоплотностью, подобно массагетам. В одном из трактатов IX в. (присоединенном Ф. Моммсенем к «Исидоровой хронике») говорится о «*sputitia Sclavorum*», т.е. о нечистоплотности славян. Аббат Штурм, придя однажды к реке Фульде, нашел там множество померанских славян, и, хотя они купались, но аббат все же чуть не задохся от вони, которую они распространяли. На Руси в княжескую эпоху, как и у полабских славян, низший, несвободный класс людей, как известно, назывался смерди, *smurdi*⁶⁰, что прежде связывалось с глаголом смердети, но против чего существуют филологические возражения⁶¹. Однако ко всем этим известиям следует относиться с некоторой осторожностью, принимая во внимание, что они исходят от отдельных лиц высшего класса и от христиан, особенно враждебно настроенных против славянского язычества. Нужно иметь в виду, что римские свидетельства говорят и о немецких бастарнах (Tacitus, Germ., 46), как о «грязных» и «вялых». Также отзывается Герборд и о неприятелях — данах (Датчанах). Следует принимать во внимание, что если ибн-Фадлан говорит о нечистоплотности русских купцов XI в.⁶², то еще неизвестно, были ли это купцы славянские или варяги.

⁶⁰ Романов Б. Смердий конь и смерд. Изв. Акад. Наук Отд. русск. яз. XIII, 1908, III.

⁶¹ Соболевский А. Ж. М. Н. П. 1912., № 11, стр. 193.

⁶² «Каждый день утром у них (купцов) непременно приходит де-вушка с большой лоханью с водою и ставит ее перед своим хозяином, который моет в ней лицо, руки и волосы, моет и чешет их гребнем в лохани, потом высмаркивается и плюет в нее и не оставляет грязной вещи,

В противовес этим сведениям имеется ряд исторических свидетельств о том, что нечистоплотность славян была главным образом присуща люду простому, живущему в деревнях; что же касается высших слоев населения, то среди богатого класса рано создалась привычка содержать свое тело в чистоте, в силу чего и сложился славянский термин *mŭti se* — мыться, — и для этого они строили особые бани, которые были известны также и деревне.

Когда св. Андрей пришел в Великий Новгород, он нашел там, как передает летопись, бани, т.е. деревянные постройки, где люди, раздевшись, обливались щелочным квасом, били себя веником и, наконец, окатывались холодной водой⁶³. В той же летописи под 945 г. записано известие, что кн. Ольга приказала приготовить послам от древлян баню и из мести сожгла их в ней. «Они же пережгоша истопку и влезоша деревляне начата ся мыти. И за проша о них истобку и повеле зажечи я от дверей» (Лавр. лет. 356). О том же говорит аль-Бекри, цитируя Масуди, который описывает бани как деревянные постройки, оконопаченные мохом, имевшие внутри очаг, а в крыше — отверстие для отвода дыма. Когда огонь разгорался, то посетители входили, закрывая за собой двери и отверстие в крыше, поливали очаг водою и мылись в пару вениками. Он же приводит и название: *al-atbbá* или *al-itbbá*, что является исковерканною арабской записью слова изба, стар. сл. *istъba*. Относительно бани у западных славян говорит легенда

которой не делает в воде. Когда он кончит все нужное ему, девушка несет лохань к тому, кто сидит близ, и он делает подобно товарищу» (Гаркави. Сказ. мус. пис. о слав. и рус.).

⁶³ ...Видех бани древены и пережгуть я рамяно (и) совлокуться и будуть нази и облекуся квасом уснияномь, и возьмутъ на ся прутье младое (и) бьютъ ся сами, итого ся добьютъ, едва слезуть ле живи и облекуся водою студеною (и) тако оживут; и то творят по вся дни, не мучими никимже, но сами ся мучать и то творять мовеньє себе а не мученьє» (Лаврент. Лет. Стр. 7).

Христиана о св. Вацлаве, Герборд⁶⁴, ибн-Рустех и др. Еще и поныне в России встречаются отдельные банные строения, которые называются бани (диалект. бавня, байня), польск. лазня, мыльня, мовня (рис. 1). Внутренность бани⁶⁵ состоит из предбанника, где раздеваются, отдыхают и «запивают баню квасом», собственно бани, где есть печь-каменка, и «полок» обычно в виде ступеней; влезая выше или ниже, моющийся может париться в желаемой температуре; вдоль стен расставлены лавки, на которых моются. Обычно в банях парятся, обливаются, хлещут себя веником (дубовым или березовым); иногда воду подогревают, бросая в нее раскаленные камни (каменка) или чугунные ядра (чугунка), и для этого существует даже специальное выражение: «поддать пару». Интересно, что в некоторых местах народ устраивает баню и своим умершим, что называлось «парить стариков»⁶⁶. Подобные бани не были свойственны только славянам; их юго-восточные соседи — скифы, согласно свидетельству Геродота (IV, 73—75), входили в особую палатку с разведенным в ней очагом, на который лили воду и, кроме того, бросали в огонь конопляное семя, чтобы одурманивать себя при омовении.

На западе, у германцев, была известна баня — «badestube». Эти две аналогии дали повод к возникновению теории, что па-

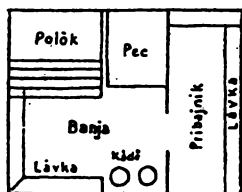
⁶⁴ *Herbord. Vita Ottonis II*, 16: nemque in stupis (т.е. stube) calefactis et in aqua callida... baptismi confecit sacramenta.

⁶⁵ См. у Даля.

⁶⁶ «Мнози-же от человек се творят по злоумию своему. В святой великий четверток поведает мертвым мясо и млека и яица и мыльница (баня) топят и на печь льют (для пара), и пепел посреде сыплют следа ради и глаголют: “мыйтесь!” и чехлы вешают и убрусы и велят ся терти (утираться). Беси-же смеются злоумию их, и влезши мыются и порплются в попеле том, яко и куры след свой покажут на пепеле на прельщение им и трутся чехлы и убрусы теми; и егда видят на попеле след и глаголют: “приходили к нам навъя (покойники) мыться”. Егда то слышат бесы и смеются им...» *Соболевский А.И. Живая старина*, 1891, IV.

1

2

3

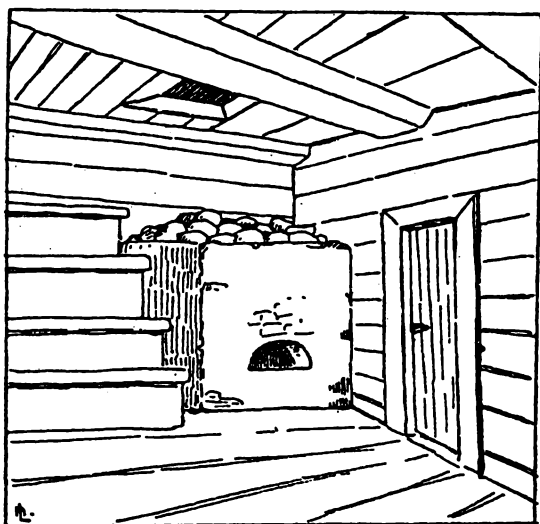

Рис. 1. Русская баня.

*1. Наружный вид. 2. План расположения. 3. Внутренность
(Новгородская губ.)*

ровая баня была заимствована славянами от соседей. Рудольф Мерингер (R. Meringer в «Mittheilungen d. anthropologisch. Gesellschaft». Wien, XXIII, 166 и сл.) доказывал, что славяне и германцы усвоили баню и ее формы от скифов, и лишь много позднее славяне взяли от немцев ее внутреннее устройство и название — «stube». В своей работе он утверждал, что коно-

пля — *κάνναβις*, употребляемая скифами при мытье, перешла от германцев к славянам и была ими воспринята со значением *koupele*, *koipati se*, ст.сл. *kapela*, *karati*, рус. купель, болг. къпальница, срб. купало, чеш. *koupeľ*. Согласно заявлению проф. И. Зубатого (I. Zubatý), нельзя отклонять возможности сближения между «конопля» и *карель*, но ничего неизвестно, какова была иранская форма, а равно, каким путем она проникла к славянам. Ввиду того, что нет сведений, подтверждающих употребления славянами конопляного семени в банях, приходится сомневаться в правильности объяснения, даваемого Мерингером. Подобные паровые бани существовали у греков и у иберийцев; в силу этого не исключена возможность, что скифы познакомились с баней уже по приходу в Восточную Европу и переняли ее от местного населения, соединив со старым обычаем одурманивать себя куревом из конопли в закрытых палатках.

Косметические средства. Косметические средства древние славяне знали мало. Вместо душистой мази, употреблявшейся скифскими женщинами, которая, высохнув, облупливалась и тем удаляла нечистоту с кожи, или вместо мыла — *šapo*, которое знали галлы и германцы, славяне употребляли жир, как главное универсальное косметическое средство, которым они натирали тело, чтобы придать ему крепость, предохранить от холода и укусов насекомых. Из жиров они пользовались чаще всего молочным маслом, этимологический корень которого уже указывает на первичное его применение — мазати. О крашении волос у скандинавской Руси говорит ибн-Хаукал⁶⁷. Душистые масла приходили к славянам с Востока и потому были доступны лишь зажиточным классам. Акад. Н.П. Кондаков предполагает, что некоторые виды позднейших серег — «колты» с полыми шариками, имитирующими жемчуг в металле, служили для того,

⁶⁷ *Гаркави. Сказания...* 221, 232.

чтобы наполнять их душистым маслом, которое при нагибании капало на платье и сообщало ему аромат⁶⁸. Позднее, когда связь с Востоком и Грецией увеличилась, возросло распространение косметических средств и среди простого народа, о чем свидетельствует летописец, указывая, что уже в XIII в. женщины, чтобы нравиться мужчинам, прикрашивали лица белилами и румянами.

Туалетные принадлежности. О том, что забота о теле у древних славян не была на низком уровне, свидетельствует существование различных туалетных принадлежностей, о которых археология сообщает многочисленные сведения. Чаще всего встречаются гребни для расчесывания волос, усов и бороды, бритвы, ножницы и маленькие щипчики для выдергивания волос, ухвертки и, наконец, зеркала.

Из них самым древним является гребень, встречаемый уже в неолитическую эпоху. Что же касается гребней в славянских могилах (или погребениях славянских земель), то чаще всего и в наибольшем числе они относятся к эпохе римского владычества. В этот период ручки гребней имеют форму лука или низкого треугольника (крышевидные). Позднее, в III—V в., появляются разнообразные ручки с орнаментом, состоящим главным образом из концентрических колечек. Гребень составлялся из ряда мелких зубцов, врезанных в общую ручку (рис. 2).

К концу первого тысячелетия, т.е. на грани языческой и христианской эпохи, в славянских землях исчезают гребешки старых форм — короткозубые с прорезной насквозь ручкой — и их заменяют следующие виды: 1) узкие и длинные гребни с густыми зубьями и низкой ручкой, которая в России загибается на концах в виде клюва. Самый гребень составлялся из отдельных костяных зубьев, вставленных своею гладкой частью в

⁶⁸ Кондаков—Толстой. Русские древности, вып. V, 141.

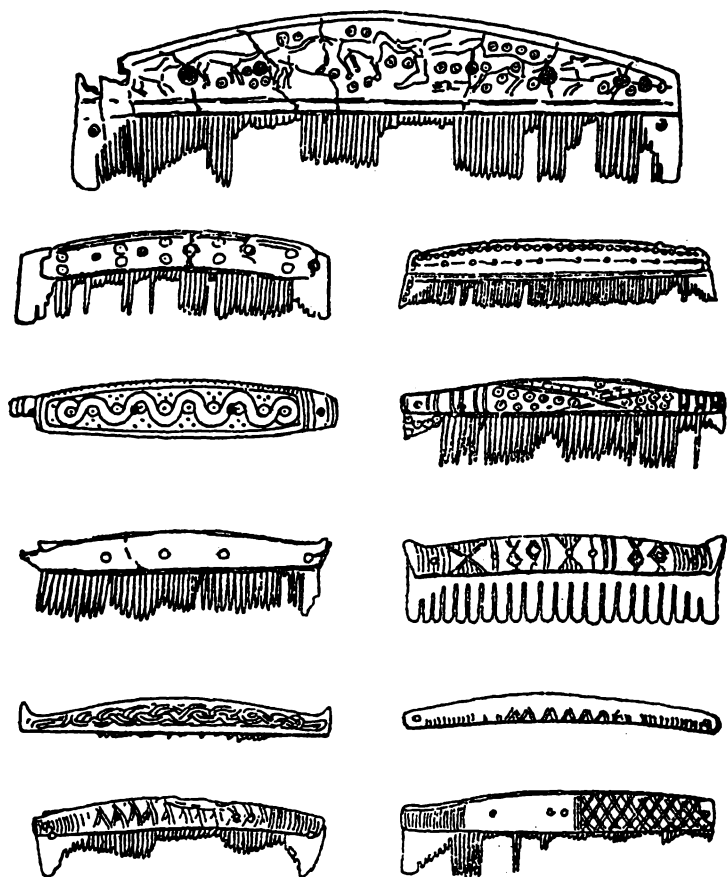

Рис. 2. Разновидности славянских гребней и расчесок (VI—XI вв.)

две костяные рукоятки, соединенные насквозь бронзовыми заклепками. К той же группе принадлежат гребни, которые могут складываться зубьями в рукоять. 2) Двухсторонние гребешки с резьбой на промежуточной средней пластинке, обычно более позднего происхождения (у славян IX и X вв.) и 3) металлические (бронзовые) гребни, короткие, односторонние с несколькими крупными зубцами; такие гребни главным образом втыкались в волосы для украшения (рис. 3).

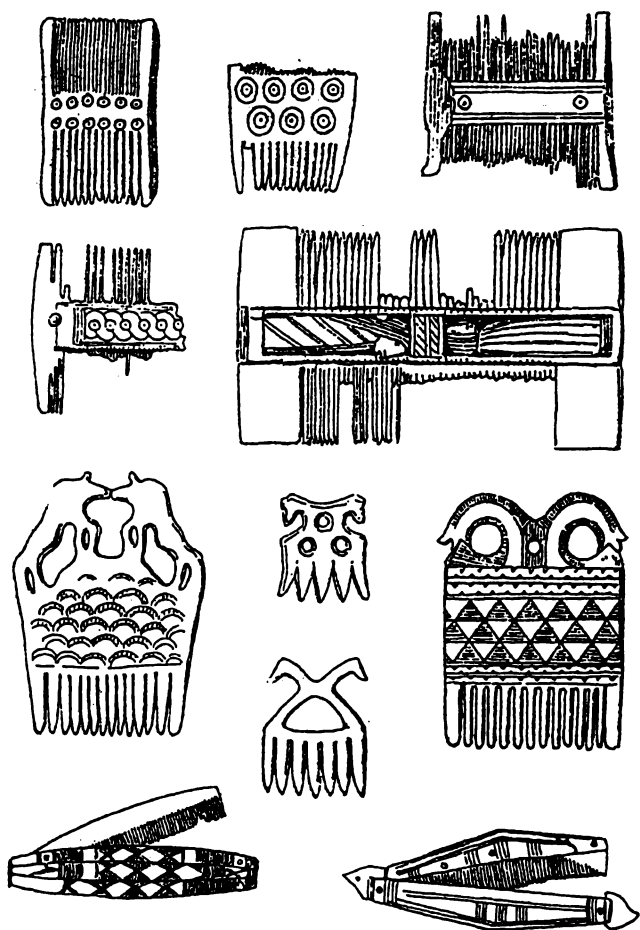

Рис. 3. Более поздние типы гребней и гребешков славянских и соседних с ними земель (IX—XI вв.)

При раскопках могил гребни обычно находятся у головы не только женщин, но и у мужчин и детей. Иногда их носили на ремне у пояса и даже в особом мешочке (находки у оз. Это, Витеб. г.). Вообще можно сказать, что прическа у славян в римскую эпоху стала предметом сугубого внимания; самое чесание волос получило особое значение, как это было у германцев.

Об ежедневном расчесывании волос говорит ибн-Фадлан, указывая, что на Волге купцы мылись и чесались ежедневно и что у членов княжеской дружины для этой цели были даже особые слуги. Аналогичный уход за волосами встречается и у остальных славян, на что указывает и общеславянский термин — *чесати и žesľь*, т.е. гребень. Однако рядом с этой терминологией явилось и привилось другое слово — гребень, от *гresti* (ст.сл. *greba, greti*), т.е. разрывать — воду веслом, волосы гребнем.

Для стрижки и бритья волос служили ножницы и бритвы. Ножницы римской эпохи впервые встречаются в северных Карпатах; они имеют вид ножниц, которыми в настоящее время стригут овец, т.е. состоят из двух заостренных металлических пластинок, обращенных остриями друг к другу, с изогнутой пружинящейся ручкой. Лишь с X в. начинают попадаться ножницы современного типа, особенно характерные для курганов юго-восточного побережья Черного моря, откуда они перешли и на север.

Бритва — инструмент более старый, чем ножницы, как на севере, так и вообще в Европе; первые находки их относятся еще к раннему периоду бронзового века, и они имели по преимуществу форму лунниц или тонких широких, весьма острых по краям, ножей из бронзового сплава. На славянской территории этот тип бритвы очень редок; ее заменяет северный тип, в виде широкого ножа с изогнутой рукоятью. Самое бритье не является изобретением северян, т.е. славян, так как северный климат не давал к этому повода. Вероятнее всего, что бритье появилось на востоке, откуда перешло в Италию и Грецию. У греков, со времен Александра Македонского, распространился обычай брить усы, а по окончании последней Пунической войны (149—146 гг. до н.э.) эта мода появилась в Риме, откуда перекочевала и на север Европы — в Галлию, Германию, а оттуда в славянские земли, о чем можно судить по большому количеству бритв, находимых в погребениях I—V вв. по Р.Х.

Бритва (от *брити*) является древним общеславянским словом. Инструмент, похожий на бритву, встречается у славян уже к концу

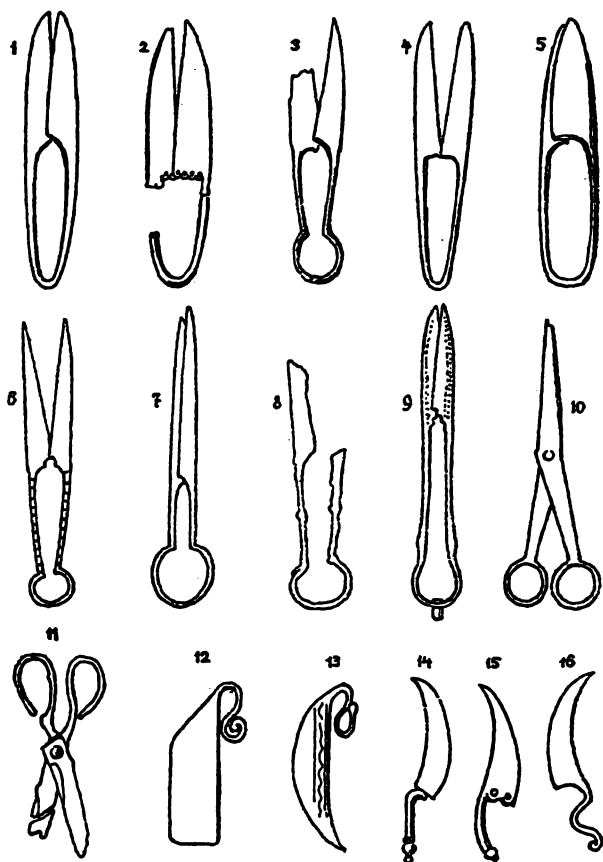

Рис. 4. Разновидности ножниц — 1—11 и бритва — 12—16

языческого периода, что же касается бритья, то о нем свидетельствуют миниатюры и некоторые исторические справки. О русских говорит ибн-Хаукал; привычка брить голову и носить широкие шаровары пришла на Балканы вместе с болгарами⁶⁹ (рис. 4).

Кроме того, в славянских могилах встречаются еще металлические пинцеты — щипчики для вырывания ненужных волос или

⁶⁹ Шишманов И. Критически преглед. Сборн. за народни умотворения, XVI—XVII.

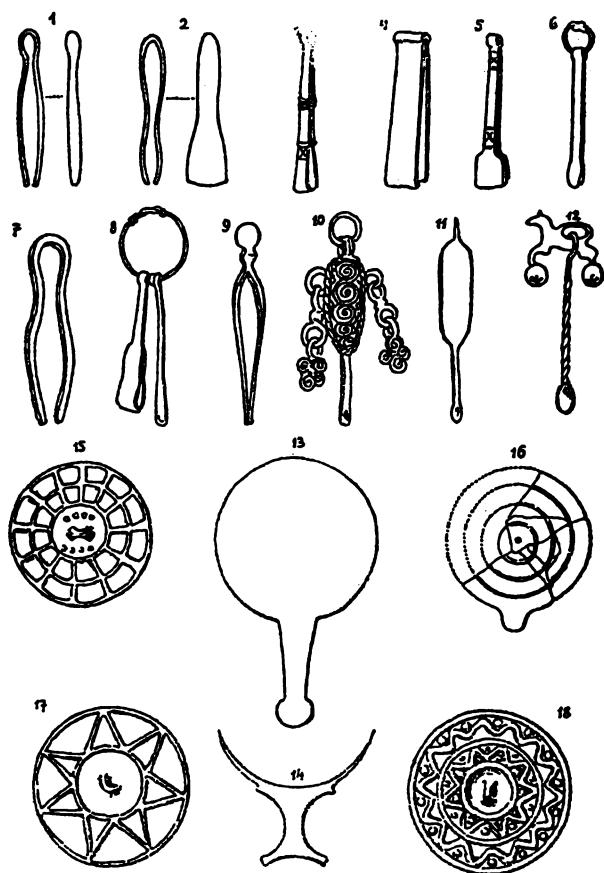

Рис. 5. Пинцеты и щипчики — 1—9; ухвертки — 10—12;
зеркала — 13—18

усов, а также и костяные, бронзовые и железные ложечки для чистки ушей — ухвертки, лат. *auřiscaprium*. Это все были изделия юга, доступные лишь богатым славянам. Пинцеты относятся к римской эпохе, а ложечки — к еще более давним временам, и встречаются уже в бронзовом веке. Они иногда украшались привесками и носились в сумочке у пояса, либо на шее (рис. 5). Последним необходимым предметом туалета является металлическое зеркало. Такие зеркала встречаются на западной границе славянских земель

в римскую эпоху в достаточно большом количестве на южной и восточной окраинах русских славян уже во времена до Р.Х. Это обычно была круглая металлическая пластинка беловатого сплава, прикрепленная к такой же металлической ручке. Начиная с V—VI вв. встречается иной вид зеркала, тоже древнего происхождения, круглого с рельефом по краю, и с ушком, чтобы держать или подвешивать. Таких зеркал попадаетеся очень много в России, особенно в кавказских и хазарских могильниках V—VIII вв. и у кочевников последующих времен. В славянских могилах зеркал пока не обнаружено, хотя при усилении восточной торговли их распространение среди славян вполне допустимо. Вообще же они были предметом ввоза с Востока. Зеркало — *zъscadlo* — термин старославянский от корня *zer*, расширенного в *zerk*; чеш. *zrcadlo*, польск. *zwierciadlo*; древний и сербский термин — *огледало*. О татуировке и разрисовывании тела, принятого у некоторой части индоевропейцев, относительно славян сведений не имеется, кроме указания летописи на употребление белил и румян (рис. 5).

V. ПИЩА И НАПИТКИ

Длугош в начале своей истории говорит о природных богатствах Польши, из описания которых можно заключить, что пищей древних славян было все, что могла доставить съедобного окружающая природа: хлебные злаки, зелень, овощи, лесной и полевой зверь, рыба и, наконец, различные виды домашнего скота.

Мясная и молочная пища. Не так давно Ян Пейскер⁷⁰ высказал мнение, что древние славяне были вегетарианцами в том смысле,

⁷⁰ *Peisker J.* Die alteren Beziehungen der Slaven zu Türkotataren und Germanen und ihren sozialgeschichtliche Bedeutung. Berlin, Stuttgart, Leipzig, 1905.

что они, кроме мяса лесных зверей и рыбы, не пользовались ни мясом домашнего скота, ни его молочными продуктами. Свою теорию он построил на том, что славяне самые термины — скот, пища (*nuta*), молоко — заимствовали у германцев, а — коза, вол, бык и творог — у тюрко-татар. Это обстоятельство дало возможность Пейскеру предполагать, что славяне были рабами, с одной стороны, — германцев, с другой — тюрко-татар, которые и научили их впоследствии скотоводству и передали им свои термины. Признавая неправильной и недоказанной эту теорию, все же следует остановиться на том пункте, где разбирается мнимое вегетарианство славян. В данном случае Пейскер опирается лишь на одно известие Псевдо-Цезаря Назианского⁷¹ (брата св. Григория Назианского), но при этом толкует его произвольно. В этом известии говорится: почему звезды не могут влиять на небесные зоны? Ответ таков: потому что под одной звездой живут народы различного происхождения. При этом Псевдо-Цезарь указывает на славян и фисонитов или дунайцев (*Σκλαυηνοὶ καὶ Φυσωνῖται, οἱ καὶ Δαυύβιοι*), говоря, что первые, т.е. славяне, употребляют в пищу женские груди, полные молока, и убивают грудных младенцев; они смелы и самовластны; едят лисиц, диких кошек и кабанов. Вторые — напротив, умеренны, воздерживаются вообще от мяса и подчиняются кому угодно. История появления славян на Балканах в V—VII вв. рисует их дикими и жестокими, причем такие писатели, как Маврикий, Лев и Прокопий, дают сведения, что они употребляли в пищу всякие нечистоты, убивали младенцев и не терпели над собою власти. Нет ничего удивительного, что все эти известия вылились в представлении греческого христианского богослова в образ дикости и безудержности славян, причем фантазия или предания переходили границы правдоподобности, как это видно из рассказа об употреблении в пищу женских грудей. Что же касается фисонитов-дунайцев, т.к. о них ничего определенного не известно, то под ними могут

⁷¹ Dialogi, 110. *Migne. Patrologia Graecae* XXXVIII, 986.

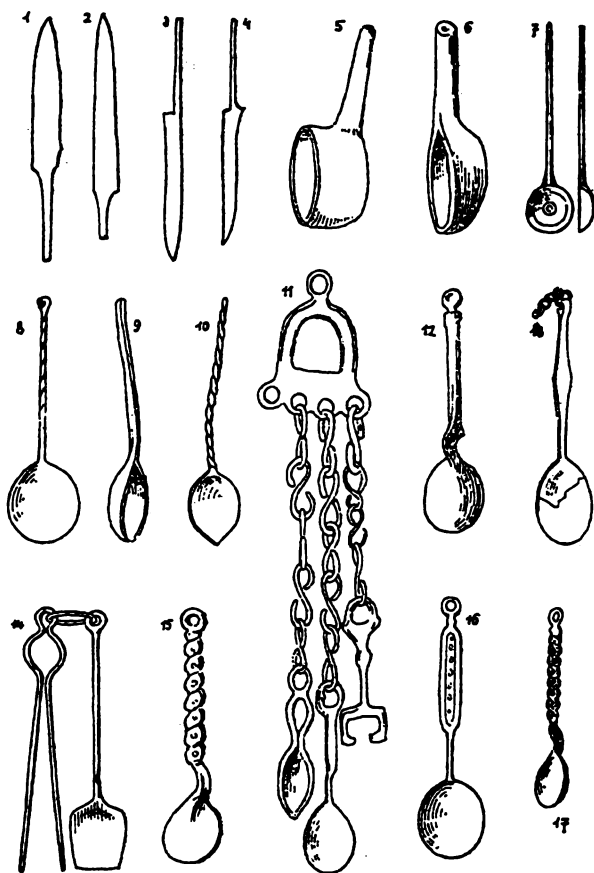

Рис. 6. Древнеславянские ножи — 1—4; деревянные и металлические ложки — 5—17

подразумеваться славяне, и Псевдо-Цезарь, желая указать различный характер людей, населяющих один и тот же край, описал различия в славянской жизни. Опираясь на эти известия, Пейскер относит свойства первых к фисонитам, а вторых — к славянам и отсюда делает свое натянутое и произвольное заключение о вегетарианстве славян. Из целого ряда доказательств видно, что славяне не были вегетарианцами, несмотря на то, что главной пищей их было просо, как и у соседей-кочевников.

О скотоводстве у славян имеются сведения от VI до XI вв., а следовательно, и о пользовании мясом, молоком и молочными продуктами. Это видно из обширной древнеславянской терминологии, относящейся как к отдельным видам скота (*krava*, *tuřь*, *ovъ*, *agņь*, *žrěbьсь*, *prase*, *bravъ*, *verřь* *svinъ* и др.), так и к молочному хозяйству, названия *tleko*, *tlezъ*, *mlezivo* и *tvarogъ* — общеславянские и древние. Кроме того, для обозначения сладкого молока у славян есть слово — *mlězъ*, млезиво, которое связано с лат. *mulgeo*, нем. *melken*, лит. *milsti*. Затем, помимо названия *тварогъ* (*tvarogъ*), славяне имеют название *сыр* (*syгъ*), что снова указывает на молочное хозяйство. Об этом говорит ряд прямых исторических свидетельств, правда, относящихся уже к более позднему времени, т.е. к концу языческого периода. Ибрагим ибн-Якуб пишет: «Славяне воздерживались есть кур, потому что они им вредили и способствовали заболеваниям рожею (болезнь, которая была очень распространена), но зато они ели говяжье мясо и гусей». Владимир Святой, став, по преданию, после крещения милостивым, распорядился, чтобы по его княжеству всем больным развозили хлеб, мясо, рыбу, овощи и мед в бочках. Позднее Оттон, епископ Бамбергский, обратив в христианство литовцев и померанских славян, запретил им в шестой день недели есть молоко и мясо. Сюда же надо отнести и все сведения о жертвоприношениях у славян скота, причем часть жертвенного мяса поедал народ. Христианские церкви (православная и латинская) воспрещали славянам пользоваться кровью убитых животных и употреблять в пищу мясо задушенного скота, как это было в обычае прежде.

К этому же относится и ряд археологических доказательств в виде часто встречающихся при раскопках могил остатков, а иногда и целых скелетов домашних животных. Они должны были служить пищей умершему в новой жизни, а еще чаще это были кости, находимые в пепелищах над могилами, которые должно считать следами поминальной трапезы (тризны).

Последним, очень интересным доказательством скотоводства у древних славян в языческую пору является наличие в числе не-

многих славянских богов Велеса, или Волоса, бога, охраняющего стада, «скотьяго бога», как его называют старые памятники. Велес был не только богом пришлым на Руси, но и всеславянским, которого Ст. Рознецкий противопоставлял Перуну, как местное и народное божество⁷².

Из всего этого видно, что Длугош был прав, написав, что население славянской колыбели было «*frumento et pecore divites*», а также прав был и Gallus, который, парафразируя античные стихи, рисовал древний польский край, как «богатый хлебом и мясом, медом и рыбой»... Конечно, не требуется особых доказательств, что славяне разводили домашнюю птицу, употребляя в пищу как ее, так и яйца, скорлупа которых часто встречается в могилах. Ибрагим ибн-Якуб, говоря, что славяне любили есть гусей, указывает далее, что им нравились также и тетерева. Кур, как уже указано, они избегали, полагая, что они вредят здоровью. Впрочем, это касается главным образом цыплят, так как кости кур часто встречаются в могилах, и они были характерным жертвенным блюдом на языческих празднествах; в качестве обрядового яства куры удержались до сих пор во всем славянстве при свадебных и поминальных трапезах⁷³.

То же относится и к рыбе⁷⁴, которой край изобиловал; уже издавна употребляли в пищу лососей, форелей, щук, пескарей, линей и др. Также встречаются свидетельства об употреблении икры.

Относительно людоедства следует отметить, что в конце языческого периода о нем уже не могло быть и речи, хотя у народов, соседних славянам, встречались следы каннибализма⁷⁵. Эпоха,

⁷² Погодин М. Заметки.

⁷³ Будилович. Первобытные славяне. 1878.

⁷⁴ Рыбу, ставшую обычной пищей в XI в., знает «Житие Феодосия» (изд. митр. Филарета, стр. 164—166) и «Русская Правда» (Владимирский-Буданов. Хрестоматия по истории русского права, т. I, стр. 33).

⁷⁵ Мюлленгоф (Mullenhoff) дает сведения о каннибализме у древних андрофагов сев. Скифии, иссидонах, массагетах и позднее у финской веси. Д. А. III, 17.

когда предки славян были людоедами, в смысле питания или ритуала, очень отдаленна. Что же касается известия Псевдо-Цезаря, то оно, как было приведено выше, мало вероятно и достоверно. В летописи под 1230 г. говорится о великом голоде в Новгороде, и при этом есть намеки и на каннибализм. Об употреблении в некоторых случаях человеческой крови встречаются сведения в сербском фольклоре⁷⁶, но их, конечно, нельзя признать свидетельствами; возможно, что они возникли на основании старых религиозных представлений и поверий.

Растительная пища. Славяне, как уже указано, не были вегетарианцами, тем не менее хлебные злаки, зелень, бобы, горох и проч. стручковые являлись для них одними из главных пищевых продуктов. Поэтому можно предположить, что славяне издавна вели сельское хозяйство, и уже в первое тысячелетие по Р.Х., когда они заняли места более плодородные и осели более прочно, их земледельческое хозяйство приняло вполне рациональный вид. Уже древние общеславянские названия — жито, пшеница, рожь, овес, просо — свидетельствуют об обширном разведении злаков в период общеславянского единения, но не представляется возможным определенно сказать, какие из этих злаков были усвоены раньше. Кроме того, о хлебопашестве сохранился целый ряд исторических и археологических свидетельств⁷⁷, относящихся ко времени первого тысячелетия по Р.Х. Из них видно, что в числе хлебных злаков славяне культивировали и просо, как обычное,

⁷⁶ *Тројновић С.* «Стара српска јела и пића» приводит сведения, что у убитого человека лизали кровь («Черногорцы облизывали ятаганы, убивши турка или арнаута»). Существовало также питье крови при заключении договоров или при побратимстве, что, однако, не является пережитком людоедства (*Геродот*, IV, 70).

⁷⁷ *Niederle L.* O prvotním zemědělství u Českých Slovanů. *Pravěk*, 1911. VII.

так и «panicum italicum», которое, по-видимому, пришло из Средней Азии в Россию и оттуда распространилось по Европе⁷⁸. Славяне делали из него как хлеб, так и кашу. Известно, что в 448 г. славяне угощали послов императора Феодосия просом и медом, что было излюбленным славянским блюдом. О просе у славян говорит «Стратегика» Маврикия и «Тактика» Льва. Известие Плиния о просе у сарматов, живущих у Черного моря, распространяется, конечно, и на местных славян.

В славянских могилах раннего периода просо трудно указать, тогда как археологические раскопки более поздних погребений — IX—XI ст. — дают обильные находки проса, что служит доказательством его широкого распространения.

Что касается злаков, то существовало два способа пользования ими: зерно либо мочили и поджаривали, после чего оно тотчас же становилось годным к употреблению, но менее вкусным, чем то, которое раньше размалывали, а затем из полученной муки приготавливали пищу. Славяне пользовались обоими способами. Начиная с X в. в памятниках встречается *брашьно*, т.е. молотое зерно (первоначально ячмень), а также и солод (т.е. моченое и высушенное зерно), употребление которого уже известно с началом христианского периода, а равно, как и крупа, «крупница». Какие продукты питания были обычны у славян, можно видеть из перечисления припасов, которые давались «городнику» (зодчему), согласно грамоте кн. Владимира Всеволодовича: это куны (деньги) на мясо и рыбу, хлеб, меры пшена, овес для прокорма скота, солод, куры, горох, соль и проч. В житии преп. Феодосия рассказывается, что некий боярин (XI в.) прислал в Печерский монастырь на пропитание: хлеб, сыр, рыбу, сочиво, мед и пшено. Обычный стол монахов был — хлеб, сочиво и рыба; в случаях же обострения нужды он ограничивался одним блюдом — вареной в котле пшеницей; с последней не следует смешивать так наз.

⁷⁸ Hoops J. Die Waldbäume und Kulturpflanzen im german. Altertum. Strassburg, 1905. I, стр. 323—326.

«пражъмо», т.е. жаренное недозрелое зерно ячменное или пшеничное, древнее народное блюдо в различных местах славянства. Сюда же относится и каша, чешск. *kaše*, польск. *kasza* — термин древний, общеславянский. Каша получила значение ритуального блюда еще в языческое время, откуда она перешла и в ряд христианских обрядов, как, напр., «кутья» (кутия поминальная), т.е. вареное зерно, приправленное различными фруктами; упоминается она в памятниках письменности начиная с XI столетия. Кроме простых пресных лепешек уже древние славяне выпекали калачи и пироги, известные своими большими размерами, мазанные сверху медом или посыпанные маком.

Хлеб был известен в Средней Европе в неолитический период, о чем свидетельствуют находки в швейцарских свайных постройках, откуда он распространился в места, занимаемые славянами. Этот пресный хлеб приготавливался из грубо растертого зерна и пекся в золе на раскаленных камнях очага.

Существующие предположения, что славяне даже примитивного рода хлеба не пекли и впервые заимствовали его от германцев, неверны. Если же предположить, что старославянское название хлѣб — *chlěbъ* (в чем некоторые сомневаются) взято от германского *laib*, гот. *hlaifs*, из прагерм. *hlaiba*, то возможно объяснение, что был усвоен новый термин для хлеба, который разнился от бывшего у них в употреблении лишь формой или способом приготовления; быть может, они узнали хлеб квашеный или печенный в печи. Такого рода заимствования названий для предметов, уже ранее существовавших у славян, весьма обычны, напр., миска, блюдо, *chuzь*, *buda*, *strěla* и др. Квашня (кислая закваска теста) была занесена в Европу из Египта довольно поздно. Однако Плиний уже говорит (*Historia Natur.*, сар. XVIII, 68), что в Галлии и Испании употребляли дрожжи для изготовления хлеба. Время появления квашни у славян еще не установлено.

Под 997 г. в Киевской летописи есть известие, что в Белгороде женщины из овса и пшеницы делали «кисель», а также знали и

хлебную закваску⁷⁹. В житии Феодосия Печерского говорится, что хлеб пекли в печах и заправляли квасом — «квас на състроение хлебом». На юге «кисел хлеб» упоминает Призренский Хризовул Душана⁸⁰. То обстоятельство, что термины — квась и дрожжи суть общеславянские, дает возможность предполагать, что germ. hlaifs обозначает не квасной хлеб, но приготовленный в печи и известный у славян с XI в. Помимо обычного монастырского хлеба в русских памятниках упоминается и лучший его сорт — «ржаной», «чистый». В годы голода хлеб приправляли, кроме отрубей, высевами, соломой, березовой корой и пр. Изготовление теста и выпечка хлеба было делом специально женским, и когда преп. Феодосий, как и св. Вацлав, пек просфоры, мать ему говорила, чтобы он не срамил себя этой работой, не подобающей для молодого человека⁸¹.

Другой группой растений, служивших пищей древним славянам, была всякого рода зелень, о которой исторических свидетельств сохранилось весьма мало. Ибн-Фадлан (X в.) говорит о луке, который ели русские (норманские) купцы. По Лаврент. летописи (1074 г.), бедный люд ел «зелье варено и сыро». Не ошибаясь можно сказать, что и гораздо раньше X в. у славян, как съедобный продукт, была зелень, на что указывают и языковые термины. Значение слова «лук» неустойчиво, оно может обозначать и цибулю (*Allium cepas*), и чеснок (*Allium sativum*); самое слово заимствовано из германского *lauka*. Также из германского яз. взяты слова: — морковь (тѣрку) и редька (гѣдьку);

⁷⁹ Лаврентьевская Летопись, 125: «...И рече им: сберете аче по горсти овса или пшеницы ли отрубей ... и повеле женам створити цежь в немже варять кисель».

⁸⁰ Даничиц. Рјечник књиж. стар. I. 521.

⁸¹ «Прошу тебя, сын мой, оставь такое занятие, ибо ты наносишь бесчестие роду своему; не могу слышать, как все издеваются над тобою за сие дело, да и неприлично отроку заниматься таким упражнением» (Жит. преп. Феодосия, изд. митр. Филарета, стр. 135).

из греческой части Византии перешел к славянам и термин «огурец» (огурѣ), и общеславянский — мак (макъ). Основываясь на сравнительной филологии, можно сказать, что славяне издавна знали и культивировали чеснок (ѣснѣкъ), бобы, горох, чечевицу. Одинаково древни общеславянские названия — дыня, тыква, репа и «борщ» (бѣгѣшь) — бурак⁸², который передал свое имя русскому горячему блюду. Полабские славяне уже издавна ели грибы (ст.-сл. gąba, gôba, hub), что подтверждается сохранившимся летописным свидетельством (1018) об отравлении ими.

Славяне также употребляли в пищу и плоды, главным образом яблоки (общ.-сл. jablŕko), груши (gřuřa), сливы (ст.сл. sliva) и вишни (ст.сл. řegřa). Сушеные резаные яблоки известны в Средн. Европе еще в неолитический период. Груши, вишни и сливы обнаружены уже при раскопках свайных построек в Швейцарии. Что касается культивированных фруктов, то они перешли в Среднюю Европу из Италии, ибо и Тацит и Варрон⁸³ сходятся в том, что в Германии подобных плодовых деревьев не было. Славяне издавна знали яблоки и сливы, о чем говорят и общеславянские наименования — ablŕko, jablŕko, др.-нем. arful, старосл. sliva, лат. lividus и пр.

Груши, очевидно, перешли к славянам из Передней Азии, возможно, при посредстве иранского племени, жившего между Черным и Каспийским морями. То же можно сказать и о вишне, которая была известна уже в общеславянский период. Вишни и персики были занесены к славянам через посредство греков. Относительно самого термина «овощ» (прасл. ovotje) имеются данные к тому, что это название заимствовано от германцев, и в таком случае нужно предполагать, что оно распространялось лишь на культурные виды, происходящие с юга Европы, по

⁸² Heracleum Spondylium, чешск. ботанич. bolřevnik. Rostafinski. Burak i barszcz. Krakow, 1880.

⁸³ Varro. De re rustica. I, 7, 8. — «ubi nec vitis, nec poma nascerentum».

преимуществу из Италии. С ними познакомились на Рейне и Дунае прежде всего германцы, а затем с их названием они перешли уже к славянам. На обилие плодовых деревьев — яблонь, груш, слив — у славян к концу языческого периода указывает Ибрагим ибн-Якуб (X в.), но, конечно, это не были лучшие культивированные сорта. Из ягод (agoda, jagoda) издавна были известны лесная земляника и малина (malina). Относительно разведения орехов у западных славян имеется единственное свидетельство Эббо, который упоминает о священном орехе, росшем в Штетине, сторож которого питался его плодами; еп. Оттон Бамбергский хотел его выкорчевать, потому что он был посвящен какому-то языческому божеству. Об употреблении славянами желудей (др.-сл. *želaď*), несмотря на некоторые находки (у Овруча, Берлина), точно сказать ничего нельзя, хотя не исключена возможность использования их в качестве питательного продукта или корма — «дуб высок скоту да ядь желудь»⁸⁴.

В итоге можно заключить, что в языческий период культурных плодов славяне не знали. Южные фрукты долгое время оставались лишь лакомством и дорогим предметом торговли или же даров. На это указывает летопись, повествуя, что Олег, возвращаясь в Киев из Константинополя (в 907 г.), кроме золота и дорогих тканей вез вино и фрукты. Позже, в 969 г., Святослав хотел перенести свою столицу из Киева в Переяславль на Дунае, ибо туда стекаются богатства со всех концов света, а из Царьграда — «вина и овощи различные»⁸⁵.

Способы приготовления. Для изнеженного римлянина или грека пища и кухня древних славян казалась весьма грубой и примитивной. Славяне ели то, что не только не приходилось по вкусу южноевропейцам, но внушало им подчас отвращение.

⁸⁴ Срезневский. Мат. I, 849.

⁸⁵ Лавр. лет. 3, 66.

Еще менее разборчив был, конечно, простой деревенский люд, вовсе незнакомый с предметами иностранной торговли. Об этом свидетельствуют Псевдо-Цезарь, Эббо и летописец Нестор. Все они говорят с точки зрения культурного человека, а кроме того и христианина, которому церковь строго запрещала употреблять известные виды пищи.

О том, что славяне ели сырое мясо, как это было в ходу у германцев, прямых указаний не имеется, но возможно предположить, что при особой нужде или военных походах они ограничивались самыми простыми способами приготовления. Так, о кн. Святославе под 964 г. летопись указывает, что «ходя воз по собе не возаше, ни котля, ни мяс варя, но потонку изрезав конину ли зверину ли или говядину на углех испек ядяще, ни шатра имаше» (Лавр. лет., 63).

Обычным способом приготовления мяса у славян было жаренье его на вертеле. В посуде мясо стали готовить гораздо позже, и трудно сказать, было ли это известно в языческий период. Что касается варки мяса (общ. сл. *vyĕti*, вариво, варево), то для этого уже издавна употребляли глиняную или металлическую посуду, котлы (общ.-сл. *kotylъ*). Кроме котлов пользовались также кожаными мешками или желудками убитых животных, причем готовили либо над костром, либо при помощи раскаленных камней. Так варят еще и поныне на Балканах, таким же способом готовили прежде и финны. Вообще, варка в коже или в желудке характерна для кочевников, у которых глиняная посуда больших размеров не была в ходу, и возможно, что от них, т.е. главным образом от скифов (о которых говорит Геродот, IV, 61), она перешла и к славянам. При приготовлении еды славяне употребляли жиры, а позже различные пряности. Масло (*maslo*, *mastlo*) — термин общеславянский и весьма древний, но первично он обозначал, как уже указано, жир (мазь) для натирания тела, но не для еды. Впоследствии масло стали употреблять как жировое вещество для приправки кушаний.

Памятники письменности, перечисляя съедобные продукты, упоминают масло уже в XI в., поэтому можно безошибочно по-

лагать, что уже к концу языческого периода оно было в ходу у славян. Кроме того, в пищу употреблялись еще и жиры животных и растительные масла, изготавливаемые из семян⁸⁶. Так, Ибн-Фадлан указывает на употребление волжскими болгарами рыбьего жира⁸⁷. Общеславянское слово «олея» заимствовано у греков уже в эпоху христианства (греч. ἔλαιον; лат. oleum)⁸⁸.

Уже издавна славянам был знаком ряд растений, которые они употребляли как приправу или как пряности для своих кушаний, а иногда и как лекарства. Хотя точных сведений о них не имеется, однако известно, что уже в конце VI в. византийский полководец Приск при мене товаров давал задунайским аварам ряд чужеземных пряностей, как-то: черный перец, корицу, индийские листья (*folium indicum*) и др. корни. Можно предполагать, что уже в то время эти пряности вошли в обиход у славян, имевших сношения с византийской культурой, по Дунаю и Днепру. Что же касается слова перец, старо-славян. *рьрег*, откуда *рьрегьсь*, *регесь*, то оно было взято из латинского яз.; названия: мята (*μέντθη*), тминь, *kmīn* (*κύνινον*) и анисъ (*ἄνισον*), а также и уксус (осьть), перешли из Греции и отчасти из Италии. На берегах Волги издавна шла торговля ревенем (*Rheum caspicum*), который и поныне растет в степях.

Еще следует указать, в числе приправ для кушаний, на мед и соль. Мед употреблялся большею частью как напиток, что же касается соли, то она была известна в Европе еще в неолитический период и разрабатывалась не только на берегах Черного и Азовского морей, но и на пространстве между Эльбой, Дунаем и Днепром (север. Венгрия, Галиция, Мекленбург и Польша). Какое значение славяне придавали в IX в. употреблению соли, видно из просьбы короля Арнольфа (Arnulf), адресованной в

⁸⁶ «Масло древяно», «семени льнянем избити масла» (жит. Феодосия, изд. *Филар.*, 169), «масло кравие и древяное» (грам. патр. *Луки*).

⁸⁷ *Гаркави*. Сказания... 91.

⁸⁸ *Vasmer*. Этюды, II, 232.

892 г. болгарам, чтобы они не отпускали соли моравским славянам из копей Восточной Венгрии, и еще яснее выступает это из рассказа Эббо о путешествии еп. Оттона Бамбергского по Померании в 1127 г., когда бедный славянин-рыбак не хотел взять от епископа ни серебра, ни чего-либо другого, но просил только немного соли (*Vita Ottonis*, III, 4.). Помимо этих исторических сведений само название подтверждает, что соль является термином общим не только для славянства, но и для всех арийских народов (греч. ἅλς, лат. *sal*, иранск. *salami*, гот. *salt*, арм. *at*, ст.-сл. *solъ*).

О том, как ели славяне, известно мало; обычно трапеза совершалась три раза в день: утром, в полдень и вечером, сидя на земле вокруг большой миски у очага, либо кругом низкой доски (помоста). При еде они пользовались ножами и ложками. Вилки Северной Европе остались неизвестны вплоть до конца Средних веков. Большие и малые ножи в изобилии встречаются в могилах сбоку скелетов, хотя обычно их носили за поясом; что касается ложек, то они попадают гораздо реже, возможно потому, что были либо глиняные, либо деревянные⁸⁹ (рис. 6). В более позднее время находят и металлические ложки, но по преимуществу малого размера, служившие для сладостей, пряностей и соли, а не для еды жидких блюд. Для «варева» (супов) и каши, помимо глиняных и деревянных ложек, пользовались еще и небольшими чашечками, иногда с ручками — «ковши». Древность ложек свидетельствует и самое название их, общее не только всем славянам, но и для части других индоевропейских народов: лат. *ligula*, кельт. *leigâ*, ст.-слав. *lъžica*.

От обычной трапезы отличались т. н. старославянские «гостины» (*hostina*) — званые пиры, выделявшиеся не столько особым приготовлением, как обилием еды и питья. Званые угощения были обычны при семейных событиях, как-то:

⁸⁹ *Jackson C.J.* The spoon and its history, its form, material and development.

свадьбах, постригах или похоронах. Чем богаче был хозяин, тем чаще у него бывали угощения. К концу языческого периода в княжеские дворы проникли чужие обычаи — северные, римские, византийские и даже восточные — и внесли нечто новое в порядок и содержание пиршеств. Более подробное их описание сохранилось только от христианской эпохи, напр., при дворе Болеслава Храброго⁹⁰, но по нему нельзя, конечно, судить о пирах языческих. Известно только, что при княжьих пиршествах христианской эпохи язычники не могли сидеть за столом с князем, а размещались или на полу, или даже в другой палате, что, конечно, было вызвано распоряжениями церкви, запрещавшими вкушать пищу вместе с язычниками. Иногда князья приказывали устраивать себе большие столы, хотя у древних славян было принято сидеть при еде на земле; у русского князя на пиру сидело с ним за одним столом 40 де-вушек⁹¹, а о болгарском царе имеется известие от 866 г., что за столом сидел он один, а его жена и дружина сидели поодаль на земле⁹². Самое название «пир», т.е. званая трапеза с «питием», происходит от глагола пиши (piti), обычно прилагалось к обедам при свадьбах. Для поминального обеда было особое старое название — *strava* — «стол».

Напитки. О напитках славян имеется достаточно сведений. Как и всюду, у них большое значение имели опьяняющие напитки, и особенно приготовленные из меда. О них имеется целый ряд известий, начиная с 448 г., когда Приск рассказывает, что послам императора в средней Венгрии давали просо и какой-то напиток из ячменя и, главным образом, из меда. Сведения о «меде»

⁹⁰ *Gallus*, I, 6, 14; или пир, который болгарский царь Крум устроил в честь славянских вельмож. (Феофан, изд. Voog, 491.)

⁹¹ Свидетельство ибн-Фадлана (*Гаркави*. Сказ., 101).

⁹² Ответ папы Николая I болгарам, п. 42.

подтверждаются позже арабскими и персидскими писателями: Масуди, ибн-Ростех, Кардизи и др. Это же согласуется и с русскими сведениями о том, что языческие славяне приносили мед в жертву демонам, что кн. Ольга справляла тризну по кн. Игоре с питьем меда, что Владимир Святой, отразив в 996 г. печенегов, «створи праздник велик, варя 300 провар меду и съзываша боляры своя и посадники, старейшины по всем градом и люди многы». О западных славянах имеется известие у Herbord'a (II, 1) в жизнеописании еп. Оттона: «*Vinuich autem nec habent, nec querunt, sed melleis poculis et cervisia curatissime confecta vina superant falernica*». Мед (ст.-сл. медъ) для питья приготавливался варкою пчелиного меда с водой, и затем в течение двух недель его оставляли бродить. Благодаря подобного рода приготовлению этот напиток долго сохраняться не мог, его нужно было скоро пить и часто обновлять запасы. Возникновение «меда» имело свои причины, как в окружающей природе, так и в тех условиях, в которых жили славяне. Закарпатские склоны изобиловали лесными плодовыми деревьями, цветами и пчелами, о чем много говорят старые памятники. Славяне не пользовались, как литовцы и латыши, только диким медом, но и занимались искусственным разведением пчел в ульях, т.е. пчеловодством — «бортничеством». Поэтому неудивительно, что мед и воск уже с древних времен явились для славян одним из главных предметов торговли, по преимуществу с югом.

Наряду с медом известен также и другой опьяняющий напиток из солода, т.е. пиво. Первоначально пиво было не хмельное; когда его впервые начали приправлять хмелем, точно не известно, но лингвисты указывают, что хмель (общеслав. *chmel*, ст.-сл. *chъtelъ*, татар, *chomlak*) был заимствован славянами у финнов или тюрко-татар, а затем передан на запад немцам, а вместе с ним и славянское название пиво, нем. *bieг*. О хмеле, употребляемом при варке пива, имеются сведения с XI в. и особенно в XIII—XIV вв., но, очевидно, он был известен славянам значительно раньше.

Другой кисловатый напиток, «квас»⁹³, впервые встречается в Киевской летописи в конце X в.⁹⁴ Относительно кумыса, обычного для скифов, у славян сведений нет.

Что же касается виноградного вина, то славяне узнали его рано на юге России и ниж. Дунае, куда его привозили греческие купцы. Общеславянское наименование вино — *vino* — происхождения итальянского, и дошло оно к славянам главным образом по среднему Дунаю и Рейну посредничеством германцев, весьма вероятно, вскоре после Р.Х. Сама по себе виноградная лоза оставалась славянам долгое время неизвестной. Упоминания о ней впервые встречаются начиная лишь с XI—XIII столетий. Виноградная лоза — восточного происхождения и была получена греками, вероятно, через посредство финикиян, а затем уже из Греции и Италии перешла и к славянам.

Пили славяне обычно на праздниках или при семейных событиях, была ли то свадьба, погребение или тризна. Уже Иордан говорит, что погребальная тризна у славян и гуннов была «*ingentis cum comessatione*»⁹⁵; в 593 г. слов. князь Мужок где-то на валашском Дунае правил тризну по своему брату, причем его люди так напились, что пали жертвой изменнического нападения римских полководцев Приска и Александра⁹⁶. Ибн-Ростег⁹⁷ говорит, что в годовщину похорон у славян обычно собирается вся семья умершего над его могилой с 20 жбанами меда. О том же говорит

⁹³ «Русский напиток из квашеной ржаной муки или из печеного хлеба с солодом. Различные квасы приготавливаются на разной муке и солодах в смеси. Квас медовый на меду, клюквенный, грушевый, яблочковый — готовятся и без муки, наливкою воды на плоды» (*Даль*, см. квас).

⁹⁴ В 996 г. Владимир приказал для больных возить «мед в бчелках, а в других квас». (Лаврен. Лет. 123.)

⁹⁵ *Jordanis. Gtetica* 49 (258, изд. Th. Mommsen'a, *Monumenta Germaniae historica*).

⁹⁶ *Феофан*. Изд. Voog, 270.

⁹⁷ *Гаркави*. Сказ., 265.

и Саксон Грамматик, рассказывая о тризне князя балтийских славян Исмара, во время которой пленный датский принц Ярмерик бежал от перепившейся стражи. О пьянстве на Руси при тризнах имеются сведения у ибн-Фадлана, который говорит, что они так прилежат вину, что пьют днем, ночью, а иногда даже умирают с чашею в руках⁹⁸, а о любви к вину говорит сам Владимир Святой: «Руси есть веселье питье, не можем бес того быти»⁹⁹. О том, как пили славяне, известно менее, чем о германцах. Обычно круговые чаши и бычачьи рога переходили из рук в руки до тех пор, пока только хватало сил пить. Гельмольд рассказывает, что у полабских славян пирующие выкрикивали возгласы или заклинания как добрым, так и злым богам (Śernoboh). Упоминания «о наполнении бесовской чаши» во время языческих празднеств встречаются и в русских церковных поучениях¹⁰⁰.

По старой легенде, св. Вацлав на пиру у брата Болеслава поднял чашу в честь св. Михаила, что может быть объяснено как замена в древних здравицах языческого божества архангелом. Иногда в попойках участвовали и женщины; об одной из княжон, где-то в Сев. Венгрии, Дитмар говорит, что она ездила верхом как воин и пила без меры. Как видно, пьянство издавна было известно славянам и они в этом отношении не уступали германцам. Поэтому так часто о питии и пьянстве говорят в России церковные поучения и светские наставления. От безмерного пьянства предостерегает в своем поучении сыновей Владимир Мономах, не менее выразительно восклицает Феодосий Печерский (XI в.): «Горе пребывающим в пьянстве»¹⁰¹.

⁹⁸ Гаркави. Сказ., 96.

⁹⁹ Лавр. лет. 83, под 986 г.

¹⁰⁰ «Наполняют черпала бесом»... «и черпала наполняюще вина». В «Слове некоего христолюбца» читается: «Не можете бо пити чаше Гне и чаше бес» (Тихонравов И. Лет. IV, 85, 86, 95).

¹⁰¹ Поучения Василия Вел. «о том, как подобает воздержатися от пьянства». Поучения преп. Феодосия «о казнях Божиих...» (Порфирьев.

VI. БОЛЕЗНЬ, СМЕРТЬ, ПОГРЕБЕНИЯ И ПОХОРОННЫЕ ОБРЯДЫ

Славяне были народом здоровым, но климатические условия и среда, в которой они жили (в особенности болота района Припяти), были причиной возникновения у них некоторых тяжелых болезней. Так, напр., в Полесье, несмотря на дренаж, мелиорацию и осушку болот, все же и доныне существуют болотная лихорадка и колтун. Возможно, что эти болезни преемственно перешли в исторический период из более отдаленных времен.

От X в. имеется лишь одно известие, в котором Ибрагим ибн-Якуб сообщает, что все славяне были подвержены двум болезням: какой-то сыпи и опухоли, и почти не было людей, которые не переболели бы ими¹⁰². Об этом же говорит и Масуди в своем рассказе о банях¹⁰³. Кроме того, древние названия, общие всем славянам, указывают на отдельные болезни, как, напр., «ďьпа» (ломота), «jęza» (озноб), kyla (грыжа). О том, как древние славяне лечили свои болезни и раны, имеются свидетельства от VI в., а в начале IX в. в одной из грамот впервые упоминается славянский лекарь (Kosmas, Gradivo, II, 9); обычно же лечить народ выпадало на долю старых женщин — «колдуний», знахарок. Славяне

Т. I, 374—375). Одинаковым образом осуждалось пьянство и у других славян. У чехов — запрещение кн. Братислава в 1039 г. (*Косьма II*, 4. *Пекарж* (Pekař) — *Nejstarší kronika šeská*, 152, 181). У поляков — *Dluhoš*, I, 48.

¹⁰² *Ибрагим ибн-Якуб*. Изд. Вестберга, стр. 59, изд. Розена, ст. 54. Оба переводчика передают это место так: «рожа и геморрой», но в своих комментариях Вестберг оговаривает точность перевода; вообще следует считать сомнительным сильное распространение геморроя у славян, живших тогда в постоянном движении. Осторожнее будет назвать эти болезни просто сыпью и опухолью.

¹⁰³ *Масуди* считал, что паровые бани избавляли славян от сыпи и опухолей. Изд. Розена, стр. 57.

умирали от болезней¹⁰⁴ или от старческой дряхлости, причем точно не доказано, но возможно предположение, что они убивали непригодных к работе и дряхлых стариков ранее, чем наступала естественная смерть. Этот суровый обычай существовал у соседних народов, и нет ничего невероятного, что он был вообще в ходу у индоевропейцев¹⁰⁵.

О балканских славянах известно, что еще и в историический период они убивали стариков¹⁰⁶, напр., в Нишском и Пиротском округах; об этом же гласит и народная сербская пословица: «Чим човек претури педесету, треба га секиром по глави».

О том, как они встречали смерть на войне, сохранилось несколько свидетельств. Феофилакт рассказывает, что в 593 г. в бою с Приском славяне, с каким-то экстазом, явно выражали тоску по смерти и желание умереть. О руссах, которые вторглись в X ст. на Балканы, шел рассказ (записанный Львом Диаконом, IX, 8), что они не давались в руки неприятелей, а охотнее, при опасности, убивали себя мечом.

О погребениях языческих славян сведений имеется гораздо больше, чем о всех других обрядах. Кроме того, многое сохранилось от древних времен в современных погребальных обычаях

¹⁰⁴ О русских купцах сообщает ибн-Фадлан, что когда кто-либо из них заболел, то раскидывали одну палатку поодаль, оставляли в ней больного лежать и не приближались к нему. Если он выздоравливал, то возвращался, если умирал, его сжигали; в случае если умерший был рабом, его труп оставляли на растерзание псам и коршунам (*Гаркави. Сказ.*, 96).

¹⁰⁵ О массагетах рассказывает *Геродот*, I, 216; о других народах см. у *Латышева* в *Scythica*, I, 657 и 653 и *Страбон*, XI, 11, 3, а равно *P. Sartori. Die Sitte der Alten-Krankentötung* (Globus, LXVII, 107, 125).

¹⁰⁶ *Калаш. Положение неспособных к труду стариков в первобытном обществе. Этн. обозр.* 1899, II, 160.

простого народа, хотя иногда уже трудно различить, что осталось от языческого периода и что привнесено позже. В этом случае на помощь приходят как исторические свидетельства, так и археологические данные.

Благодаря содержанию погребений и их устройству можно ясно установить, какие обычаи были общи всем временам и племенам и какие различались менаду собою, в зависимости от областей и эпох.

Погребальный ритуал языческих славян, относящийся к последним векам перед принятием христианства, является уже вполне установившимся, довольно сложным и разнообразным, словом, обрядом, отошедшим уже далеко от тех первичных форм, которые существовали еще до разделения индоевропейских народов.

В древнейшие времена, поскольку можно говорить о погребениях, приписываемых славянам, они были более просты и однообразны.

Позже, когда на славянскую жизнь, и в особенности на погребальные обряды, начали действовать чужеземные влияния, единообразие погребений исчезает, пока снова христианство не установило окончательные его формы, т.е. похороны покойника на общих, освященных церковью кладбищах, сменившие трупосожжение, существовавшее у славян, со времени их возникновения.

Вопрос, было ли сожжение единственным способом погребения у языческих славян вплоть до принятия христианства, пытался разрешить уже Добровский¹⁰⁷. Когда же в Германии начали выходить работы по доисторической археологии, то эту задачу пришлось ставить уже иначе, а именно: были ли «кострища» восточной Германии и Полабья германскими или славянскими?

¹⁰⁷ *Dobrovský J. Über die Begräbnisart der alten Slawen überhaupt und der Böhmen insbesondere (Abh. Ges. Wiss. 1876, 333).*

В 70 гг. минувш. (XIX в. — *Примеч. ред.*) века этим вопросом занимался Р. Вирхов¹⁰⁸, и в настоящее время можно уже вполне определенно сказать, что поскольку речь идет о древне-языческом славянском погребении до Р.Х., оно повсюду представляло сожжение, подобно тому, как и у других соседних арийских народов — литовцев, германцев и галлов.

Впрочем, уже издавна, под чужими влияниями, особенно римскими и восточными, в этом первичном ритуале встречаются отклонения, т.е. сожжение наблюдается наряду с погребением¹⁰⁹. Это дает возможность указать, что после принятия христианства не произошло резкой перемены в основном обряде; в разных местах и в различные периоды, в течение I тысячелетия по Р.Х. во всем славянстве были одновременно в ходу оба вида погребения: сожжение и зарывание в землю.

Однако для языческого периода сожжение было более типичным видом, и только впоследствии оно вытеснилось похоронами в земле. Об этом имеется целый ряд археологических и исторических свидетельств.

Археология указывает на существование множества т.н. «пепелищ», которые можно встретить на всей славянской территории от IV—V вв. по Р.Х. и проследить их вглубь до начала I тысячелетия до Р.Х. У западных славян они встречаются в большем количестве между Эльбой и Вислой, Сев. Бугом и Саном¹¹⁰.

¹⁰⁸ Wirchow R. Über Graberfelder und Burgwalle der alten Slawen überoderischen Gebietes (Berl. Verh. 1872, 226). Ему принадлежит установление терминологии для положения трупов: «Lausitzer Typus und Burgwall Typus».

¹⁰⁹ Котляревский А. О погребальных обычаях языческих славян. Москва, 1868.

¹¹⁰ «В настоящее время я уже не так убежден в их славянском происхождении, как был при составлении своего труда «Život Starých Slovanů», но это нисколько не влияет на постановку вопроса о трупосожжении у славян». L. Niederle.

Что касается южных славян, то они, пройдя по Р.Х. Венгрию и продвинувшись на Балканы, встретили там другую культуру — римскую и восточную (кочевников, пришедших из Азии), и в результате этих новых влияний быстро сменили древний обряд сожжения на погребение.

О славянах восточнее Вислы, включая сюда и Среднее Приднепровье, где находят много «пепелищ», еще мало исследованных и, возможно, относящихся к латинско-римской эпохе, можно сказать, что сожжение у них не было таким исключительным видом погребения, как то было на запад от Вислы.

О том, что это были славяне, имеется целый ряд указаний Плиния, Тацита и Птолемея, которые свидетельствуют, что на восток от Вислы живет племя славянских венедов; Иордан и Прокопий в VI в. рассказывали, что южная часть Руси населена неисчислимым племенем славян.

О западных славянах сообщает сведения св. Бонифаций¹¹¹, повествуя, что полабские славяне в VIII в. сжигали на костре умерших вместе с их женами. Однако другие источники подобных сведений о полабских славянах не содержат.

О сожжении у поляков говорит Детмар под 1018 г.; указания на тот же обычай имеются и у Мартина Галла. О чехах языческого периода, не только у Косьмы, но и у других историков, не имеется никаких сведений относительно сожжения трупов.

Что же касается балканских славян, то неизвестный византийский историк, повествуя об их совместном с аварами походе в 626 г. на Царьград, сообщает, что они сжигали павших воинов. В X в. Масуди подтверждает своими рассказами существование трупосожжения у сербов.

Сведения о восточных славянах относятся к тому времени, когда наряду с сожжением существовало зарывание в землю, и в силу этого отмечается оба вида погребений; причем сожжение

¹¹¹ Epistolae ad Aethibaldum 59: «Mulier mortem sibi intulit ut in una strue pariter ardeat cum viro suo».

считалось более типичным и характерным для языческого периода. На основании подлинного свидетельства ибн-Фадлана известно, что «русы» одинаково сжигали как богатых, так и бедных (Гаркави. Сказ. 111, 115, 293). В своем описании он говорит о русах северных, в то время как другие арабские писатели (ибн-Хаукал, Истахри, Ростех, Кардизи и др.), описывая сожжение, смешивают русов и славян, или говорят одновременно о тех и других. Лев Диакон¹¹², рассказывая о битве князя Святослава у Доростола в 971 г., упоминает, что воины сжигали своих павших соратников, а численность войска в 60 000 человек исключает возможность участия в нем одних только северных дружин.

Наконец, киевский летописец, рассказывая о восточных славянах, указывает, что радимичи, северяне и кривичи сжигали своих мертвых; у вятичей этот обряд удержался до XII в.: «Аще кто умряше, творяху тризну над ним и по семь творяху кладу велику и възложяхуть и кладу, мертвеца сожъжаху и посем собравше кости вложяху в судину малу и постав ляху на столпе на путех, еже творять Вятичи ж ныне» (Лавр. лет. 3, 12). На основании археологических и исторических данных становится бесспорным, что в древнейшие времена славяне своих мертвецов сжигали. В современных народных преданиях от этого древнейшего обряда сохранилось весьма мало следов.

Jos. Klvaňi¹¹³ приводит встречающуюся в районе Моравско-Венгерских Карпат поговорку о больном или старом человеке: «Этот уже близок к пепелищу» — «Ten je už len do popelnice súcí», которая не могла возникнуть под позднейшим влиянием, т.к. народная книжная литература о сожжениях и пепелищах не упоминает.

Равным образом и такие названия погребений, как «Паленица» (Pálenice), «Печеная» (Peczenyja), «Печище» (Pečišča), «Горянки» (Hořánky), указывают на существование этого древнейшего вида

¹¹² *Leonia Diac.* IX, 6.

¹¹³ *J. Klvaňi.* Čas. Olom. mus. č. 16, str. 170 r. 1888.

обряда. Интересно установить, как долго продолжалось сожжение; сопоставляя различные свидетельства с археологическими данными, можно определить, что оно удержалось не во всех областях одинаково долго и что оба вида не были в употреблении одновременно у всех славян, и это зависело от того, насколько быстро утверждалось христианство.

У померанских славян и в Мекленбурге время сосуществования обоих видов погребения следует несколько отодвинуть назад, так как зарывание в землю началось уже со II в. по Р.Х. В 1125 г. они были крещены еп. Бамбергским Оттоном, который в своих наставлениях ничего не говорит об языческом сожжении, хотя в низовьях Вислы, где соприкасались прусские и славянские элементы, оно существовало и продолжало быть в ходу даже значительно позже, на что указывает договор, заключенный между прусскими и немецкими рыцарями в 1249 г., о том, чтобы впредь при погребении трупы не сжигать.

В Чехии и Моравии период двоякого вида погребений был короче, так как никаких следов погребений до VIII в. не встречается. То же самое можно сказать и о лужицких славянах.

В Силезии отдельные случаи зарывания тел встречаются уже в римскую императорскую эпоху, но в народе оно привилось значительно позже, в VI—VII вв.

По Дунаю и в Альпах биритуальный период продолжался от IV до IX (X) в., принимая во внимание, что альпийские словинцы и население Паннонии были крещены в период между VII—IX столетиями. Возможно, что на Балканах сожжение удержалось много дольше, что объясняется особенностями края, изобилующего горными глухими местами, расположенными вдали от больших дорог.

В царствование царя Симеона (893—927) экзарх Иоанн¹¹⁴, хотя и печалует, что среди болгар удерживается язычество, однако о сожжении не упоминает.

¹¹⁴ Шестоднев ркп. Синод. Моск. библ. год 1263, изд. Потемни. Москва, 1879 г.

Запрещение сожжения содержит «Законник» царя Душана¹¹⁵, и направлено оно против поверья об оборотнях, причем сожигание трупа было, конечно, пережитком основного обряда, который, с течением времени ослабев, удержался и поныне в форме зажигания огня у могилы.

Не менее долго удержалось сожжение на Руси, где вообще христианство прививалось с трудом и весьма медленно.

На Руси христианство начало замещать язычество с конца X и в течение XI в. Кн. Владимир был крещен в 987 г., и в ближайшие годы (990) он крестил чисто славянскую часть Руси, т.е. славян новгородских, Русь западную, начиная от Днепра с кривичей, живших в верховьях этой реки, и доходя до тиверцев по р. Днестру, а также северян¹¹⁶ за Днестром; в то время как радимичи, вятичи и население Ростовской, Муромской и Белозерской областей сохранили свою старую религию, так как Владимир не хотел их крестить насильно. Разделение на епархии произошло в 1011 г., но и в обращенные области еще по лесам оставалось много язычников. В других краях, где славяне являлись колонистами среди чужих народов, христианство начало прививаться лишь с конца XI столетия, а некоторые из них сохраняли язычество вплоть до XII—XV вв.

Археологические данные указывают, что к востоку от Буга и Сана поляне¹¹⁷ под римским и готским влиянием начали хоронить уже в IV—VI вв.; то же можно сказать и о древлянах¹¹⁸.

¹¹⁵ *Новакович Ст.* Законик Стефана Душана, стр. 23: «О гробехъ. И людии које с вльховством узимлю из гробов тере ихъ съжижу; село које то-зи учини, да плати вражду; ако ли буде попь на то-зи дошьль, да му се узме поповство». *Тројанович С.* Стари словенски погреб. Срп. Книж. Гласник, 1901, кн. III.

¹¹⁶ *Самоковасов Д.* Северянская земля. Москва, 1908.

¹¹⁷ *Самоковасов Д.* Могилы русской земли. Описание археологических раскопок и собрания древностей проф. Д. Самоковасова. Москва, 1908.

¹¹⁸ *Антонович В.Б.* Древности юго-западного края. Раскопки в стране Древлян. Матер. Археолог. Ком. № 11. СПб., 1893.

Напротив того, северяне, радимичи¹¹⁹, кривичи, по свидетельству летописца, сжигали еще в X в., а вятичи удержали этот обряд до XII столетия.

Внутри России попадаются курганы с сожжениями, причем открываемые в них вещи относятся к XII и XIII вв. В X в. сожжение еще преобладает в погребениях северян и радимичей (у Смоленска и Чернигова), но затем оно в этом крае исчезает, отступая, в XI—XII вв., на Березину, в Ярославскую, Владимирскую и Суздальскую области. В X—XI столетиях сожжение прекращается в районе нынешних Петроградской и Новгородской губерний, а также и в приладожских могильниках¹²⁰.

Ни одно поучение киевских или новгородских епископов XII—XIII вв. уже не говорит о сожжениях, но в отдельных областях, как и у соседей в Литве, Курляндии и Эстонии, можно встретить сожжения вплоть до XIV и даже XVI в.

Как на западе, так и на востоке в это время иногда наблюдаются оба ритуала, не только в одном месте погребения, но и в одной могиле.

Как видно, у славян биритуальный период был различной длительности, иногда весьма продолжительной. При этом следует подчеркнуть, что зарывание трупа не возникало у славян исключительно под влиянием христианства, так как эта перемена в основном обряде произошла в некоторых местностях (по Дунаю, у Балтийского моря, а также в Волыньско-Киевском крае) ранее, чем в них утвердилось христианство, под чужим, главным образом римским влиянием.

На юге России этому способствовала скифо-сарматская культура¹²¹, оказывавшая воздействие на славян, в силу чего многие

¹¹⁹ Антонович В.Б. Погребальные типы могил радимичей. Труды IX Арх. Съезда.

¹²⁰ Бранденбург Н. Курганы южного Приладожья. Материалы по Археолог. России. № 18. Изд. Арх. Ком. СПб., 1895.

¹²¹ Толстой—Кондаков. Русские Древности. Вып. II. Древности Скифо-Сарматские.

курганы так называемого скифо-сарматского типа (встречающиеся в Киевской и Полтавской губ.), вопреки определению русских археологов, сложившемуся на основания находок, следует отнести к славянам.

В результате следует отметить, что в языческую эпоху у славян существовали похороны наряду с основным, первоначальным обрядом сожжения, хотя в незначительной степени, так что собственно биритуальный период наступил под сильным влиянием римско-христианской культуры.

Поэтому нельзя согласиться с А. Котляревским, что биритуализм существовал у них издревле, не как религиозное или социальное различие, но просто как семейная традиция.

Какова была первоначальная идея сожжения, неизвестно, но то, что говорит ибн-Фадлан о русах, вероятнее считать за домысел, возникший на основе различных восточных верований. Это так же искусственно, как и то, что повествует Кардизи о киргизах, которые сжигают своих мертвецов, считая огонь за самое чистое из всего существующего и способное очистить даже мертвых.

Идея сожжения могла навести на мысль, что сжигать следует не все тело, но лишь части его, чему аналогию можно найти у разных примитивных народов.

По поводу существования у славян обычая преднамеренного «частичного сожигания» ничего определенного сказать нельзя.

Археологические находки «частичного сожжения», а также частичного зарывания, добытые из отдельных могил, не дают права утвердительно разрешить данный вопрос; скорее их можно отнести за счет не вполне заверченного обряда, встречающегося в некоторых поздних могилах.

Равным образом нельзя с точностью сказать, что незаконченное сожжение — «обжигание покойников», встречающееся в русских курганах, является переходной ступенью от одного вида обряда к другому, хотя в истории этому имеются аналогии.

Обряд сожжения покойника, по археологическим данным и свидетельствам, обычно выполнялся следующим образом: тело

умершего, с плачем и пением, доставлялось на место упокоения либо к общему костру, либо к отдельной могиле, нижняя часть которой была заранее приготовлена. Там был сложен костер, на который опускался труп непосредственно на поленья, или на доске, или в ладье, в одежде и вооружении, которые он обычно носил при жизни, после чего костер зажигался родственниками. Тотчас же по сожжении, или на следующий день, собирали пепел с обожженными остатками костей, оружия и драгоценных уборов в кучу или в особый сосуд, который зарывали в могилу или ставили на нее сверху на камень или на кол, в зависимости от того, как то было принято в данной местности. К этому сосуду с останками присоединяли вещи, которые должны были служить умершему в загробной жизни, а иногда умерщвляли его жен, слуг и коней и с тою же целью погребали вместе с ним.

Если погребение было без сожжения, то труп опускали в могилу вместе с вещами, а сверху зажигали жертвенный костер, около которого и совершались поминальные трапезы — «тризны».

В зависимости от материального и социального положения (рабы, «отроки»), могилы были просты и однообразны, а самый обряд мог отличаться меньшим развитием деталей, меньшей торжественностью и бедностью вещей, в них находимых.

В славянских землях найден целый ряд могил, начиная от самых однообразных и беднейших, в которых не встречается сосудов с пеплом, но лишь кучки золы, несколько черепков, следы от костра-«точка», и кончая богатыми могилами князей.

Следует отметить, что типической чертой всех славянских могил является их относительная бедность, при сравнении с норманскими на севере или скифо-сарматскими и тюрко-татарскими на юге.

Из вещей в славянских могилах чаще всего находят глиняные горшочки, в которых покойному оставляли пищу, а иногда их заменяют деревянные, окованные железом ведерки; из остатков «личного» убора — железные ножи, серпы, оселки (у поясов мужчин); из драгоценностей — бронзовые или серебряные

обручи для украшения головы, мониста из стеклянных бус, пряжки, иглы и различные подвески; из туалетных принадлежностей — ножницы, гребни, зеркала и пинцеты. Гораздо реже встречается оружие (шлемы, кованые щиты, копья, луки, колчаны со стрелами, секиры и части конского убора) и некоторые другие предметы домашнего обихода: ключи, замки, костяные и железные иглы, ложечки, прясла, жернова. Особенно редки находки весов¹²² с гирями, рогов для питья, музыкальных инструментов, чаш, выделанных из черепов, и проч. Обычны находки костей домашних животных и лесных зверей, рыбьих костей, речных раковин (а иногда и морских, особенно *Сургеа*).

Ни исторические, ни археологические данные не подтверждают того, что славяне, кладя в могилы вещи, сами их разбивали; находимые там черепки дают возможность предположить, что ими, для экономии, заменяли целые сосуды для пепла. Оружие и другие вещи бывают чаще повреждены огнем или ржавчиной, чем умышленной порчей. С другой стороны, нельзя отрицать существования у древних славян этого обычая, который имеет достаточно аналогий в жизни примитивных народов, тем более что кроме находок это подтверждается встречающейся у них в более позднюю эпоху традицией ломать перед смертью оружие. Этот обычай основан на нежелании передавать оружие в пользование другому, а не на поверье, что сломанная вещь переходит в новую жизнь на том свете. В связи с этим интересно отметить, что сербы в Скоплье до сих пор разбивают посуду, которую употребляли при поминальной трапезе.

Снабжение могил вещами не исчезло с принятием христианства, а местами — у южных и восточных славян — этот обычай перешел и в христианский обиход, когда, например, наделяют покойников едой. Поэтому в России встречаются в могилах

¹²² *Dobrovsky. Über die Begräbnisart der Alten Slawen überhaupt... Сумцов Н. Хлеб в обрядах и песнях. Харьков, 1885. Zibrt. Seznam pověr, 20.*

обильные приношения еще в XV—XVI вв., в то время как на Западе это быстро исчезает, и могильный инвентарь в большинстве случаев ограничивается только тем, что покойный имел на себе (одежда, оружие, украшения). Тем не менее очевидно, что и там положение вещей в могилы, особенно еды, удержалось довольно долго.

Еще в XVIII в. Добровский свидетельствует, что у чехов клали в могилу каравай хлеба и ставили жбан воды. В Словакии, России и Польше пережиток этого обычая существует еще и поныне; там женщины кладут вместе с покойником иглу с нитью¹²³, зеркало, а на балтийском побережье — рыбацью сеть.

Этот основной обряд положения в могилу вещей и разного рода приношений иногда дополнялся рядом других обычаев и примет. Так, вынос покойника из дому совершался не через двери, а, по всей вероятности, через специально пробиваемое отверстие¹²⁴, чтобы мертвый не мог возвратиться в дом.

Родственники провожали умершего похвальными речами, а также плачем и причитаниями женщин, которые нередко переходили в царапание лица ногтями или даже в поранения тела. В действительности причитания были скорее традиционным пережитком, чем выражением истинных чувств, под влиянием которых они первоначально зародились.

О существовании этого обычая в Древней Руси говорит житие Константина Муромского: «Невернии людие видяще сия, дивляхуся, еже не по их обычаю творимо бе погребете... ни тризница, ни дыня (бдыни) не деяху, ни битвы, ни ножекроения (кожикроения) не творяще, ни лицедрания, ни плача безмерна-

¹²³ *Параскевов П.* Погребальные обычаи у болгарите. Изв. Из семинара по слов, филолог. II. София, 1907.

¹²⁴ Об этом имеются летописные сведения: «Умре же (кн. Владимир 1015 г.) на Берестовем и.. ночью же межю клетми проймавше помост, обертевши в ковер и, ужи съвесиша на землю; възложише и на сани, везыше» (Лавр. лет. 3,127).

го»... Ибн-Ростех припоминает, что славянские женщины ножом режут себе лица и руки, когда умирает кто-нибудь из их семьи. О царапании лица, в знак горя, у чехов говорит житие св. Войцеха, составленное Яном Канапариусом (Canaparius) и Гайком (Hájek¹²⁵), а у поляков свидетельствует Kadlubek¹²⁶.

Этот обычай, под влиянием христианства, исчез, зато плач и причитания удержались в разных местах славянства и поныне, а кое-где составляют столь важную часть погребения, что без них нельзя его совершить. Так, например, на Балканах, в Сербии и Далмации существует даже особая каста «покайниц» (покајнице), т.е. плакальщиц, которых иногда бывает на погребении от 200 до 400, за что им, конечно, платят. То же непереносимое «оплакивание» существует и в Болгарии — «оплаквачки»¹²⁷, и отчасти, в виде остатков, в песнях Чехии, Моравии и у лужицких славян.

Об оплакивании на Руси свидетельства сохранились еще от X в. В 945 г., как сообщает летопись, кн. Ольга «плачете» над гробом мужа, в обрядовом смысле. О «безмерном» плаче и о «великом плаче» над гробом говорят жития Константина Муромского и Феодосия Печерского.

Наиболее важной частью древнеславянского погребального обряда была добровольная или насильственная смерть одной из оставшихся жен покойника, а иногда и его слуг¹²⁸.

О славянских женщинах, которые не желали переживать своих мужей и потому «добровольно» шли на смерть, говорит «Страте-

¹²⁵ *Kronyka czeska* 1541, грам. LV и LX.

¹²⁶ *Biehwski*. Monum. Polon. Hist. II, 182. 263; ed. Przezdz. 27—31.

¹²⁷ *Маринов Д.* Жива Старина. Руссе, 1892; *Параскевов*. Ibidem, стр. 384, 392.

¹²⁸ *Charmoy*. Rélation 353: «Ceux-ci (Slaves) brûlent les corps de leurs rois après la mort de ces derniers et consomment avec eux leurs esclaves de deux sexes, leurs femmes et toutes les personnes attachés au service particulier de ces princes, telles que le secrétaire, le Vezîr, le favori et le médecin».

гика» Маврикия, это же подтверждает и император Лев Мудрый (Leo, Tactica, с XVIII, 105). О поляках имеется свидетельство Дитмара Межиборского, а о полабских славянах — св. Бонифация. Что же касается восточных славян, то о них свидетельствуют некоторые арабские писатели, пользуясь общим оригиналом IX в.; все они (ибн-Ростех, Истахри, ибн-Хаукал, Масуди и др.) говорят, что «русы народ, который сжигает мертвых, а с богатыми и жен для блаженства их», т.е. мертвых мужей. Наиболее интересное и полное драматизма свидетельство об умерщвлении жены дает ибн-Фадлан в известном описании погребения богатого «руса» на Средней Волге.

Как было уже сказано, это погребение относится к северному «русу», не славянину, но на нем следует остановиться ввиду того, что в X в., вследствие постоянного соприкосновения, жизнь славян мало чем отличалась от жизни «русов», и, в частности, не было даже большой разницы в обряде погребения.

Ибн-Фадлан сначала говорит вообще об обычае, который был у русов при похоронах: когда умирает властитель, тело его на 10 дней полагали во временную могилу. В это время шились одежды для погребального обряда и делилось наследство, из которого треть оставалась семье, треть шла на погребение, а треть на опьяняющие напитки при погребении. При этих приготовлениях пили днем и ночью, и опрашивали семью, кто хотел бы из них следовать за покойным в могилу. Как только кто-нибудь вызывался, и обычно это была женщина, возврата уже быть не могло.

Фадлану случилось присутствовать при подобном погребении. Умер какой-то вождь, и одна женщина согласилась следовать за ним. Ее тотчас же отдали под надзор другим. Когда приблизился день погребения, из реки вытащили ладью, подперли ее и обставили кругом деревянными подобиями человеческих фигур. На ладье устроили ложе, которое старая женщина — «вестница смерти» — так ее называли — покрыла дорогими тканями. Это была та же женщина, которая наблюдала за приготовлениями погребальных одежд, и она же впоследствии убивала согласившуюся

на смерть. Затем шли за мертвым; вынимали его из временной могилы со всем, что с ним там было положено (напитки, еда и лютя), облекали в златотканое одеяние и полагали в ладью на ложе, под раскинутым шатром, вокруг которого были поставлены сосуды с опьяняющими напитками, различной едой, и разложено оружие. Потом были принесена собака, убиты два коня, два вола, петух и курица, и все это брошено в ладью.

Пока все это совершалось, обреченная на смерть женщина ходила вокруг по шатрам и предавалась в них телесным утехам «из любви» к покойному.

Наконец в пятницу, после полудня, жертва была приведена к ладье. После особого церемониала, причем женщина была уже в состоянии экстаза, она сняла свои браслеты и вошла в ладью, но еще не под шатер, где лежал мертвый.

Ей подали чашу опьяняющего напитка, которую она взяла и с песней опорожнила. Затем ей поднесли другую, и она запела новую песню. Так продолжалось долго, а старая женщина понуждала ее пить. Когда же наконец перепуганная жертва начала колебаться, старуха схватила ее сзади и быстро вошла с нею в шатер.

Стоящие вокруг со щитами и палками мужчины начали ударять по ним, чтобы заглушить выкрики, которые могли доноситься из шатра.

Во внутрь его снова вошло шесть мужчин, и опьяневшая женщина отдавалась им по очереди. Затем ее положили рядом с покойником, и в то время, как ее крепко держали, «вестница смерти», накинув ей на шею петлю, воткнула в сердце широкий нож.

После этого обряда к ладье подошел самый близкий родственник умершего и поджег приготовленный костер, а за ним последовали другие, и огонь вскоре охватил всю ладью. В короткое время все сгорело, и осталась лишь гряда пепла.

Присутствующие собрали его и насыпали могилу, посреди которой водрузили деревянный столб с именем почившего и с «именем русского князя», после чего все разошлись.

Котляревский видел следы этого обряда в моравском фольклоре, что, однако, недостоверно; он указывает также на русскую былинку о Потоке, в которой рассказывается о погребении богатыря с его женой.

Как уже говорилось, иногда кроме жен приносились в жертву рабы и рабыни; об этом сообщают Фадлан и Димешки, причем последний упоминает еще и других лиц, как, например, княжеского лекаря, конечно, в надежде, что он будет служить своему господину и на том свете. Однако ясных и точных археологических данных для этого нет, так как если в остатках пепла и находят части 2—3 костяков, то возможно предположить, что в общей могиле похоронены умершие естественною смертью, напр., от эпидемий.

У балтийских славян таких общих могил не встречается, тогда как в приладожских курганах X—XI вв. найдены следы 2 и 3 остонов в одной могиле, что ген. Бранденбург¹²⁹ объясняет вышеуказанным образом. Но в этом широко построенном объяснении чувствуется некоторая искусственность, так как находки этих общих погребений относятся к тому времени, когда христианство уже утвердилось в Киевской и Новгородской областях, и, естественно, была уничтожена насильственная «пообету» смерть женщины. Однако частичные явления подобного рода могли встречаться в некоторых местах, где еще не вполне было воспринято христианство.

Можно привести и археологические доказательства, что обычай погребать жену и družину вместе с вождем существовал на юге России; так, в Сквирском уезде Киевской губ. был найден курган, где вокруг главного остова были расположены 12 скелетов с отделенными головами. Подобные погребения встречаются в могилах Херсонской и Екатеринославской губ., но относительно их возникают сомнения, поскольку эти могилы принадлежали славянам.

¹²⁹ Бранденбург Н. Курганы юж. Приладожья.

Действительно, не будь исторических свидетельств, на основании лишь одной археологии трудно было бы установить существование погребений умершего совместно с женою и слугами. Как уже указывалось, жена следовала за покойным мужем в могилу либо добровольно, либо по выбору, и, выражая согласие, она становилась обреченной на смерть безвозвратно¹³⁰.

Чтобы жертва шла в могилу без сопротивления, прибегали к опьяняющим напиткам, одурманиванию курениями ароматических трав, музыке, пению, шуму и бряцанию оружием и неоднократно соит'ам. Все это делалось с целью настолько одурманить и обессилить жертву, что она с полным равнодушием шла навстречу смерти; ее или удушали (Масуди, Ростех), или пронзали ножом (Фадлан), или отрубали голову (Дитмар) и клали вместе с умершим, с которым сжигали или зарывали.

У болгар (*Аль-Бекри*. Изд. Розена, 64), а по свидетельству Ростеха (*Гаркави*. Сказ., 270), и у русских был еще более жестокий обычай заживо погребать жену вместе с мужем. Впрочем, этот обряд характерен не только для славян, но встречается вообще у народов, стоящих на низкой примитивной ступени культуры.

В древности он существовал у германцев, литовцев, пруссов, фракийцев, скифов, греков и в Индии, а равно у финнов и тюрко-татар — непосредственных соседей славян.

Попытки объяснить следование жены в могилу за мужем, как признак верности славянской женщины, или боязнью вдовьего одиночества, как это делают Маврикий, Лев Мудрый, св. Бонифаций и арабские писатели (ибн-Ростех, Масуди, Аль-Бахри и др.), следует признать ошибочными. Нельзя отрицать, что в единичных случаях высшие побуждения руководили женщиной, но обычно

¹³⁰ *Лев Диакон*, IX, 8, приводит свидетельство, что жена русского (умершего) вождя восклицала как бы в экстазе: «Гляжу туда и вижу своего господина сидящим в прекрасном зеленом саду, окруженного мужами и слугами, и он зовет меня».

это было подчинение жестокой необходимости, основанной на традициях и народном веровании в загробную жизнь. Общество или семья как бы обязывались снабдить покойника всем необходимым для загробной жизни, что являлось пережитком анимизма, а в некоторых родах приняло силу закона, ввиду чего жена должна была «добровольно» или принудительно жертвовать собой. Что же касается опрашивания — кто желает следовать за покойным, то оно сводилось к простой формальности, так как кто-нибудь из близких должен был обречь себя в жертву, и, конечно, прежде всего жена; это самопожертвование в большинстве случаев нельзя объяснить истинной взаимностью. Из указаний ибн-Фадлана видно, что обратного обряда не было, т.е., «когда умирает жена, то муж с нею не сжигается».

Близким, и как бы служащим дополнением к погребальному обряду с анимистической верой в будущую жизнь, является женитьба покойных.

По словам Масуди, за умершим мужем следовала жена, но когда умирал юноша, ему в могилу подобным же образом обрекали девушку, как бы совершая дополнительно к погребению обряд женитьбы, точнее, подготавливая ему жену для будущей жизни¹³¹. Можно безошибочно сказать, что обряды, которые теперь еще совершаются при смерти молодого человека или девушки, являются пережитками чисто символического характера этого языческого обычая. При подобных похоронах у галицких русин, на Украине, в Польше, Сербии, Болгарии, у онемеченных померанских славян и в Словакии употребляется целый ряд атрибутов, присущих свадебному обряду: возложение венца или свадебной повязки на голову девушки, шествие дружек и шаферов, как при свадьбе, несение деревца, украшенного лентами¹³², положение на гроб каравая и пр.

¹³¹ *Schrader O. Totenhochzeit. Jena, 1904.*

¹³² В Болгарии ставят на могилу свадебное деревцо «оруглица». *Маринов Д. Жива Старина.*

В Южной России подобные похороны называются «весилье»; в горной Моравии погребальные трапезы называют «свадьбой». В одной из погребальных песен гуцулов¹³³ мать спрашивает: «Почему ты захотела, дитя, такую свадьбу?» В Подолье молодой человек, идущий за гробом девушки, называет себя «вдовцом», подобно тому, как в Галиции дружка, идущая за гробом, олицетворяет жену, в языческие времена действительно следовавшую за мужем в могилу.

По тем же анимистическим представлениям о будущей жизни, славяне погребали вместе с покойным хозяином и его боевого коня и собаку¹³⁴, сопутствовавшую ему на охоте. Обычай убивать коня существовал и у соседних народов: у иранских скифов и сарматов¹³⁵, литовцев, пруссов, германцев, скандинавов и тюрко-татар. Однако не следует считать, что обычай этот славяне заимствовали от чужих народов. Он существовал уже и у индоевропейцев, а также у непосредственных соседей славян — финнов и тюрко-татар, конечно, в больших или меньших размерах, в зависимости от степени развития коневодства. У скифов, как и у аваров и половцев, каждый мужчина сызмала был наездником, и лошадь была его главным достоянием. В их могилах были найдены конские скелеты, часто в очень большом количестве. Лаппо-Данилевский указывает, что число таких остовов достигало от 4 до 11. Еще больше их найдено в курганах кочевников на Кубани¹³⁶, например, в станице Костромской, где было открыто 22 конских скелета. Этот обычай еще и поныне

¹³³ *Kaindl B. Huzulen*, 1894.

¹³⁴ *Анучин Д.* О костях собаки из курганов Смоленской губ. Древности, IX, 66.

¹³⁵ *Minns E. Scythians and Greeks*. London 1913. *Ростовцев М.* *Iranians and Greeks in South Russia*. Oxford, 1922. *Лаппо-Данилевский А.С.* Скифские древности. Зап. Арх. IV, СПб.

¹³⁶ *Веселовский Н.И.* Курганы Кубанской области в период римского владычества на сев. Кавказе. Труды XII Арх. Съезда.

сохраняется у киргизов и калмыков, бурят, чукчей, тунгусов, чувашей и других.

Что касается славян, то у них коневодство не было так развито и составляло лишь достояние богатых, и потому в их могилах конские остовы встречаются значительно реже.

Литературные сведения об этом имеются только о России¹³⁷. О погребении русского вождя с конями, быками, петухами говорит ибн-Фадлан. О русах и славянах на Руси Масуди рассказывал, что они сжигают вместе с покойником и его вьючный скот. Наконец, в былине о Потоке-богатыре Михаил Иванович уходит в могилу со своим оружием и конем.

Вопрос о том, были ли погребения с конями в Центральной и Сев. России славянские или чужие, особенно горячо обсуждается русскими археологами; до сих пор выяснено только, что этот обычай следует считать присущим главным образом кочевникам,номадам, и впоследствии распространившимся в славянской среде. В. Городцов¹³⁸ полагает, что славяне переняли его от урало-алтайцев, Н. Бранденбург¹³⁹ относит киевские курганы к печенегам, В. Антонович — к полянам.

То же, что о славянах на Руси, Масуди повторяет о сербах. Там и поныне у селян сохранился обычай вести за гробом умершего его коня. В действительности обычай, на который указывает Масуди, не был общим у славян и применялся только в случае смерти богатого или выделившегося своими воинскими заслугами.

¹³⁷ *Анучин Д.* Сани, лады и кони, как принадлежности похоронного обряда. Москва, 1890.

¹³⁸ *Городцов В.А.* Погребение с конем в Европейской России. Изв. Арх. Ком. XII.

¹³⁹ *Бранденбург Н.* Какому племени могут быть приписаны те из языческих могил Киевской губ., в которых вместе с покойником погребены остатки убитых лошадей? Труды X Арх. Съезда. Рига, 1896. *Спицын А.* Курганы киевских торков и берендеев. Зап. Арх. Общ. Слав. Отд. XI.

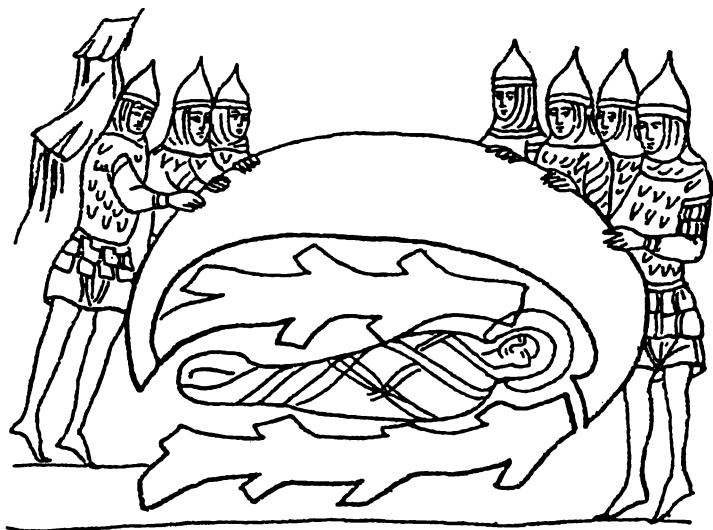

Рис. 7. Погребение св. Глеба под ладьей.
Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе»

Эти соображения подтверждает и хронология. Конские кости попадают не только на окраинах славянской территории, но и в областях древних полян, древлян, новгородских славян и особенно кривичей.

В других местах славянства подобные находки редки, хотя на Дунае, где в VI—X вв. господствовало смешение гунских, аварских и мадьярских элементов, встречаются поздние сарматские группы могил, которые, вероятно, можно отнести к славянским погребениям¹⁴⁰.

Совершенно особую группу составляют курганы, где найдены погребения умерших, посаженных верхом на коня; правда, случаи подобных находок очень редки, и на юге России эти курганы нельзя с достоверностью признавать за славянские.

Наряду со скелетами коней и собак иногда в могилах встречаются остовы домашних животных: барана (чаще всего), свиньи и

¹⁴⁰ Hampel. Alterthümer I, 78.

быка; из птиц домашних — петуха или курицы, а из хищных — орла и ястреба; из лесных зверей — медведя, оленя, зайца и соболя. Все эти находки скорее указывают на объем погребальной трапезы, совершавшейся на могиле, чем на обычай снабжать умершего живностью для загробной жизни. Из всех домашних животных и птиц только заклание петуха, провозвестника дня и солнца, могло иметь символическое значение, которое удержалось за ним и в позднейшем славянском фольклоре. Другим животным не следует придавать никакой символики, почему и нельзя согласиться с мнением А. Котляревского, усматривавшего даже в собаках и быках символы и олицетворения явлений природы.

Интересной разновидностью древнеславянского ритуала являются погребения в ладье. Обычай сжигать покойника в ладье или просто насыпать над нею могилу встречается часто у сев. германцев и балтийских финнов, главным образом в зап. Финляндии¹⁴¹, откуда он перешел к карелам и удержался у них до второй половины XIX в.

У славян погребения в ладьях очень редки, и если встречаются, то только на востоке. Исторических свидетельств об этом не сохранилось, за исключением приведенного рассказа ибн-Фадлана о сожжении Руса и летописного известия о кн. Ольге (рода русского), которая отомстила древлянам, похоронив их заживо вместе с ладьями, на которых они прибыли. Д. Анучин приводит миниатюру из Сильвестровской рукописи, где представлено покрытие ладьею тела св. кн. Глеба¹⁴²: «Святаго Глеба положиша в лесе межи двема кладом под насадом». Насад, по толкованию В. Срезневского, есть род судна. Между тем А. Спицын в 1899 г. писал¹⁴³, что находки в русских могилах

¹⁴¹ *Hackman A. Om likbränning i båtar under den yngre järnåldern i Finland (Finst Museum, 1897).*

¹⁴² «Сказания о свв. Борисе и Глебе». Сильвестровский список XIV в. Изд. Срезневского. СПб., 1860.

¹⁴³ Журн. Мин. Народ. Просв. 1899 г. VIII, 315.

не обнаруживают погребений в лодках. Однако впоследствии Т. Скадовский¹⁴⁴ нашел ладьи в курганах у Белозерки (Херсонск. губ.), а Сергеев и Сизов¹⁴⁵ сочли возможным предположить их наличие в Гнездовском кургане и в могиле у д. Туровичей на р. Соже (Могилевской губ.); аналогичные предположения делал Бранденбург¹⁴⁶ о могиле у Усть-Рыбижны и Анучин о двух костромских курганах¹⁴⁷.

Впрочем, все эти свидетельства недостаточно еще подтверждены, чтобы на основании их делать, подобно А. Котляревскому, выводы. Между тем он пришел к заключению, что обычай класть покойников в ладьи существовал у славян, и что время его появления относится еще к тому праславянскому периоду, когда славянские поселения были и по берегам моря, которое внушило им представление, что страна мертвых лежит далеко за морями, и что души умерших должны переправляться к ней на ладьях. На это же древнее поверье, по его мнению, указывает и термин «навье» — загробная жизнь, этимологически обозначающий плавание (*navigatio*).

Однако с этими выводами нельзя согласиться ввиду того, что «русские» славяне, у которых был обнаружен этот обряд, никогда не жили близ моря, которое могло дать повод к возникновению этого обычая, а кроме того, нет исторических и весьма мало археологических данных для подтверждения таких заключений. Вероятнее всего, что этот обряд перешел к славянам от финнов или скандинавских руссов, где лодка при погребении имела то же значение, что конь или походная кибитка номада, т.е., опуская ее в могилу, хотели снабдить покойника всем, чем он пользовался

¹⁴⁴ Труды VIII Арх. Съезда. III, 75.

¹⁴⁵ Сизов В. Смоленск, кург. 77.

¹⁴⁶ Бранденбург Н. Курганы Прилад. 91, 102.

¹⁴⁷ *Anutschin D. Die Kurganenkultur des Gotiv. Kostroma im X—XII jahrh. Globus 1900, № 21, 335. О культуре Костромских курганов. Москва, 1899.*

*Рис. 8. Перенесение тела св. Бориса в саних.
Миниатюра из «Сказания о Борисе и Глебе»*

при жизни. А в жизни северного воина лодка играла важную роль; для этого достаточно припомнить их хищнические набеги на европейское побережье.

Если даже у славян и существовало в X и последующих веках представление о какой-то переправе души через водную пучину, то его возникновение следует скорее отнести за счет влияния греческой и римской культур, причем это поверье проникло к славянам по Дунаю или с берегов Черного моря.

Подобные предположения оправдываются и тем, что те же культурные влияния создали известные понятия, укрепившиеся в славянском фольклоре, как-то: коляды от «kalendae», русалки от «rosalii», радуницы от «rhodanii». Таким же путем могло перейти к славянам и античное предание о Хароне, переправляющим за плату души умерших в загробный мир в лодке; этой традицией отчасти объясняется, что даже в самых бедных гробницах Пантикапеи (Керчи) находят медные деньги.

О том, что такое поверье существовало у славян, видно из обилия монет, находимых в могилах конца языческого периода и начала христианской эпохи.

Монеты обычно вкладывались в рот или в руку умершему и являлись данью, платимой за перевоз Харону¹⁴⁸.

Этот обычай класть деньги за перевоз удержался у простого народа в большей или меньшей степени во всем славянстве вплоть до XIX в. По украинской версии, перевозчиком является «дидько, котрий зараз витає покійника, та питає за гроши, яки ему належить дати за місце», говорит Пачовский¹⁴⁹. Длугош указывает на имена божеств Nuј или Nuја, которые связаны с «нав», «навий». Поскольку можно считать древнее славянское «навье» (павье) или польск. *pawa* заимствованным от лат. *navis* или греч. *ναῦς*, или оно было местным термином, могут решить только филологи. Самое же представление о перевозчике души или о пловце имеется и в сказочном фольклоре.

Из всего приведенного следует заметить, что погребения в ладье нельзя относить к первоначальным славянским обрядам, а лишь к древним обычаям. То же самое надлежит сказать и о погребении покойника в санях, или, вернее, об обычае привозить покойника к могиле в санях во всякое время года, пережитки чего удержались в некоторых местах еще и поныне¹⁵⁰.

В Киевской летописи рассказывается под 1015 г. о смерти св. кн. Владимира и о том, как его останки отвезли из Берестова в Киев на санях, причем, как известно, он умер в июле: «Възложше и на сани, везъше поставиша и в святей Богородици» (Лавр. летоп. 3, 128).

¹⁴⁸ *Karłowicz*. *L'obole du mort*. (Melusine, X, 56) — о поляках и кошубах.

¹⁴⁹ *Пачовский М.* Народный похоронный обряд на Руси (Звит. дар. акад. гимн. Lvov. 1903) — малоруссы называют «перевизне», или «заплата». *К. Chotko* (Narodop. Věstnik 1906, 255) о Словаках. *Pič* (Staroz. III, I. 76) и *Červinka* (Pravek 319) о чехах.

¹⁵⁰ *Беляшевский*. Сани в похоронных обрядах. Киевск. Стар., 1893, IV. *Труворов*. О погребальных санях. Русская Старина, 1887 XII. *Б.* Заметки об обряде погребения в санях. Изв. Арх. Комис. IV.

Подобное описание имеется в житии свв. Бориса и Глеба (Сильвестр, ркп. XIV в.): «Глеба в гробу положили и доставили в церковь»; позднее останки обоих святых были перевезены в Вышгородскую церковь, также на санях. Аналогичные сведения имеются в летописи о погребении кн. Ярослава в 1054 г., убитого кн. Изяслава в 1078 г., кн. Михаила Святополка в 1113 г. и многих других князей.

О том, что в Древней Руси был обычай отвозить умершего к могиле на санях, говорят и сведения об отдельных лицах, которые, почувствовав приближение смерти, садились в сани и просили отвезти их в церковь, а также и сложившееся выражение: «сидеть в санях», что было равнозначимым стоять перед лицом смерти.

Владимир Мономах в своем поучении говорит: «Седя на санех, помислих в души своей»...

На Руси этот обычай стал исчезать лишь в XIV в., но в Москве, при великокняжеском дворе, удержался еще некоторое время, а на Украине в народе пережитки его встречаются еще и поныне, причем в сани запрягались не лошади, но волы¹⁵¹.

Анучин и Волков дали обильный литературный материал о погребении в санях не только в XVII в., но и в XIX ст., а ряд славянских этнографов указал на существование этого обычая у современного населения западных окраин Карпат, Киевской и Вологодской губерний России, в Словакии, у поляков и у сербов в Болевацком краю. Однако следует отметить, что этот обычай встречается и за пределами славянства, у финнов, вотяков, пермяков, черемисов, зырян и далее у вогулов, чувашей, самоедов, лапландцев и коряков, которые действительно хоронят покойников в санях. Одно время Д. Анучин ставил вопрос, не усвоили ли славяне этот обычай у финнов, но впоследствии он и Ф. Волков, на основании обширного материала, пришли к заключению, что

¹⁵¹ Ящуржинский. Остатки языческих обрядов в малорусском погребении. Труды VII Археолог. Съезда II.

этот обычай не заимствован, но является древним, местным, собственно славянским.

В этом утверждении Волков пошел еще далее, указав ему аналогии в галльском, персидском и индийском фольклоре и установив его существование еще в праарийскую эпоху. Основанием к его возникновению послужило представление о долгом пути, который душа должна была пройти, прежде чем вступала в новую жизнь».

Однако такое смелое утверждение следует признать искусственным. В этом обычае необходимо различать как положение покойника в сани и перевезение его к могиле, так и самое погребение в санях. Первое, судя по климатическим условиям, могло быть общим для всей Руси и финнов, так как сани у них были первым средством передвижения; что же касается второго, то археологические находки не дают точных доказательств, чтобы можно было отрицать финское влияние на этот обычай. В южной области России были открыты могилы со скелетом, посаженным на двухколесный возок; этот обычай свойственен всем установившимся культурам Европы (начиная на западе с галлов) и связан с уже описанным положением в могилу коней, собак и лады.

Теоретически нельзя возразить против существования этого обычая у славян, в особенности в тот период, когда они уже имели двухколесные возы¹⁵². Однако могилы, в которых такие находки открыты, ничем характерным не подчеркивают свою принадлежность к славянским погребениям, но скорее дают возможность делать предположения противоположного характера.

Следует еще упомянуть из предметов, встречаемых в славянских могилах, особые плетенки из ремня, которые связывались с

¹⁵² «Рясные могилы» X в. Бахмутского уезда, Екатеринослав. губ., содержали два двухколесных воза. *Спицын* (Зап. Арх. Ком. 1896 г.) относит их к погребениям кочевников. О находках возов, принадлежащих скифо-сарматскому периоду см. *Анучин*. Сани и т. д. 193.

представлением о какой-то загробной дороге в рай и о которых говорит еще в XVI в. житие Константина Муромского, называя их «Ременная плетения древолазная». Значение их точно не выяснено; что же касается объяснения Котляревского, считавшего их за подобия лестниц, по которым души умерших восходили «на гору», то его следует признать слишком искусственным.

VII. ТРИЗНА, ПОМИНАЛЬНЫЕ ТРАПЕЗЫ И СВЯЗАННЫЕ С НИМИ ОБРЯДЫ

Интересной подробностью описанного ибн-Фадланом погребения является погребальное торжество и связанное с ним пиршество. Другие источники свидетельствуют, что они были и у славян и назывались по ст.сл. «тризна» и «страва». Упоминание о тризне встречается прежде всего у русских славян. «Аще кто умряше, творяху тризну (в нек. рукоп. — трызну) над ним и по семь творяху кладу велику и възложашуть и на кладу, мертвеца сожъжаху»... — говорит летописец о погребении у радимичей, вятичей, северян и кривичей (Лавр. лет. 3, 13). В той же летописи повествуется и о тризне с «питием», которую устроила кн. Ольга над могилою кн. Игоря... «Да поплачюся над гробом его (мужа) и створю трызну мужю своему... и повеле людям своим съсути могилу велику и яко соспоша и повеле трызну творити. Посем седоша деревляне пити и повеле Ольга отроком служит пред ними»... Под 969 г. в летописи есть запись о том, что сама Ольга, будучи христианкой, «заповедала не творити трызны над собою» (Лавр. лет. 66). Тризна, как древний языческий обряд на Руси, упоминается еще в житии Константина Муромского: «ни тризнища, ни (б) дыни не деяху, ни битвы»...

Относительно поминальных трапез у других славян точных сведений не имеется. Польская хроника, говоря о погребальных обрядах, не упоминает о тризне. О полабских славянах Саксон

Грамматик (изд. Holder'a, 276—277) рассказывает, что их князь Исмир в палатке, возле могилы, правил пир в память своего умершего брата, но была ли это собственно тризна, сказать нельзя. О подобном же угощении в 593 г. где-то в Валахии, которое устроил князь Мужок своему умершему брату, говорят югославянские источники. О большом пиршестве над могилою Атиллы рассказывает Иордан, а употребленное при описании славянское название «*strava*» дает возможность предполагать, что торжество это совершалось по обычаю славян древней Венгрии, над которыми он владычествовал¹⁵³.

Трудно положительно решить, была ли старославянская тризна лишь пиршеством, как это чаще всего предполагают, или особым торжественным обрядом, выполняемым помимо трапезы. Котляревский считает тризну за особое торжество, составленное из военных игр, к которым затем обычно присоединялось и угощение; намеренно упоминает о «битве» в честь умершего и житие св. Константина Муромского. Исходя из этого, Котляревский пришел к заключению, что тризна могла возникнуть лишь у воинственных славянских племен и что ее не было у мирных земледельцев, которые в память покойного совершали лишь «поминки», т.е. пиршества. Он был несомненно прав, когда утверждал, что тризна не была только пиром; однако правильнее предположить, что это было какое-то торжество из символических игр, сопровождаемое питием и пением, не везде одинаковое по своему содержанию и характеру. На размеры тризны оказывали влияние степень достатка племени или рода, военное или мирное состояние страны, социальное положение покойного, а поэтому совершенно неправильно различать, как это делает Котляревский, «военные тризны» от мирных «поминок»,

¹⁵³ *Jordanis. Get.* 253. Postquam talibus lamentis est defletus, *stravam* super tumulum eius, quam apellant ipsi, ingenti commessatione concelebrant, et contraria invicem sibi copulantes luctu funereo mixto gaudio explicabant.

тем более, что неизвестно, какие из племен следует считать «воинственными» и какие «мирными».

О самом содержании тризны сведений имеется очень мало.

Следует отметить, что в житии Константина Муромского¹⁵⁴ слово «тризнице» отделено от «битвы», но все-таки по некоторым памятникам, в которых хотя и не упоминается «тризна», можно выяснить характер торжеств, которыми сопровождалось погребение. В этом отношении интересен рассказ Космы Пращского, дополненный Гайком, который перечисляет языческие обряды при погребении, искореняемые «добрым князем» Братиславом II (1092).

Здесь прежде всего важно указание на светские игры, исполняемые над телом умершего, — «*ioci profani*», с которыми нужно связать — «*scenas facere*», что, вероятно, обозначает какое-то театральное представление, и что следует сопоставить с выражениями: «игрища, сборища, позорища, позоры творити, на позорища ходить, глумы деяти», употребляемыми обычно церковными наставлениями, запрещающими языческие торжества. Конечно, у чешского летописца «*scenas facere*» не обозначает настоящей погребальной тризны, но только реминисценции на какое-то установившееся и повторяющееся почитание памяти умершего, а выражение *ad animarum pausatationem* указывает на то, что и души предков должны были присутствовать там, где происходили эти торжества.

С этим объяснением тризны, как ритуала, главной частью которого была сцена, представляющая битву, согласно и этимологическое значение слова «тризна». Его можно связать с чешск. *trýzniti*, *trýzeň* в смысле «бедствие», и особенно в значении «бить», «бичевать», с польск. *tryznić*, белорусск. *triznić* — быть в восхищении. Поэтому и в древнецерковном славянском языке тризна имеет значение состязания (*certamen*, *pugna*), переводимого как *στάδιον*, *ἄθλον*, *παλαίστρα*, подобно тому

¹⁵⁴ ...«Ни тризнища, ни (б)дыни не деяху, ни битвы», etc.

как существует «тризнице», — гр. *στάδιον* «тризнодавец», *pugnator*, «тризници и борцы, крепии тризници», тризновати — *pugnare*¹⁵⁵.

Из всех этих свидетельств видно, что при погребении, а в некоторых местах и при поминках, которые впоследствии повторялись периодически, исполнялась какая-то игра, состоящая из символических движений, причем главным моментом ее была военная сцена — собственно тризна — состязание, сопровождаемое бряцанием оружия, криками и военными песнями. Исполняемое «действие» не имело целью реально воспроизвести битву, в которой некогда участвовал покойный, и поэтому основы его были иные. Возможно, что это были состязания между мужами, аналогичные древнегреческим *ἄγων*’ам, которыми уже во время Гомера прославлялась кончина выдающихся мужей-героев, а равно допустимо и объяснение, что это были выступления против злых демонов, враждебных мертвому, с целью их устрашения и отогнания. То же самое подтверждает позднейший фольклор и западнорусское предание у Менеция¹⁵⁶: «*Eductis gladiis verberant auras, vociferantes gey, geythe, begoythe peckelle, id est: augifite vos daemones*», а по-русски — «бегаите пекельни».

В этом смысле можно объяснить и употребление масок, и вообще переодевание. Котляревский и в этом случае ошибочно принял догадки Афанасьева и толковал переодевание, как символизацию явлений природы. Более правдоподобно, что маски, как при погребениях, так и при других языческих обрядах у славян и других примитивных народов, имели целью устрашать злых духов (демонов), причем эти маски могли быть подобиями предков, как это было у римлян, где вошло в обычай

¹⁵⁵ *Соболевский А.* Материалы и исследования в области славянской филологии и археологии. СПб. 1910. *Mikrosich. Lexicon paleoslav.* Стр. 1001, 1002.

¹⁵⁶ *Menetius.* De sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum aliarumque vicinarum gentium. Scr. rer. Livon. II, 1848, 391.

переодеваться и с маской (личиной) предка на лице, участвовать в погребальной процессии¹⁵⁷. Однако позднее у славян вместо этой первоначальной цели переодевание при похоронах приняло увеселительный характер, приобретая эротический оттенок, как это было и на свадьбах. Масуди и ибн-Ростех в X в. отметили, что славяне при погребении предаются буйному веселью, нередко переходящему в пляску и игры. Отличительной чертой этих игр было переодевание мужчин в женское одеяние и наоборот, а также в шкуры различных зверей, о чем свидетельствует Косьма в своем описании «безбожных игр над мертвыми», добавляя, что лица участников были покрыты масками; в «гомилиях» Опатовицкого есть упоминание о непристойном смехе (*cahinni*) над умершими: «*Carmina diabolica, quae super mortuos nocturnis horis vulgus facere solet, et cahinnos quos exercet, in contestationem dei omnipotentis, vetate*» (изд. Нечт, 22). На то же самое указывают русские церковные поучения XI—XII вв., запрещающие дикие игры и пляски в дни, посвященные памяти мертвых.

А.Н. Веселовский рассматривает русалии как празднества, установленные в память мертвых, в состав которых неизменно входила военная игра, исполняемая скоморохами в масках¹⁵⁸.

То же говорит и житие св. Нифонта: «В церковные праздники ови бяху в бубны, друзии же в козице и в сопели сопяху, инииже възложивше на лица скураты идяху на глумленье человеком и мнози оставивше церковь на позор течаху и нарекоша игры те Русалья»¹⁵⁹. О плясках и песнях «диавольских» при похоронах упоминается и в Стоглаве (1551 г.). «В троицкую субботу по селам и погостом сходятся мужи и жены на жальниках и плачутся

¹⁵⁷ *Blümner H.* Die römischen Privataltertümer. Iv. Müllers Handbücher IV. 2, 2, München, 1911.

¹⁵⁸ *Веселовский А.Н.* Розыскания в области русского духовного стиха. XIV, 262, 271.

¹⁵⁹ *Снегирев И.* Русские простонародные праздники. I—IV. Москва, 1837—1839.

по гробом с великим кричанием. И егда начнут играти скоморохи, гудци и прегудники, ониже от плача преставше, начнут скакати и плясати и в дол они бити и песни сотонинские пети»...

Поэтому не следует забывать, что шумные забавы после похорон, и в настоящее время существующие в некоторых местах славянства — в Словакии, Болгарии, у русин¹⁶⁰ и др., являются лишь пережитками этих древних игр и плясок, т.е. остатками древних тризн.

Не менее важною частью погребального обряда являлась страва — *strava*, т.е. пир, совершавшийся на самой могиле или вблизи нее, причем напитки играли в этом пиршестве главную роль. Часть питий и яств были чисто обрядового характера, но по окончании погребения начиналось общее бражничанье. Обрядовая часть выражалась в возлиянии чаши медового вина или подобного напитка на могилу, или осушение чаши в память покойного, что киевский летописец называет «пити на кого», и к чему присоединялось приношение еды в могилу. Такую «чашу разлуки» пьют на погребении Руса, описанном ибн-Фадланом; о ней же припоминает Кадлубек, когда рассказывает о пире кн. Попела. Княгиня Ольга, как сообщает летопись под 945 г., «повеле отроком своим пити на ня» (т.е. за древлян).

Наряду с поминанием покойника славяне наделяли пищей и питьем различных «демонов», которые, согласно древним поверьям, имели влияние на человеческую судьбу, и в особенности на смерть. На Руси это были «род» и «рожаницы», против которых неустанно боролась церковь, запрещая «трапезу рожаницам готовить», «трапезу ставити роду и рожаницам», «незаконная трапеза и менимая роду и рожаницам». Пачовский¹⁶¹ отмечает,

¹⁶⁰ Эти хороводы и пляски носят разные названия, вроде: «лопатки бити», «медведя вити», «олий бити».

¹⁶¹ Пачовский. Пох. обр. 19.

что у гуцулов при погребении кладут покойнику кроме денег для «дидка» еще и хлеб (kolač) «для роду».

По совершении обряда следовало шумное пиршество всех присутствующих, обычно переходившее в нечто вроде «всенародной оргии»¹⁶². Об этом свидетельствует ряд уже упомянутых источников: в 593 г. кн. Мужок правил тризну по брате, причем все настолько опьянели, что римляне, предводительствуемые Приском, заняли их становище и пленили князя. Пьянство на тризне, устроенной полабским кн. Исмиром, было так велико, что дало возможность пленному датскому принцу не только бежать, но и поджечь шатер, где правилась тризна. Месть кн. Ольги древлянам удалась благодаря тому, что их послы упились медом. Об этом же свидетельствуют и польские источники. «Страву» упоминает и Лактанций Плацид¹⁶³ в выражении *srtaba* или *traba*. Род напитков, употребляемых при пиршестве, точно указать нельзя, но зато кушанья определяются достаточно точно на основании археологических находок в виде костей домашнего скота и диких животных (медведя, оленя, тура). Такие кости встречаются в центральном пепелище, а иногда и в верхних слоях надмогильных насыпей. Очевидно, что часть яств полагалась в самую могилу, а остальное шло для «стравы», остатки которой бросали на могилу и затем засыпали сверху землей. Находки костей в верхних слоях насыпи дают возможность предполагать периодичность подобного рода поминальных трапез¹⁶⁴.

Некоторые из погребальных обычаев, которые относятся еще к языческому периоду, продолжали существовать у славян и после принятия христианства, и местами удержались еще до сих

¹⁶² Аничков Е. Песня I, 296.

¹⁶³ *Lactantius Placidus. Scholia ad Theb. Statii XII, 62* «*extruebatur regibus mortuis pyra quem ritum sepulturae hodieque barbari servare dicuntur, quas strabas (trabas) dicuntur lingua sua*».

¹⁶⁴ Формы погребения у современных и древних народов восточной России. Изв. арх. об. Казань. X.

пор. Так например, и теперь еще ставят возле гроба, или в гроб, или на окно кушанья и напитки для покойника; на поминках их полагают на самую могилу. К этому же относится и угощение¹⁶⁵ не только близких, но и всех присутствующих после погребения, или перед выносом покойника из дома, и питье «за помин его души»¹⁶⁶. То же чувствуется и в белорусском обычае, когда отец зажигает свечи и молится в кругу присутствующих за столом о покойнике и призывает предков, обращаясь в ним так, как и тысячу лет назад:

Святые дзяды, зовем вас
святые дзяды, идзице до нас!
Ёсьць тут усё, што Бог дау
што я ли вас охвяровау,
чим только хата богата.

После того, как для «дзядов» отлили водки и отложили еду в сторону, по окончании трапезы отец восклицает:

Святые дзяды, вы сюды приляцели,
пили и ели.
Ляцицеж цаперь до сябе!
Акыш, акыш!

Вообще, поминальные пиры в память умершего начинались обычно на следующий день и повторялись в течение первого года в сроки, точно установленные традицией, о чем говорит уже ибн-

¹⁶⁵ У белорусов — «жалобный, горячий стол», сербск. — подушје, болг. — трапезата на смъртъта, польск. — *stupa, pogrzebiny*.

¹⁶⁶ *Volkov F.* Seelenspeisung bei den Weißrussen (Am Urquell, VI,; 25). *Krauss Fr.* Der Tod in Sitte, Brauch und Glauben der Südslaven (Zs. f. Volks. I, 1896). *Charvát Kr.* Smrt, pohrab a mrtyi v tradicii a zvykoch fudovych. {Slovenské pohľady I 894—1895}.

Ростех; это было во второй, третий, шестой, седьмой, девятый, двадцатый и сороковой день, а затем полугодовые и годовые памяти. Отсюда, в особенности в России и на Балканах, возникла и терминология: трещина, шестина, *sedmica* (*sedmina*), дзевяцина, сорочина (*četrdesnica*) четересе, полугодница, поугодки, година, угодки¹⁶⁷ и др. рядом с общими названиями: трапеза, подушје, *orijelo*, *sofra*, помен, принос, прикладзины, поминки, задушки и т.д. Обычно три или четыре дня в год посвящаются вообще поминанию душ умерших, которые на Балканах называются — «задушница», в Запад. Руси — «радуница» (в Виленск. губ. — радовщина), в Белоруссии — поминальная суббота «дзяды», наряду с местными «хаутура, хавтура» (от лат. *chartularium*); в Великороссии — «родительские субботы», «नावий», «नावский день», «великдень», «семик», в Малороссии — «гробки», «могилки».

Славянские русалии (серб. — «ружичало», «дружичало») возникли по аналогии с римскими розалиями, т.е. празднествами роз, которые были тесно связаны с днями весенних поминок умерших на кладбищах. Проф. Мурко¹⁶⁸ правильно ставит эти празднования в связи с розалиями и говорит, что эти празднования перешли в Россию при посредстве греческой церкви, которая передала им и свое наименование: ῥοδώνια, ἡμέρα τῶν ῥόδων. Впервые это название встречается на Руси лишь в 1372 г. (4-я Новгородская летопись), в то время как о русалиях уже упоминается в Киевской летописи в 1068 г. (Лавр. лет. 3, 166). Во время этих празднеств родственники собирались дома или на кладбище и вновь полагали на могилу пищу и питье и жгли свечи на помин души. Католическая церковь всячески препятствовала этим языческим пережиткам, в то время как православная до-

¹⁶⁷ *Kalušniacki*. Ueber den Ursprung des Dritten, Neunten und Vierzigsten in dem Tottenkultus der heutigen Griechen, Slawen und Rumaenen (Thätigkeitsbericht der phil Ges. Univ. Czernowitz 1908. 7. Nov.).

¹⁶⁸ *Murko*. Wörter unci Sachen. II band.

пускала совершение поминок при храмах, что подтверждается усвоением греческого литургического термина *трапеза*, слав. «трапеза», «трпеза» не только в смысле стола, но и в значении погребального пиршества, а впоследствии и специального угощения в память умерших, которые встречаются у югославян и русских. Вначале церковь запрещала их (напр., поклонение роду и роженицам), но затем, ввиду того что они слишком укоренились в быту, разрешила, а на Балканах было даже отведено для них особое место в церкви — притвор — «црквена трапезарја» у сербов, «слаганые трапеза» в Болгарии. Либерализм восточной церкви принял и сохранил эти еще языческие обряды, в то время как у католиков они почти исчезли.

Можно указать еще на один пережиток язычества, удержавшийся в первое время по принятии христианства, — это зажигание огня на могилах. Исторические свидетельства об этом сохранились у славян, только от позднего времени. В хронике Гаека (Hajek)¹⁶⁹ 1551 г. упоминается, «что по смерти чешского князя (мифического) Неклана (Neklan) развели большой огонь и ходили около него». В «слове» Михаила из Яновец (XV в.) Брюкнер¹⁷⁰ нашел указание о языческом обычае зажигать огни в память умерших.

Все это следует понимать как пережиток первоначального обряда сожжения. После же принятия христианства сожжение было заменено зажиганием костров на самих могилах или вблизи их, причем на возникновение этого обычая оказывало влияние верование, что очистительная сила огня воспрепятствует умершему оборотиться в вампира и, покинув могилу, возвратиться на землю. В силу этого при раскопках встречаются следы костров у могил, где сожжения уже не было.

Находки остатков от костров в разных слоях могилы указывают на повторение этого обряда, хотя их можно объяснить и огнем, необходимым для приготовления пищи на поминках;

¹⁶⁹ Kronijka I. LV.

¹⁷⁰ Brückner. Kazania II, 322, Archiv f. sl. Phil. X. 385.

вероятнее всего предположить, что обе причины (ритуальная и утилитарная) сливались воедино.

Зажигание соломы и взывание к мертвым, о чем говорится в 41-й гл. «Стоглава» — «в великий четверток, порану солому палат и кличють мертвых», — не имеет связи с зажиганием огня на могиле, как это полагал Котляревский. Существует и другой обряд, также зажигания соломы, но в честь домового, и прав Д. Зеленин, который оба эти обряда различает. Зажигание соломы было вызвано как хозяйственными соображениями, так, отчасти, на основании поверий о необходимости «греть покойников»¹⁷¹, аналогично тому, как их оделяли едой и парили в бане. Современный славянский фольклор знает еще целый ряд погребальных обычаев, которые не имеют ни древних исторических, ни археологических свидетельств, но существование которых по их характеру можно отнести к языческой эпохе. Так, например, открывание окон, чтобы душа могла отлететь, бдение около покойника, что некоторые западноевропейские церковные наставления называют «*vigiliae cadaverum mortuorum*», запираение его жилища и вынос покойника, не касаясь порога, обычай бросать камни и ветви через плечо и запрещение оглядываться при возвращении с кладбища, обычай пробивать труп колом (осиновым) и облекаться в траурные одежды, в особенности вывороченные наизнанку.

Вся эта обрядность построена на верованиях и заботах облегчить душе «отход», защитить ее от злых духов и возврата на землю. В югославянском и русском фольклоре сохранилось еще указание на обычай очищения огнем и водой присутствовавших на похоронах и обычай изгонять душу умершего из дому, выметая метлой или махая в воздухе топором¹⁷².

¹⁷¹ Зеленин Д. Народный обычай «греть покойников». Сборник Харьков. Истор. Общ. в честь Н. Сумцова. Харьков, 1909.

¹⁷² *Gharvát*. Ibid, сообщает, что, вернувшись с погребения, махают метлой по всем четырем углам и вызывают: «Kde si? Ako si tu, chod von», и так повторяют три раза, после чего заявляют, что душа отлетела.

Возложение на лицо покойного металлической маски¹⁷³ подтверждается подобною находкою в могиле у м. Коваль, Каневского у., но этот курган следует отнести к кочевникам, и вообще этот обычай, хотя довольно распространенный, должно считать не славянским. Еще можно указать на обычай делать искусственную дыру в сосуде для пепла, собираемого после сожжения трупа, с целью дать выход душе, так как сверху сосуд покрывался крышкою в виде блюда либо плоским камнем; впрочем, в собственно славянских могилах такие сосуды не обнаружены.

VIII. УСТРОЙСТВО МОГИЛ И ПОГРЕБЕНИЙ. КУРГАНЫ, СОПКИ И ЖАЛЬНИКИ

Внешний вид могил. Если при разборе погребальных обычаев и их пережитков в современном славянском фольклоре основываются на исторических свидетельствах, то при рассмотрении устройства самих могил следует опираться на весьма обильный археологический материал, нередко дающий единственные в своем роде данные.

При ознакомлении с разновидностями устройства могил надлежит остановиться на основном ее типе, который впоследствии может быть дополнен восточнославянским археологическим материалом, до сих пор не вполне разработанным даже русскими археологами.

В настоящее время древнеславянское погребение часто ничем не отмечено на поверхности земли, и это следует отнести за счет ветров, действия вод, а также и влияния позднейшей культуры.

¹⁷³ Кузнецов С. Погребальные маски, их употребление и значение. Изв. Археолог. Общ. Казань XXII, II. *Benndorj O.* Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien, 1878. *Dall H.* On masks, labrets. and cert. aboriginal customs. Washington, 1884.

Уже в языческий период на родственниках или населении лежала забота об охране мест упокоения, которые должны были оставаться неприкосновенными, как место пребывания душ умерших. В силу этого люди всюду обозначали могилу так, чтобы она отличалась от остальной поверхности. Обычно места погребения отмечались могильной насыпью — «могила» (рядом со ст.-сл. *gomila*, болгар. могила, польск. *mogila*, малорусск. *могыла*, *могыра*, *могура*¹⁷⁴, из камней или из земли).

Даже и там, где их в настоящее время не видно, можно предполагать их существование.

К концу языческого периода славянские могилы становятся более высокими и заметными, в особенности на восток от Вислы. Вообще же выдающимся людям, с целью их прославления, могильную насыпь делали особо высокой¹⁷⁵. Об этом имеются свидетельства даже из тех областей славянства, где вообще могилы были очень мало обозначены, как, напр., в Западной Польше, Чехии и на Балканах.

Но в христианский период и эти насыпи исчезают, и часто встречаются лишь небольшие холмики с крестами. Зато на севере, у Балтийского моря, в Завислянской Польше и еще дальше, на восток, у русских славян в первое время христианства и в конце языческой эпохи наступает так называемый курганный период. В более древнее время и у восточных славян делали небольшие могилы, за исключением южной границы, где образцом послужили высокие скифо-сарматские курганы¹⁷⁶. Чем ближе к христианской эпохе датируется могила, тем явственнее становится увеличение насыпи, разнообразие ее форм и внутреннего устройства. На юге в этом отношении влияли скифы и сарматы,

¹⁷⁴ Миклошич производит *mogyla* от корня *mog* (*moga*, *mošti*).

¹⁷⁵ Киевская летопись говорит, что могилы Аскольда и Дира в Киеве и Олега на горе Щековице были так велики, что там впоследствии был выстроен храм в честь Св. Николая.

¹⁷⁶ Толстой—Кондаков. Русские Древности. Вып. II, стр. 90 и 105.

на севере — норманны и русы, но не финны, у которых насыпь была невелика.

Следует отметить влияние русов, которые уже в VIII и IX вв. в Скандинавии (Аланд, Готланд и Упсала) имели высокие конические могилы, а на большие варяжские курганы указывает и летописец, говоря о погребениях Аскольда, Дира и Игоря. Любопытно, что в высоких погребениях на славянской территории встречаются вещи, по типу сходные со скандинавскими¹⁷⁷.

От русов славяне переняли, наряду со многими деталями погребального обряда, и высокую коническую форму могильной насыпи, особенно часто наблюдаемую в местах их наибольшего взаимного соприкосновения. Эта могильная форма наиболее распространена в районе Волхова, Довати, Меты, Шелони, а также в Смоленской, Черниговской, Тверской и Киевской губерниях и носит название сопки¹⁷⁸.

Что касается высоты курганов, то она различна — от 1,5 до 14 арш.; обычно же колеблется от 2 до 3 арш. Конечно, отдельные сопки могли быть значительно выше, так, напр., «Черная могила» (Черниговск. губ.) имеет 15 арш. высоты при 180 арш. в окружности.

Форма русских курганов в вертикальном разрезе изменяется от высоких конических в правильные полукруговые, а иногда в низкие сегментовидные. Тем же разнообразием отличается горизонтальный разрез, который бывает не только круглым, но и квадратным и овальным.

Ряд отклонений и интересных разновидностей форм могильников встречается около Сестрорецка, на берегу Финского залива; по своему происхождению они должны быть относимы к финским погребениям.

¹⁷⁷ Сизов В. Курганы Смоленской губернии. I Гнездовский могильник. Мат. Арх. Ком. № 28. СПб., 1902.

¹⁷⁸ Спицын А. Сопки и жальники. Зап. арх. 1899, XI. Ст.-сл. — съра, рус. — насыпь, чешск. — páser, pásur.

В области кривичей в последние два века первого тысячелетия по Р.Х. возникли курганы более или менее продолговатые, от 5 до 50 метр. при высоте в 1 метр.; это т.н. «длинные» или «удлиненные курганы»¹⁷⁹. Нельзя, однако, считать, что такие курганы существовали только у кривичей, потому что территория, на которой они встречаются, довольно обширна — Смоленская, Витебская, Псковская, Новгородская губернии, а на юге одиночные могильники подобного типа попадаются в Полтавской и Харьковской губ. Новгородские могилы отличаются своей длиной и носят местное название «богатыри».

Однако до сих пор по форме кургана нельзя точно определить ни место возникновения, ни народность, которой принадлежала та или другая форма. Вообще, можно только сказать, что на севере типичною формою кургана была коническая насыпь, тогда как в центральной части Руси преобладал куполообразный вид.

Обычным дополнением курганов являются неглубокие канавы или кладки из больших камней, опоясывающие их основание. Канавы или рвы возникли чисто механически там, где при насыпании кургана бралась земля вблизи места, предназначенного для могилы, и обычно чем больше и выше был курган, тем глубже была канава вокруг него, через которую иногда перекидывались даже мостки (радимичские и дреговичские курганы).

У небольших могильников, естественно, эти канавы не сохранились, но зато при описании таких русских и польских курганов часто указывается, что вокруг могил идет параллельно канаве насыпь. Гораздо более редки сведения о кладке из камней вокруг подошвы насыпи, так как они не возникали механически, как образовывалась канава. Чаще всего они встречаются на востоке славянства, в его северной части, и из них впоследствии создались так называемые «жальники» XII—XV вв. (рис. 9).

¹⁷⁹ Спицын А. Удлиненные и длинные русские курганы. Зап. Русск. Слав. Арх. V, 1902. Сизов В. Длинные курганы в Смоленской губ. Труды XI Археолог. Съезда в Киеве, II.

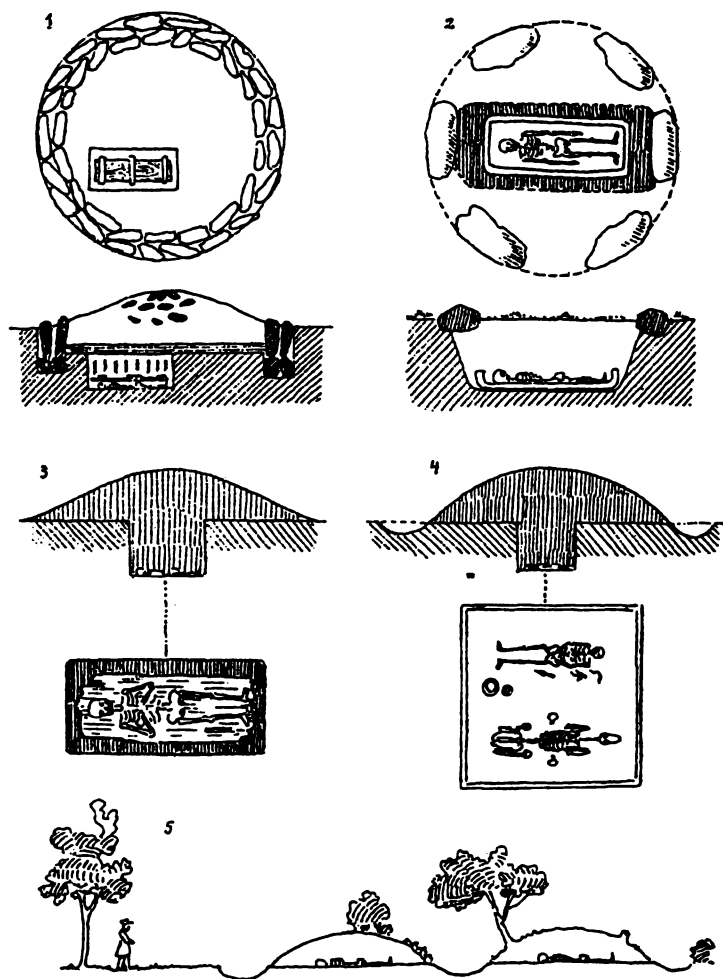

Рис. 9. Курганы и могильники в горизонтальном и вертикальном разрезах — 1, 2; 3, 4 — Чернигов; 5 — Углич

С XI в. на Руси начинают мало-помалу исчезать высокие курганы, и их место заступают низкие насыпи с могильной ямой под землей. В некоторых местах такую могилу обкладывали вокруг камнями, но затем и этот обычай постепенно исчезает и заменяется другим — водружать над могилой, главным образом на месте

головы и ног, несколько отдельных больших валунов, а иногда в виде кучи. Так возник «жальник» (от ст.-сл. *žalь-dolor* — скорбь). Типичные севернорусские жальники начинаются с XI в., хотя период их большего распространения падает на XII—XIV вв., так как в XV в. они начинают уже исчезать.

Чаще всего их находят в Петербургской¹⁸⁰, Новгородской, Псковской и Полоцкой областях, но они проникали также и в Польшу. В м. Орцимовичах у Полоцка Ф. Тарчинский нашел могилы с монетами XI в., отмеченные по углам четырьмя камнями. На востоке жальники доходят почти до Костромы; на юге их не встречается, и сведения об обычаях класть там на могилу несколько больших камней очень редки. Жальники бывают различных видов: некоторые из них обложены камнями (X—XI вв.), а другие представляют могилы, поверх которых положены отдельные камни (XIV—XV вв.).

Большие валуны на могилах встречаются не только у славян, но и у их соседей, и возможно, что в жальниках следует видеть разновидность, возникшую под римско-латинским влиянием, хотя точных указаний на заимствование их оттуда нет.

Другой способ обозначения могил. Поскольку речь идет о чисто внешнем виде могилы, то следует указать, что делали не только насыпь, курган, но придавали еще другие формы, которые ее отличали от остальной почвы.

В языческую эпоху для этой цели служили одинокие большие камни, наклонно поставленные или положенные¹⁸¹, иногда составляющие целые каменные кладбища; затем, встречаются

¹⁸⁰ *Спицын Л.* Курганы С.-Петербургской губернии в раскопках Л.К. Ивановского. Мат. Арх. Ком. № 20. СПб., 1896.

¹⁸¹ К этой группе следует отнести известие об означении могилы у померанских славян «*trigorkami*». В грамоте померанского кн. Казимира I (1174 г.) о монастыре в Даргуне читается: *in quosdam*

сложенные из камня столпы, или как бы столы над могилой, о чем говорит летопись, указывая, что они были в ходу у северян, радимичей и вятичей; кроме того, на могилах укрепляли щиты, иногда каменные плиты (стелы), или деревянные доски с надписями, так же как небольшие ограды вокруг, или какие-то покрытия в виде крыши, или даже небольшие строения, возвышающиеся над могилой¹⁸². Эти строения, помимо покрова над могилой, имели еще значение временного приюта для души покойного, на что указывает аналогия во всем мире¹⁸³.

Большая часть надмогильных знаков сохранилась и в христианскую эпоху, но, конечно, с соответствующими новой религии надписями и атрибутами, среди которых крест выступает уже в XI в. как на Руси, так и в Чехии¹⁸⁴.

tumulos qui selavice dicuntur «*Trigorke*» antiquorum videlicet sepulcra»; и *L. Giesebrecht. Die Trigorki* (Balt. Studien XI, 2).

¹⁸² В ркп. Прологе XV ст. под 11 июля записано: «Олга призва сына своего Святослава и заповеда ему с землею равно погresti ю а могилы не сути ни тризн творити, ни бдына деяти» (*Срезневский. Материалы. I, 47*). Значение слова «бдын» не вполне ясно; скорее всего, в нем можно видеть разновидность корня «бъд» (ст.-сл. бъдети, будити), а «бъдын деяти» можно пояснить каким-то обрядом, совершавшимся над могилой с целью вызывания к душам умерших. Так же это понимает и П. Владимиров, указывая, что «бъдын деяти», «бдельник», имело значение «бдения при трупе до погребения» (Памятники древн. церк. литер. Т. III, стр. 123).

¹⁸³ В Древней Руси они носили название «голбец», «голубец». О них говорят и памятники письменности, первое известие об этом относится к XIII ст., указывая, что кн. Ярополк Владимирович († 1139) был погребен «в голубце», см. *И. Шляпкин* в Зап. Арх. VII, стр. 251.

¹⁸⁴ О древнейших могильных крестах Киевской, Волынской и Новгородской областей см. *А. Спицын. Зап. Арх. Петроград V, 203; XI, 273, 286*. В грамотах кн. Владимира и кн. Всеволода определено наказание за порчу крестов на могилах или при дороге (*Владимирский-Буданов. Хрестомат. I, 213, 228*).

Эббо припоминает, что померанские славяне клали на могилы какие-то «fustes» — колья либо доски, которые указываются уже в древнебаварском законе (Totenbretter), либо деревца, подобные тем, которыми тюрко-татарские кочевники иногда отмечали могилы. В Белоруссии (Полесье) до сих пор сохранился обычай класть на могилы целые стволы деревьев, очищенные от ветвей.

Ставились ли в языческую эпоху славянами на могилах изображения умерших из дерева или камня, сказать трудно. Аналогий этому у соседей было много, и самый обычай ставить изображения был настолько распространен, что весьма естественно предположить его наличие и у славян.

Ряд известий говорит о каких-то фигурах, найденных на южно-русских могилах (в области северян и на западе от Днепра, в Киевск. и Подольск. губ.).

Этот обычай был характерным для тюрко-татар, которым принадлежат и курганные «бабы»¹⁸⁵, степной полосы России. Что же касается западных и южных славян, то у них подобных находок на могилах не встречается.

Обычай ставить на могилах изображение умершего или какой-либо другой памятник, поскольку это относится к восточным славянам, может быть объяснен тюрко-татарским влиянием.

IX. ВНУТРЕННЕЕ ОБОРУДОВАНИЕ МОГИЛ. ЯМА, СРУБ И ПОГРЕБАЛЬНАЯ КАМЕРА. КЛАДБИЩА

У западных славян внутренняя конструкция могил по образу сожжения была очень проста; земля и камни насыпались над пеплом в виде небольшого холма; внутренних ям или осо-

¹⁸⁵ *Demetrykiewicz W. Figury kamienne t. zw. bab w Azy. Europie i stosunkach do mytologii stowianskiej. Spraw. Akad. Um. Krakow, 1910.*

бых погребальных камер не было, и пепел только прикрывался сверху камнями.

Позднее, когда сожжение было заменено обычаем зарывать останки в землю, вошла в обиход яма, обычно неглубокая (от 0,5 метра до 2), куда полагался труп, которому часто под голову, либо возле нее, клали камень. Отклонений от общепринятых конструкций могил у западных славян очень мало; иногда яма в некоторой своей части выкладывалась камнем или досками, что можно встретить в Чехии и Моравии, в Силезии, а также в Польше и Полабье. Так же просты по своему устройству и могилы южных славян.

Более сложная и разнообразная конструкция могил с камерами над землей или ниже уровня существует у восточных славян, на которых в этом отношении оказали влияние как северные народы, так и, в особенности, скифо-сарматы, аланы и хозары. Но и в этом случае сложность конструкции является отличительным признаком лишь богатых погребений, в то время как бедные могилы разнятся лишь тем, где был положен труп на уровне земли, или на некотором возвышении над поверхностью, или в яме ниже уровня.

Если могильная насыпь служила лишь для того, чтобы на ней был поставлен сосуд с пеплом (под прикрытием или на столпе), как указывает летопись на существование подобного обычая у родимичей, вятичей и северян, то она была лишена какой-либо внутренней конструкции. Когда же в могиле должен был быть зарыт пепел в сосуде или просто в виде кучки, то внутренность ее специально оборудовалась для этой цели, и эти сооружения, в зависимости от времени и края, иногда достигали сложной конструкции.

В древний период, когда на Руси трупы сжигали, особых солидных сооружений не встречается. После сожжения пепел собирался в кучку или заключался в особый сосуд и засыпался землей, причем он мог быть на материке, или выше уровня, или в небольшом углублении. В некоторых местах, особенно на юге России, встречаются сразу все три вида погребений.

В м. Шаргороде Киевск. губ. обычны могилы с погребением на уровне, реже в неглубокой яме; это же было обнаружено Хвойко и в Броварках¹⁸⁶.

Большие черниговские могилы имеют следы костра на материке, а остатки сожженных вещей в верхних слоях насыпи, или пепелище, встречаются в центре могилы, а сосуды с пеплом размещены несколько выше. В смоленских курганах можно различить, что сначала насыпалась округлая насыпь на должной высоте, которую покрывали слоем белого песка; затем посреди насыпи раскладывали костер, на котором сжигали труп, и пепел частью собирали в сосуд, а частью разметывали вокруг. Остатки вещей укладывали в кучу возле пепелища, ближе к краю. Если умерший сжигался где-либо в другом месте, то остатки переносили и складывали в центре кургана. Часто сосуд с пеплом покрывался и обкладывался вокруг плоскими камнями. Затем все засыпалось различными слоями песка и земли. Аналогичное устройство могил можно указать в Минской и Витебской губерниях. На севере, в Приладожье, пепелища расположены выше уровня поверхности, и нет случаев, чтобы пепел был сложен в яме. Такой же характер несут и финские могилы, встречаемые у Сестрорецка.

Из остальных деталей внутренней конструкции могил с сожжением заслуживают упоминания столпы, сложенные из камней, и уступы, хотя назначение их до сих пор остается неопределенным.

В периоде, когда обряд сожжения был заменен зарыванием трупа в землю, устройство могил сохранило те же 3 основные формы, но при этом начала преобладать высокая насыпь, которая естественно способствовала более разнообразному оборудованию внутренности могилы, что и было отчасти главной причиной ее возникновения.

Кроме того, и самый принцип полагать тело умершего в могилу побуждал к более сложному устройству места погребения,

¹⁸⁶ Раск. мог. при с. Броварки.

в особенности по сравнению с тем, когда все сводилось к сохранению небольшой кучки пепла.

Все эти три вида, и главным образом первый, т.е. когда труп опускали в яму ниже уровня земли, нуждались в особой конструкции внутреннего помещения — погребальной камеры, предназначенной уже специально для хранения тела умершего. Хотя они были в ходу одновременно у всех славян и в России, однако встречаются группы и целые области, для которых отдельные типы могил особо характерны. На западе и юге славянства преобладают погребения с ямами, но без курганов и лишь с небольшой насыпью.

На юге России чаще всего находят простые ямы глубиной 0,5—1 метра (лишь иногда до 2 м) под невысокой насыпью; однако и здесь, в виде отдельных случаев, встречаются погребения и на уровне земли, в самой насыпи.

При раскопках таких могил обычно представляется следующее: на дне невысокого кургана имеется яма средней глубины, приблизительно $\frac{3}{4}$ метра, а в ней собственно могила, обложенная досками, где и лежит скелет.

Между 252 курганами Мельникова нашла яму в 62 %, костяк на уровне земли — 21 % и выше его — 13 %, причем бывали случаи, когда все эти типы могил встречались в одном месте, напр., у Поддубцев или у Борохова¹⁸⁷. На большом поле погребения у Вел. Рыкань (Дубно) найдены только неглубокие ямы; у с. Емельчина и в с. Глумчи (Новоград-Волынский) также ямы с костяками, прикрытыми камнями. В своих раскопках древлянских могил Вл. Антонович¹⁸⁸ нашел 58 % ям, в 25 % скелет на уровне земли и в 17 % выше уровня, на искусственной насыпи. В м. Мирополье кроме ям, выложенных досками и камнями, встречаются еще ямы и обожженные огнем (рис. 10).

¹⁸⁷ Труды XI Арх. Съезда I. С. 185, 482.

¹⁸⁸ Антонович В.Б. Раскопки в стране древлян. Мат. по Археолог. России. № 14.

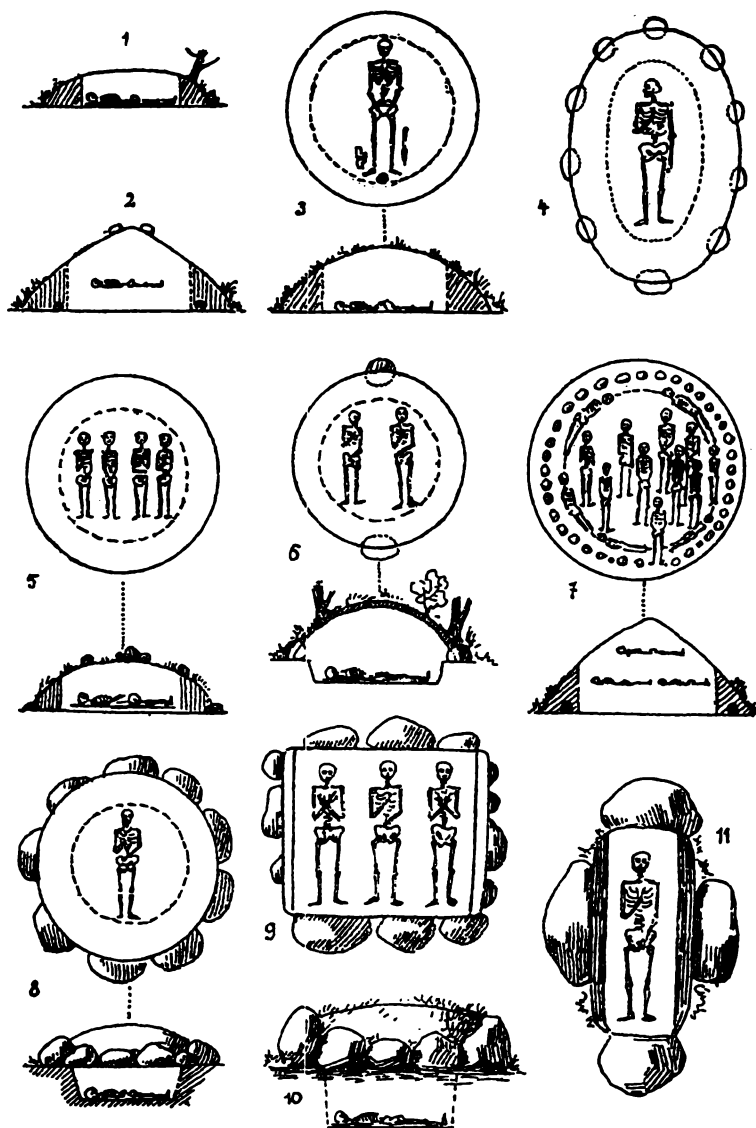

Рис. 10. Курганы и жальники XI—XIV вв. в окрестностях Гдова Петерб. губ. 1, 2, 3 — XI в.; 4, 5 — XI—XII вв.; 6 — XIII в.; 7, 8 — XII—XIII вв.; 9 — XIV в.; 10, 11 — XIII—XIV вв.

Напротив того, в известиях о раскопках бар. Ф. Штейнгеля в районе Ровно, Луцка, Житомира и Овруча преобладают могилы со скелетами на материке, либо выше его уровня. На полях, около д. Андреевич, на границе Житомирского и Новоградского уездов имеются три группы курганов, из которых одна с ямами, а две другие — с погребениями на уровне земли.

Трудно решить, зависело ли это различие от эпохи или от традиций рода. То же разнообразие наблюдается и в области Киева и на восток от Днепра; по этой линии некогда проходила граница, дальше которой славяне уже перемешивались с многочисленными чуждыми элементами.

Проф. Д. Самоквасов в итоге своих исследований определил, что по рр. Десне и Сейму попадаются однородные курганы, которые можно отнести к славянам, а на Суле, Псле и Ворскле они уже разнородны.

В радимичских курганах, исследованных проф. Антоновичем, костяки обычно были над уровнем (78 % на насыпи, около полуметра высотой, но в Новозыбковском и Суражском уездах Черниговской губ. наблюдается преобладало могил на уровне (76 %), а два других типа погребений встречаются как исключения. Не менее разнообразны могильные типы в Калужской, Смоленской и Тверской губ., и то же следует сказать и о Центральной России (Московск., Рязанск. и Владимирск. губ.).

Перейдя границы древлянской и полянской областей по Днестру на Припять и оттуда далее на север, следует отметить существование могильных ям и в этом районе.

Проф. В. Завитневич, исследовавший до 100 курганов Минской губ. нашел 68 % погребений на уровне и лишь 13 % в ямах¹⁸⁹. Цукевич¹⁹⁰ отмечает характерное для Белоруссии преобладание

¹⁸⁹ Завитневич В. Формы погребального обряда в Мозырском, Речицком и Бобруйском уезд., Минской губ. Труды IX Археолог. Съезда. Вильно.

¹⁹⁰ Szukiewicz W. Mater. X, 39. XI, 57.

могил на уровне земли. В Польше перемежаются оба типа. На севере России чаще всего могилы расположены на уровне земли, и лишь в XII—XIII вв. появляются ямы, что можно объяснить влиянием христианства; в жальниках к этому времени замечается углубление ям. В западных областях ямы возможно объяснить отчасти и литовско-латышскими влияниями, хотя у последних они встречаются значительно раньше, уже в IX—XI вв., так, напр., у Люцина (Витебск. губ.) из 250 могил 83 % было в глубоких (в 1 метр) ямах, обложенных досками.

Таким образом, нельзя сказать, что к концу языческого периода у восточных славян существовал определенный тип могил.

Вероятнее всего, что у них, как и у западных славян, первоначально возникла небольшая яма для пепла, которая покрывалась невысокой насыпью. Когда же в конце первого тысячелетия по Р.Х. возник обычай делать большие, высокие курганы, то и на востоке явилось представление о необходимости углубления ям, что, впрочем, удержалось лишь на самом юге России.

Когда по всей Руси утвердилось христианство (XII в.), которое воспрещало «могилу творити», возобладал тип погребения в яме; так, с прекращением возможности насыпать курганы, естественно, отпали остальные два вида погребений: над уровнем и на уровне земли.

В вопросе о типах могил, над установлением которых затрудняются окончательно высказаться русские археологи, следует, прежде всего, принимать во внимание хронологические данные.

Эволюция во внутренней конструкции могил становится особенно заметной, когда яма выкладывалась досками или бревнами, или же когда при погребении на уровне земли над трупом умершего делалась особая камера в зависимости от характера и размеров погребения¹⁹¹.

¹⁹¹ Ибн-Ростех сообщает, что у русов при погребении богатого покойника полагали в просторную камеру и вместе с ним затворяли его

Свидетельств о могилах, обложенных досками, много, но все же иногда на основании их трудно различить, были стены ямы забраны досками, или в нее был опущен деревянный гроб. Также встречаются камеры или срубы, построенные из толстых досок или бревен с покрытиями и даже столбами. Наличие погребальных камер характерно для юга России, так как там славяне могли наблюдать скифо-сарматские погребения, в которых бревенчатый сруб со стропилами, поддерживаемыми столбами, имел большое значение.

На основании одних письменных свидетельств об устройстве могильных помещений трудно составить себе представление, так как обычно обозначения «склеп» и «сруб» применяются в широком значении, не дающем точного представления о виде и размерах внутренней конструкции.

В результате скифо-сарматского влияния у славян возникла и вошла в обиход подобная же погребальная камера, хотя и меньших размеров. В некоторых областях этот вид погребения был весьма распространен и встречается в курганах Волынской, Киевской, Полтавской, Воронежской, Минской и Могилевской губерний.

В южнорусских могильниках были найдены и покрытия, поддерживаемые столбами; впрочем, трудно определить принадлежат ли эти сооружения скифо-сарматам или собственно славянам.

Что касается склепов с куполообразными покрытиями, которые являются типическим видом погребений для Северного Прикавказья, то они до сих пор не встречались среди славянских могил, так же как и «катакомбы», т.е. подземная камера с ведущим в нее ходом или лестницей, что было характерным явлением в древнейшую эпоху для Кавказа, района Дона и нижнего Приднепровья. К более позднему времени относятся катакомбы, открытые на Донце в Верхнее-Салтове (Волчанск. уезд Харьков.

любимую жену, а бедные должны были ограничиваться малою могилою (*Гаркави. Сказания...* 270).

губ.), которые, очевидно, принадлежали кочевникам, хазарам, и могут быть отнесены к VII—IX вв.

Особые склепы с выступами и нишами, поддерживаемые столбами, с находящимися в них костяками были найдены Хвойкой на усадебной земле Петровского и относятся, вместе с другими обнаруженными в Киеве (под Десятинной церковью), ко времени основания древнего града Киева княжеской эпохи. При этом можно предположить, что мертвых погребали в церквях вблизи «Десятинца» в каких-то деревом обшитых галереях. Костяки лежат иногда обложенные камнями, а иногда в саркофагах, и относятся частью к языческой (IX в.), частью к христианской эпохе. Подобные же склепы с останками были найдены в 1909 г. и в Чернигове, на Княжьей горе под основанием храма, относимого к XI—XII вв.

От ямы, либо камеры, забранной по стенам досками, был естественен переход ко гробу, т.е. особому ящику, куда полагали тело умершего, прежде чем опустить его в землю.

В древние времена подкладывали лишь одну доску или под труп, или сверху; позднее останки полагали между двух досок, а затем появился обычай приставлять доски и по бокам¹⁹², но нельзя упускать из виду, что они, особенно вначале, не были сбиты гвоздями или соединены металлическими скрепами.

Начиная с XI столетия можно встретить в могилах остатки истлевших досок и гвозди, указывающие на то, что останки были положены в гробы, сбитые гвоздями. Типическим же явлением подобный гроб становится лишь с XIII столетия, и то еще не повсеместно.

Впрочем, в это время гвозди очень редки, и потому нельзя точно определить, был ли ими сколочен гроб или они скрепляли доски погребальной камеры.

В Киевской летописи XI в. есть указание, что уже тогда изготовляли и продавали гробы: «В си же времена мнози чловеци умираху различными недугы, якоже глаголаху продающе корсты

¹⁹² *Niederle L. Příspěvky. I. 25.*

(в рукоп. Радзивил. стоит — кресты): «Яко продахом корсты от Филипова дне до мясопуста 7 тысячъ». Кърста, корства, корьста, къроста, крьста — служили для обозначения гроба, чаще всего с определением «корста мраморяна, камена»¹⁹³.

Другой вид гроба, который был известен в Сев. Европе уже за 2000 лет, делался из выдолбленных дубовых стволов с отверстием, обычно прикрываемым доскою¹⁹⁴.

О находках подобных гробов на славянской территории имеются сведения как в Чехии (у Димокур и Радима¹⁹⁵), так и в России (Черниговск., Харьковск. губ., около Житомира и в Приладожье¹⁹⁶).

Предположению, что гроб возник у самих славян, не противоречат утверждения филологов, указывающих, что ст.сл. термин рака, чешек, гакеv, хорв. гаква, болг. ракт, ракла, ведущие свое начало из праславн. огку, огка, заимствованы из герман. ark(a), латинск. агса, в значении хранилища, деревянного ларя, — или с мнением тех, которые полагают, что его форма была непосредственно заимствована от римлян.

На основании филологических построений, допуская их правильность, нельзя настаивать на том, что славяне при погребении не употребляли деревянных ящиков — ларей, до тех пор пока они не узнали и не восприняли значения лат. агеа. Возможно, что здесь идет речь лишь о заимствовании термина, скорее всего, для определения новой формы гроба, который впоследствии распространился у славян (в конце первого тысячелетия) на все виды гробов.

В местностях, где установилось общение с римским миром, славяне заимствовали их обычаи. Это видно уже из того, что относящиеся к VIII в. погребения знатных хорват в районе Книна и

¹⁹³ Срезневский. Матер. I. 1411 и Анучин. Сани, стр. 178.

¹⁹⁴ V. Boye et A. Madsen. Trouvailles de cercueils en chêne de l'âge du bronze en Danemark. Copenhagen, 1896.

¹⁹⁵ Pič. Star. III, 1, 76, 343.

¹⁹⁶ Бранденбург. Прил. кург.; Спицын. Родим. кург.; Алучин. Сани.

Бискупии находятся прямо в земле или при базиликах в каменных саркофагах, совершенно римского типа.

В русских летописях имеются первые известия о «раках», указывающие на них как на особое специально изготовляемое из камня или дерева вместилище для мертвого тела¹⁹⁷.

Скорее всего, это была агса, заимствованная у римлян, и впоследствии это наименование было распространено вообще и на деревянные гробы.

В могиле обычно хоронился один труп, если же в ней находятся 2 или 3 скелета, то это обычно семья — отец или мать с ребенком, и каждый из них имеет особый гроб. Позднее встречаются курганы со многими скелетами; возможно предположить, что это были общие могилы, в которых постепенно погребались члены одного рода, что и создавало несколько рядов погребений — особый тип, так называемые «ярусные курганы».

С другой стороны, курганы со многими погребениями можно также рассматривать как «братскую» могилу людей, одновременно умерших от мора или на войне.

Обряжение тела не ограничивалось тем, что умершего одевали в его одежду и полное вооружение, но в особенности в тех краях, где при погребении не употребляли гробов, существовало еще и другое приготовление, касающееся не только останков, но и внутренности могилы. У восточных славян был обычай готовить под тело подстилку («подстилька») из желтого и белого речного песка, желтой глины или пепла, перемешанного с песком, или даже подкладывать какую-либо ткань, остатки которой, однако, очень редко находятся при раскопках.

Памятники письменности свидетельствуют, что покойников обертывали в какое-то покрывало¹⁹⁸.

¹⁹⁷ Срезневский. Материалы III, 64 и Altmann. Architektur und Ornamentik der antiken Sarkophage. Berlin, 1902.

¹⁹⁸ Тело князя Владимира, умершего в Берестове, «обертевшие в ковер» (Лавр. лет. 127).

Антонович указывает, что в Древней Руси существовал даже специальный термин «спрятать тело», напр., в летописи «спрятавши тело, положиша его».

Кроме того, есть достаточно указаний на выкладывание могилы корою, ветвями, листьями березы или дуба¹⁹⁹; иногда и все тело обвивали березовой корой (берестой).

Этот обычай был в особенности распространен на восточных окраинах древнерусской области, а ввиду того, что он в равной мере был известен угро-финнам, возникли предположения о заносе его к славянам от финнов. Однако этот обычай настолько естественен и понятен, что не следует причины его возникновения объяснять чужим влиянием, тем более что следы его находили и в местностях, отдаленных от финских поселений.

Сюда же следует отнести и обкладывание тела известкой, что было отмечено при раскопках в нескольких могилах Подольской губ., и что, возможно, возникло из гигиенических соображений.

Важную роль при погребении играет положение трупа и ориентация его по отношению к странам света.

Прежде всего следует установить, что в конце первого тысячелетия по Р.Х. славяне обычно клали покойников ногами на восток, а головой на запад, т.е. лицом к восходящему солнцу. Конечно, рассматривая подобную ориентацию, следует помнить, что в разное время года солнце восходит в разных пунктах горизонта, что и влияло на мнимое отклонение от этого обычая.

Явное отклонение от принятого положения умершего выражалось в обращении головы на север и ног на юг; однако следует отметить, что подобное явление в славянских погребениях было таким исключением, что его можно объяснить чужими традициями и влияниями — финским и тюрко-татарским (хотя возможно воздействие и других северных народов), для которых подобная ориентация была обычна. Чаше наблюдается другое отклонение, т.е. обращение

¹⁹⁹ На Воляни Мельникова нашла в 15 курганах подстилки из березовой коры, и в 6 случаях тело было обвито ею.

ногами на запад, а головою на восток, что встречается на севере и отчасти в центре России, причем интересна подробность (конечно, принимая на веру наблюдения исследователей), что положение различалось в зависимости от пола умершего. На севере России нередко встречаются различные ориентации в одном кургане.

Трудно сказать возникло ли основное положение тела лицом на восток среди самих славян, или его можно поставить в связь с христианством.

На языческое происхождение этого обычая указывает житие Константина Муромского, в котором описывается удивление еще не обращенных в новую веру русских относительно умершего князя Михаила, который, будучи погребен по-христиански, не был положен в могиле «взнак на востокнь», т.е. лицом к востоку, и над его могилой не был насыпан курган.

Действительно, обычай погребать лицом к солнцу был искони свойственен народу, а христианство лишь укрепило это положение, в силу чего отклонения от него очень редки; единственным примером, где преобладает обратная ориентация, служит Федовский могильник на р. Мсте (XI—XII вв.²⁰⁰).

Покойника клали в могилу навзничь, с руками вдоль туловища, либо скрещенными на груди, либо с одною на груди, а другою вдоль тела; реже одна рука была подложена под голову. Ноги обычно вытянуты, иногда скрещены. Все эти положения тела чередуются. Что же касается отклонений, как, напр., в виде бокового, или ничком, либо стоя, то их следует считать аномалией или объяснять небрежностью, допущенною при производстве раскопок.

Два отклонения в этом случае заслуживают упоминания. Кое-где встречаются костяки на боку в скорченном виде, т.е. с ногами, прижатыми к животу, так называемое «утробное положение»²⁰¹.

²⁰⁰ Спицын. Изв. Арх. XV, 1905.

²⁰¹ Wossinsky M. L'attitude repliée des morts aux temps préhistorique, Paris, 1391. Schoetensack O. Über die Bedeutung des Hockerbestattung (Berl. Verb. 1901, 522). Červinka. Starozitnosti Moravské II, 5—11.

Такое положение типично для древнейшего доисторического периода; некогда это было распространено по всей Европе и являлось первоначальным положением тела при погребении, но впоследствии оно стало ослабевать и совершенно исчезло в римскую эпоху. Однако примеры такого рода встречаются и в гораздо более поздних могилах. Трудно сказать, был ли это пережиток древнего обычая, или археологическое заблуждение, вызванное неправильностью раскопок, или, наконец, так хоронили чужеземцев, у которых продолжал существовать этот вид погребения.

Более определенно установлены случаи погребения в «сидячем положении», обычно лицом на восток. Причины, вызвавшие его, неизвестны, но, вероятно, это был родовой обычай, настолько распространенный в некоторых местностях, что его можно было считать даже типическим явлением, в то время как в других местах он является лишь исключением.

Район его распространения (губернии Петроградская, Новгородская, Псковская) дает возможность предполагать и здесь финское влияние, хотя, с другой стороны, исследование Лядинского, Томниковского и Подболотского могильников указывает, что финны, как и латыши, хоронили в горизонтальном положении. Интересно отметить, что это отклонение появилось уже в христианскую эпоху и существовало от XII до XIV—XV вв.

Кладбища. На основании некоторых признаков можно установить, что древние славяне, подобно многим другим примитивным народам, хоронили своих мертвых в жилищах или вблизи них, основываясь на веровании, что душа и после смерти продолжает обитать в своем жилье. Равно существовал обычай, подтвержденный в некоторых местах находками, хоронить детей под порогом дома. Однако археологические данные по этому вопросу до сих пор очень редки и не вполне достоверны.

Р. Мерингер пытался объяснить этот первоначальный обычай славянского погребения путем лингвистических сравнений. Он предполагал, что сл. «хлев» не возникло из заимствования гот. слова *hlīja*, как это обычно полагают, но из гот. *hlaiw*, и, скорее

всего, в ту эпоху, когда это слово у германцев обозначало не только жилище, но и могилу.

Проф. И. Янко²⁰² проводит аналогию и с церковнославянским «зъкаѣти» — погребать, собственно спрятать в доме и ст.-чешск. — rokutiti — погребать.

Славяне уже издавна выбирали подходящие места, поодаль от поселений, для погребения своих умерших; в особенности они стали обращать на это внимание, когда, в течение I тысячелетия по Р.Х., они начали вести оседлую жизнь. Обычно это были места у проточных вод, в лесах, на небольших возвышенностях, на холмах или городищах. Особо излюбленным местом погребения было распутие дорог²⁰³. Эти обычаи долго и упорно продолжали существовать и даже в то время, когда у славян появилось христианство, установившее для погребения места около церкви. Об этом обычае говорят у чехов церковные запрещения эпохи Братислава I (1039 г.) и II (1092 г.). О том же у померанских славян повествует Эббо (*Vita Ottonis*, I, 12): «Ne sepeliant mortuos inter paganos in silvis aut in campis sed in cimiteriis». На Руси об этом встречается в запрещениях новгородских еп. Макария и Феодосия в 1534 и 1548 гг., указывающих, что жители Вотской пятины «мертвых своих кладут в лесех по курганом и коломищом» (коломище — жальник). В Словакии, несмотря на церковные запреты, еще в XVIII в. мертвых хоронили в лесах, под деревьями, а у сербов этот обычай длился до недавних пор.

Величина кладбища определялась числом членов поселения или рода. Имеются сведения об одиноких могилах, о небольших группах, но чаще всего о больших кладбищах, доходящих иногда до ста могил. В Чехии были найдены поля погребений, состоящие более чем из 250 могил и относимые еще к эпохе сожжения (у Платениц, при Добржихове); в Полабы (у Darzau, нижн. тече-

²⁰² J. Jariko. Věstník Národopisný, II, 66.

²⁰³ О русских славянах говорит летопись, что они хоронили «на путех» (Лавр. лет. 3, 13.)

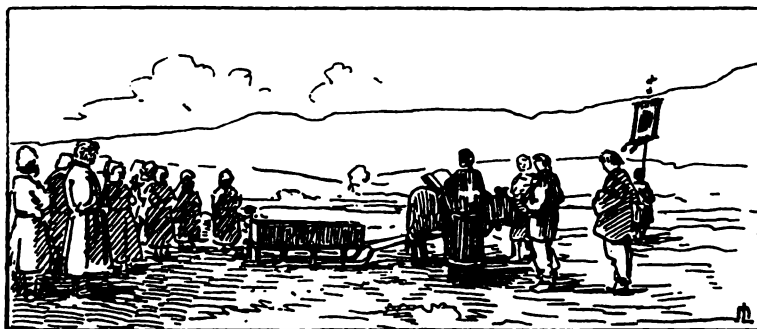

Рис. 11. Похороны у гуцулов

ние Эльбы, 4000) и на Руси (у Черняхова 500—600, у Снетина, по подсчету Самоквасова, 1700 могил в одной группе). Кладбища достигали многих сотен, а иногда и тысяч могил.

Очень часто могилы на кладбищах были разделены на небольшие группы, как погребения отдельных семей или родов.

Оградой для кладбища служили заборы или валы, но об этом археология дает очень мало сведений, указывая лишь на вал, опоясывающий кладбище, в особенности когда оно было расположено на месте старого городища.

Что же касается «места сожжения», то на каждом кладбище их было одно или несколько в виде желобчатых ям, расположенных в стороне, откуда, по сожжению, пепел выгребали и зарывали в специально приготовленную для погребения могилу. Такие места для сожжений называются «жаровища» или «ustrina» от лат. *ustrina* или *ustrinum* (место для сожжения трупов).

В IX—XI вв. славяне одинаково применяли оба вида сожжения; на могиле или на особом «жаровище», на что указывают находки на русских кладбищах.

Дальнейшие исследования в этой области помогут установить, было ли у славян общее жаровище местным явлением, или, как полагают некоторые²⁰⁴, оно было перенято от северных народов.

²⁰⁴ Спицын А. Изв. Арх. XV, 9.

Часть вторая

ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ

Х. ТКАНИ И МЕХА

На основании данных доисторической культуры можно установить, что в период, предшествовавший разделению народов, индоевропейцы и славяне не ходили нагими. Термин «наг» (nagъ²⁰⁵) древний и общеславянский применялся для различия нагого от одетого.

К этой же эпохе совместной жизни всех славян относится и целый ряд как названий тканей (ткаŋ, полотно, сукно), так и отдельных частей одежд: рубашка (rouho), полотенце (gučnik), саван, gubaš, штаны (pohavice), онучи, обувь, плащ, кожух, юбка, пояс и пр.

Однако, несмотря на существование столь многих общих названий, можно предположить, что древнеславянское одеяние было долгое время просто и однообразно, особенно у народа, жившего вдали от торговых путей и не имевшего достатка поку-

²⁰⁵ Miklosich E.W. Ст.-сл. — nagъ, лит. — nogas, nougas, лат. — nudus.

пать себе у пришлых купцов южные и восточные товары, будь то драгоценные украшения, дорогие ткани или уже готовое платье иноземного покроя.

Домашняя выработка тканей, кропотливая и несовершенная как технически, так и эстетически, неизбежно влекла за собою однообразие и простоту славянских одежд.

Поворот наступил лишь ко времени Р.Х. В течение периода начиная от римской эры и до конца язычества постепенно изменялся вкус, что оказало влияние не только на украшения, но и на покрой одежд во всей Средней и Северной Европе, а следовательно, и у славян. К началу христианской эпохи славяне обладали более богатым гардеробом, чем в период их общей жизни с другими народами, но, правда, что в их одеянии было много чужого и заимствованного, в особенности среди имущего класса.

Прежде чем перейти к описанию славянской одежды, необходимо остановиться на материалах, из которых она изготовлялась.

Первым и основным его видом повсеместно была снятая и соответственно пригнанная шкура убитых зверей. В доисторический период и у всех примитивных народов звериная шкура служила главной одеждой, а впоследствии удержалась в тех местах, где природа и климат требовали теплого одеяния, т.е. на территории Средней и Северной Европы.

В суровой по климату славянской области теплая одежда была необходима большую часть года, и в те времена, когда славяне еще не знали выработки сукна и войлока, они, естественно, должны были пользоваться выделанными теплыми мехами. Даже и в более позднюю эпоху мех продолжал быть у славян излюбленным материалом не только для собственных нужд, но и для торговли с югом, где его ценили как предмет роскоши и украшения.

Естественно, что для изготовления верхней одежды были пригодны, прежде всего, меха крупных животных; из домашних шли на это кожи баранов, а из диких зверей — медведей и вол-

ков. В древних источниках упоминаются главным образом меха мелких хищников, в особенности куница, соболь, горностай, лисица и выдра, а из грызунов — бобр и белка. Все эти меха употреблялись на подшивку, оторочку и для головных уборов. Римские и византийские портные умели сшивать их для изготовления платья большого размера. Уже самый переход названий из славянского в латинский язык — слав. *veverka* в *vivepca* и греч. ὁ καυνάκης, ἡ καυνάκη — куница, свидетельствуют о торговле и сношениях славян с югом Европы²⁰⁶.

Все эти меха, занимавшие главное место среди вывозимых товаров, приобрели в некоторых местах столь важное значение, что куньи, беличьи и собольи шкурки стали денежной единицей при меновой торговле или при собирании дани. Известно, что уже в IX—XII вв. русские племена платили дань чужим или своим князьям по одной куньей или беличьей шкурке со двора²⁰⁷, а иногда давали «куны»²⁰⁸. В те времена владеть запасом этих мехов, значило быть богатым. В княжьих или городских сокровищницах лежали запасы куньих и беличьих мехов («кунь и бель»); когда русские князья раздавали подарки дружине и народу или чужеземным владыкам, среди них преобладали меха,

²⁰⁶ О том, что из Чехии вывозили бобровые и другие меха, свидетельствует Ибрагим-ибн-Якуб (Изд. Розена, стр. 49). О Польше упоминает Длугош; он же говорит и о Древ. Руси, изобиловавшей мехами, а в них «*plena sebelliorum, mardurum et aliarum nobilium pellium de animalibus*», и что люди эти меха «*ditissime vestiuntur*» (ed. Przewdziecki I, 26). Об экспорте древнерусских мехов на Юг и, глав. образом, на Восток, сообщают ибн-Ростех, Хаукал и др. (*Гаркави. Сказания...* 49, 221, 261, 263, 264, 276).

²⁰⁷ Хозары брали с полян, северян и вятичей по беличьему меху; варяги же вносили с древлян по черной куннице, равно как и Ольге древляне платили дань мехами (Лавр. лет. 18, 23, 57).

²⁰⁸ *Кауфман И.* Записки нумиз. отд. Арх. Общ. II, вып. 1—2, стр. 2. СПб., 1910.

особенно бобровые, соболя, чернобурой лисы и горностая. Так, в летописи говорится, что Игорь (945), Ольга (955) и Святополк, когда «садились на княжий стол», раздавали меховые одежды и куньи шкурки.

Также и чешский Ольдрых (Oldřich), и польский князь посылают королю Лотарю в 1135 г. «*pelles griseas atque merdellinas*» наряду с «*variis auri et argenti et pretiosarum rerum muneribus*»²⁰⁹. Одинаково высоко ценили меха в Древней Руси, ставя их наряду с серебром и золотом, что явствует из летописной записи под 1068 г. «двор жь княж разграбиша, бесчисленное множество злата и сребра, кунами и белью» (Лавр. лет. 3, 167). Древние кожевенники и скорняки упоминаются уже в источниках XI в.

Наряду с выделкой мехов рано появилось и домашнее производство тканей плетеных или изготовляемых на примитивном вертикальном станке из льняных, конопляных или шерстяных волокон.

Полотно, сукно, ткань, а также *волна* были древние общеславянские понятия²¹⁰. Лен является древнейшим индоевропейским культурным растением²¹¹; конопля была рано заимствована славянами у иранцев, которые употребляли ее как одурманивающее средство, а также издавна знали, что ее волокна пригодны для изготовления тканей. Древнее свидетельство времен Геродота, т.е. V в. до Р.Х., указывает, что фракийцы делали одежду из конопли, а ее семена были найдены на территории западных славян в могилах времен до Р.Х.

²⁰⁹ *Ann. Pegavienses*, под годом 1136, Pertz M.G.H. XVI, стр. 257.

²¹⁰ Ткань — *tkanina*, ст.-сл. тъkanie от корня тък, тъкати. Сукно от сък, отсюда чешск. *soukatí*. Полотно: ст.-сл. платьно, платен из праславянск. *polt*, *poltъno*; глагол *poltiti* обозначает то, что можно складывать.

²¹¹ На древнее происхождение льна указывают сходные названия во всех индоевропейских языках: греч. — *λίνον*, лат. — *linum*, брет. — *lien*, литовск. — *linai* и слав. — *льнь*.

В исторических памятниках она впервые упоминается в церковном постановлении кн. Ярослава: «Аще человек иметь красти коноплю, или лен и всакоє яшто»²¹².

Ибрагим-ибн-Якуб говорит, что в X в. в Чехии выделявали из льна довольно высокого качества ткань, но небольшого размера (платок), которая служила местною меновою единицей²¹³. Сюда же следует отнести и подати льном и кусками полотна, примером чему может служить уплата славянами дани франкам в виде «*linum ad duas camisiales*»²¹⁴.

Овечья шерсть и шерстяные ткани упоминаются уже в самых древних переводах Библии и в других источниках XI в., напр. в «Изборнике» Святослава: «от вльны сы а не от льну», или в житии Феодосия (по записи Нестора): «Феодосию руками прядущю вльну»; «сядѣше прядѣи вълну на съплетение копытьцем». Кроме того, остатки льняных и шерстяных изделий были нередко находимы при раскопках могил. Впрочем, большинство описаний этих находок говорит лишь о качестве ткани, не указывая ее сорта. Так же невозможно безошибочно определить и остатки войлока из битой шерсти, хотя общеславянское название указывает на древнее и местное его происхождение²¹⁵; свидетельства в памятниках письменности сохранились лишь от более позднего времени (XIV—XV вв.).

В X в. впервые упоминается в славянских землях грубая нижняя одежда («исподнее платье» — *roucha*), тканная из конских волос или козьей шерсти, по образцу, как то носили христианские аскеты²¹⁶.

²¹² Владимирский-Буданов. Хрест. по истор. русск. права. I, 21.

²¹³ Обыватели Праги имели деревянные скрини, наполненные ими, и в обмен на эти ткани можно было купить плоды, зерно, коня и даже золотые и серебряные изделия (Изд. Westberg'a, стр. 54 и след.).

²¹⁴ Грамота 1150 г. см. Erben. Reg. I, 126.

²¹⁵ Ст.-сл. — *plъstь*; рус. — полсть, полстина; чешск. — *plst'*; польск. — *piłśc*.

²¹⁶ Подобную власницу носили монахи Печерск. Лавры (Лавр. лет. под 1074 г., стр. 186, 189). Согласно легенде Kristiana, св. Вацлав также

Меха, льняное полотно, или из конопляных волокон, равно и шерстяные ткани служили славянам основным материалом для изготовления домашнего платья, об этом в X в. говорят анонимный персидский географ и Кардизи, причем они обычно были беловатого, сероватого и коричневатого оттенков, в зависимости от недостаточной выделки. Наряду с ними привозились чужеземные товары, между которыми были ткани более пестрые и богато выделанные. Эта торговля способствовала тому, что к концу языческого периода князья, их приближенные и вообще богатые люди носили одежды чужого покроя, или сшитые из ценных привозных тканей, чем отличались от остального населения и своих бедных соседей.

Между иноземными, привозными тканями, упоминаемыми в древних источниках и находимыми в могилах, первое место занимает шелк, который был распространен по всему славянству. С древнейших времен его доставляли из Китая через Азию торговыми караванами на юг Европы, откуда он распространялся и на север. Трудно установить, ознакомились ли с ним славяне через посредство германцев, на что указывает его чешское название *hedvab*, церк.-слав. *godovablъ*, от верх.-нем. *godawebbi* из готск. *gudawabi*, или же он был заимствован непосредственно из Азии, как то полагал Шрадер, сопоставляя англосакс *seolc*, литовск. *szilkai*, старо-прусск. *silicas*, и считая их за производные из ст.-слав. *šelъkъ*.

Кроме того, следует отметить, что уже к концу языческого периода у славян шелк получил свое местное наименование *svila*, свила — от «вити», «съвити». У Иоанна, экзарха Болгарского встречается уже выражение: «ризы свильны» и «другааго съмотри чръви иже и себе свилу точить»²¹⁷.

От VIII столетия сохранились свидетельства, что балканские славяне обменивали пленных на шелковые одежды. Олег, от-

в X в. носил «*ciliciis ob oblacionem mundicie servandam utens asperis nimis*). *Ed. Pekaf. Nejst. kronika*, 152, 181.

²¹⁷ Срезневский. Материалы. III, 271.

правляясь в 907 г. против Царьграда, имел на ладьях «парусы паволочиты Руси, а Словеном кропиньныя» (Лавр. лет. 3, 31). В чешских источниках шелк упоминается в XI в.

Можно определенно установить, что в одежде богатых людей шелк играл очень важную роль, особенно когда в Переяславле и Киеве установилась непосредственная им торговля.

Одновременно с шелком к славянам шли торговыми путями тяжелая золотая парча и аксамит, т.е. золотная или серебряная ткань с разводами, плотная и ворсистая, как бархат²¹⁸.

Кроме этого приходили и легкие прозрачные ткани для покрывал, искусно и пестро окрашенные или вышитые, и для них также сохранилось несколько названий.

Общеславянское аксамит (XII в.) или оксамит взят из греч. ἄξάμιτον, ἑξάμιτον — коргина, кгорина (XII в.) — шелковая ткань; возможно, что это название местного славянского происхождения; kutnja — полосатая полупелюшковая ткань — от турецк. kutni, бухар. chutne; брацінь, брацѣнь (XI в.) — шелковая ткань. Бернекер производит это слово от лат. brāca (штаны), итальянск. braca. Академик Соболевский (Archiv. sl. Phil. XXXIII. 609), считая его корень от bark, связывает с араб. barrakan, barcan, barchāt, barchent (отсюда русск. бархат); olovir (оловир) — пурпуровая ткань, тканная золотом; в Ипатьевск. лет. под 1252 г. есть такое упоминание: «Кожюх оловира грецкого и круживы златыми ошит». Фофудья (fofudija), восточная драгоценная ткань, из которой делались одежды; в летописном известии, относящемся к 912 г.: «Леон (импер. визан.) почти послы русские дарми, златом и наволоками и фофудьями»²¹⁹. Арабское слово «миткаль»

²¹⁸ Об аксамите упоминается в «Слове о Полку Игоревом»: «пом-чаша (Русичи) красные девки Половецкые, а с ними злато и поволоки и драгие оксамиты». *Савваитов*. Описание стар. русск. утвар., одежд, оружия... СПб., 1896 г., стр. 2.

²¹⁹ Лавр. лет. 3, 37, ср. *Савваитов* «Описание», где он производит это название от еврейского efud, efod — amiculum humerale, для

обозначало уже в X в. византийскую ткань, которую у славян обменивали на меха²²⁰.

Исторические и археологические данные и даже миниатюры рукописей X—XI вв. указывают, что одежды славянских князей этого времени шились именно из чужестранных тканей, доставляемых по торговым путям с Востока или из Византии.

В древней Европе, особенно у германцев, иногда пользовались для изготовления одежды, вернее некоторых ее частей, как то: поясов, обуви, или плащей, — древесным лыком. Прямых сведений об этом у славян нет, но возможно предположить такое использование лыка и у них, тем более что самое слово лыко — древнее и общеславянское²²¹.

XI. ОДЕЖДЫ

Славянская одежда отличалась как общим видом, также и деталями от платья соседних народов, не только восточных, что было вполне естественно, при наличии большой разницы культур, но и западных, напр., германских. Об этом имеется ряд исторических свидетельств: одно из них повествует, что в 631 г. немецкий король Дагоберт отправил посла Сихария к князю Само, правившему в Чехии, но Само не допустил его к себе прежде, чем этот посол не переоделся и не явился к нему в славянском платье²²².

Аналогичное сведение, относящееся к концу языческого периода, имеется и о померанских славянах: немец Гериманн,

которого употреблялась ткань из золота, крученого виссона, а также из пряжи разн. цветов.

²²⁰ *Иностранцев К.* Из истории старинных тканей (Зап. Вост. О. Русск. Арх. Общ. XIII, 4, 1901).

²²¹ *Будилович.* Слав. I. 109.

²²² *Fredegar Ghron* IV. 68 (Sicharius vestem indutus ad rastar Sclavinorum).

помощник епископа Оттона в 1124 г., пришел к святыне Триглава в Штеттине, предварительно переодевшись в славянское одеяние, так как упоминается о шапке и плаще²²³.

Отсюда уже видно, что немцы своим костюмом отличались от местных славян и что то же самое, но в большей мере могло распространяться на чужестранцев, приходящих с Востока.

Конечно, по этим свидетельствам нельзя установить, чем, собственно, отличался славянский костюм — отдельными ли частями, покроем или манерою его носить; и это тем более трудно определить в силу того, что отдельные части одежд имеют много аналогий и у соседних народов. Прокопий (VI в.) так характеризует древнюю одежду славян: «Некоторые не имеют ни хитонов, ни грубых плащей, а ходят лишь в штанах, которые доходят до бедер; так они ходят и в бой против врагов»²²⁴.

Дальнейший ряд свидетельств относится уже к IX—X вв.; в большинстве случаев они принадлежат арабским писателям, причем надо всегда иметь в виду различие между русами и славянами, которые, поскольку это касалось одежды, в этих известиях были иначе характеризованы. Впрочем, к этому времени термин «рус», русский, принимает уже более широкое территориальное значение. Для арабских писателей «русы» и славяне, вследствие близких сношений, могли уже не выделяться своими характерными признаками. Поэтому, когда речь идет о русских купцах на Волге или о дружине Святослава, нельзя исключать возможности наличия в них славянского элемента. Так напр., Фадлан сообщает о русских купцах, плавающих по Волге: «Они рыжи, не надевают ни курток, ни кафтанов, но у них мужчина надевает кису, которою он обвивает один из боков и одну руку выпускает из-под нее»²²⁵. Однако этих купцов он отличает от умершего рус-

²²³ *Ebbo* II. 13. «Herimannus pilliolum barbaricum et clamidem mercatus».

²²⁴ *Prokopios*. B. G. III. 14.

²²⁵ Перевод *Гаркави*. Сказания... 93.

ского вождя, которому для погребения надели куртку, шаровары, носки (или башмаки), сапоги и кафтан из «дибаджа» с золотыми пуговицами, надели ему на голову «калансуву из дибаджа с сободем»²²⁶. Ибн-Хаукал говорит о том же: «Руссы. Одежда их малые куртки, одежда же хазар и болгар — целые куртки»²²⁷, причем эту справку Хаукал заимствовал у Истахри. Позднее Кардизи сообщает о славянах: «Одежда их рубахи; они носят сапоги. Их обувь походит на табаристанские сапоги, которые носят табаристанские женщины». Кроме того, он упоминает, что «одежда руси и славян из полотна... они носят верхнюю одежду и надевают шапки»²²⁸. Персидский географ, черпавший сведения из того же источника, что и Кардизи, написал о славянах: «Они все носят рубашки и наголенники до щиколоток»... «Одежда их большею частью лен»²²⁹. Далее он добавляет о русах: «Из более или менее ста локтей кербаса сшивают шаровары и носят, заворачивая выше колена. На голове носят шерстяные шапки, спуская вниз за затылком конец». К этому можно добавить и свидетельство ибн-Ростеха: «Шаровары носят они широкие: сто локтей материи идет на каждый. Надевая шаровары, собирают они их в сборки у колена, к которым затем и привязывают»²³⁰. Ибрагим ибн-Якуб написал о славянах: «Носят широкие одежды, и лишь рукава книзу узки»²³¹.

Заслуживает упоминания еще одно свидетельство XIV в., описывающее народный словинский костюм, который возник перед X столетием и в который одевался, согласно старой традиции, вступавший на княжение корутанский князь. Этот наряд составляли штаны из серого сукна, красные башмаки,

²²⁶ Ibidem, 98; высокая шапка.

²²⁷ Ibid. 221.

²²⁸ Кардизи. Изд. Бартольда, стр. 123.

²²⁹ Туманский. Ibidem, стр. 135, 136.

²³⁰ Гаркави. Ibidem, стр. 269.

²³¹ Изд. Розена, стр. 54.

привязанные ремешками, серая суконная куртка без воротника, с разрезом спереди и сзади длиной до колен, неподрубленный серый плащ, выкроенный из цельного куска, и на голове серая шапка с четырьмя цветными кистями. Подобное же одеяние у князя Мейнгардта указывает Ян из Виктринга в 1341 г., прибавляя после его описания «eodem modo, quo rusticus induitur»²³².

Из приведенных исторических свидетельств явствует, что они или противоречат одно другому, или не дают возможности составить представление об одежде славян. Поэтому необходимо обратиться к другим источникам, и прежде всего к археологии.

Археологические находки в этом отношении дают очень немного. Большею частью это незначительные остатки тканей, которые иногда можно довольно точно определить, остатки обуви (кожа сохраняется лучше) и головных уборов; при раскопках весьма редко встречается настолько сохранившаяся одежда, чтобы по ней можно было догадаться о форме платья.

Находки украшений, пряжек, пуговиц, металлических бляшек, которые нередко нашивались на коймы и рубцы, облегчают определение рода одежды, в которой был погребен умерший. Они характерны для богатых погребений, в которых финские, восточные и византийские наряды в изобилии снабжены металлическими украшениями. Что же касается типического, местного, народного костюма, то подобные находки дают мало достоверных данных.

То же следует сказать и о русских кладах, дающих много интересных сведений об одеждах и драгоценных уборах, но уже относящихся к более позднему периоду — XII—XIII вв.²³³

Так же мало материала дают и древние скульптурные памятники; они сохранились в весьма ограниченном количестве,

²³² Font. Reg. Germanorum ed. *Boehmer*, I, 318.

²³³ *Кондаков Н.П.* Русские Клады. Древности великокняжеского периода. СПб., 1896.

и некоторые из них спорны по времени и вызывают сомнение в их подлинности. Так называемая Святовистова колонна — памятник действительно древний, но из костюма на ней можно различить лишь низкую шапку, да кафтан или рубаху с поясом. На колоннах Марка и Траяна в Риме и на Траяновом памятнике в Адамклизе (Добруджа) изображены некоторые подробности одеяния варваров Северных Карпат, которые во многом сходны со славянской одеждой конца языческого периода, но это сходство, за неимением других доводов, недостаточно, чтобы вывести заключение, что эти варвары являются славянами II столетия по Р.Х. (см. рис. 14). Начиная с X в. имеется более определенный иконографический материал в миниатюрах, фресках и др. памятниках искусства. Весь этот материал, особенно с XI в., имел бы неизмеримое значение, так как в одеждах еще многое сохранилось от предыдущих эпох, если бы в нем не было одного спорного пункта.

Дело в том, что большинство этих изображений является лишь схематическими рисунками, которые выполняли иллюминаторы на западе и востоке славянства на основании древней, античной, впоследствии византийской традиции и образцов, причем это касалось главным образом фигур, их выражения и деталей одежд. Передача поз и рисунок платья чаще всего основывается на римском и византийском антике, и поэтому изображенное на фреске или миниатюре не всегда можно относить к тому времени, когда они были исполнены. Прежде всего следует детально и тщательно разбирать, является ли рисунок схемой, или иллюстратор изображал реалистично, заимствуя из окружающей его действительности X или XI в. С этой точки зрения и необходимо рассматривать все памятники искусства.

К числу миниатюр, возникших на западе или изображающих события западного славянства в Чехии, относятся: так называемый «Вышеградский кодекс», писанный в Праге во второй половине XI в.; затем «Евангелие библиотеки Св. Вита» и «Кодекс Апокалипсиса» (с глаголическими отрывками), хранящийся в

той же библиотеке²³⁴, «Евангелие Пиаристской коллегии»²³⁵ в Праге конца XI или начала XII в. и два кодекса, сохранившиеся в Польше: так называемый «Codex anreus» и «Краковский кодекс»: оба XI в. и принадлежат той же школе миниатюристов, откуда вышел «Вышеградский кодекс».

Важное значение имеет Гумбольдова легенда о св. Вацлаве в «Вольфенбюттельском кодексе», составленном в самом конце X или начале XI в. по приказанию княгини Эммы, жены Болеслава II (967—999). Этот памятник любопытен тем, что иллюминатор рисовал не по шаблону и установившейся манере, но придавал фигурам жизненность и индивидуальные черты; все изображения вполне исторически верны, в силу чего памятник приобрел крупное культурное, историческое значение.

Другие указанные памятники, в том числе и «Вышеградский кодекс», не могут сравняться с ним по значению, так как их изображения шаблонны и схематичны, как и все им современные среднеевропейские миниатюры. Встречающиеся в этих рукописях одежды имеют значение, поскольку они воспроизводят одеяние, которое сложилось из более древнего, со слабой примесью византийского влияния, и которое носили в X—XI столетиях во всей Средней Европе, а также отчасти и у западных славян. Подобного же рода и символическая фигура Sclauini'и (изображена на выходном листе «Мюнхенского Евангелия» рядом с олицетворениями Рима, Германии и Галлии), выражающая изъявление покорности Оттону III, так как ее наряд не содержит в себе ничего характерно славянского.

Из фресок следует отметить роспись крепостной (hrad — ср.-русс. — городище) капеллы в Знойме (Znaim), начала XII в.²³⁶,

²³⁴ Podlah. Soupis památek. Praha, II, 2 и его же Pam. arch. XXII. 401.

²³⁵ Монашеский орден.

²³⁶ По новому исследованию проф. Матейчика относится к началу XIII в.

изображающую сцену из языческих времен: призвание к власти Перемысла (Přemysla).

Об одежде восточных славян, и прежде всего о княжеском уборе, можно составить представление по наиболее древним восточным, русским и византийским рукописям. Из них на первом месте стоит богато изукрашенная «Псалтырь» XI в. архиепископа Трирского Эгберта, называемая *Codex Gertrudianus*, с изображением кн. Ярополка Изяславича († 1085), жены его Ирины и матери Гертруды²³⁷ и «Изборник» Святослава 1073 г., верно изображающий (подобно «Вольфенбюттельскому кодексу») русскую одежду того времени²³⁸. Далее, сюда следует отнести древнее изображение свв. кн. Бориса и Глеба, сыновей вел. кн. Владимира Святославовича, убитых в 1015 г.; оно является точной копией старого оригинала, написанного вскоре после их кончины для Вышгородской церкви их имени²³⁹.

К ним близки и изображения отдельных княжеских фигур XII в. в стереотипных праздничных одеждах²⁴⁰. Из них наиболее важной по значению была бы фреска с изображением семьи кн. Ярослава в храме Св. Софии в Киеве (1037), если бы позднее, при реставрации, часть их не была заменена фигурами свв. Софии, Веры, Надежды и Любви; от оригинала остались лишь две фигуры, к сожалению, подправленные очень неточно. Для

²³⁷ Этот кодекс издали *H. V. Sauerland* и *A. Haseloff* — «*Der Psalter Erzbischof Egberts von Trier*. 1901. К этой рукописи присоединено 5 листов, среди которых есть изображения русской княжеской семьи. Разбор этих листов см. *Кондаков Н.П.* Изображения рус. княж. семьи в миниатюрах XI в. СПб., 1906.

²³⁸ *Пономарев В.* Памятники древнерусской церков. литер. 1897. III. 253 «Изборник» был издан в 1880 г. *Общ. Любит. Древн. Письмен.*

²³⁹ *Срезневский.* Древние изображения свв. кн. Бориса и Глеба. СПб., 1863.

²⁴⁰ *Стасов В.* Миниатюры некот. рукоп. визан. болгарск. русск. и персидск. СПб., 1902 и *Кондаков.* Ibidem, стр. 42, 44.

характеристики одежд нельзя также воспользоваться фресками лестниц этого храма, не потому, что они были исполнены византийскими мастерами, но, как указал Н.П. Кондаков²⁴¹, они воспроизводят характерно византийские сюжеты: цирковые игры и состязания в присутствии императора и его двора. Однако ни содержание росписи, ни одежды, на ней изображенные, хотя в некоторых частях встречаются варварские наряды, нельзя принимать за славянские.

Еще следует упомянуть «Подлинники», которые, сохраняя характер греческих оригиналов X—XI вв., в то же время вносят изменения как в рисунок фигур, изображающих народ, так и в одеяния, как, например, облакая свв. Бориса и Глеба в типичную русскую одежду: шубу и шапку (княжескую²⁴²).

В одной из византийских рукописей XIV в. Иоанна Скилица Куропалата (открыта Н.П. Кондаковым в Мадрид-

Рис. 12. Св. князь Борис.
Из «Беседы И. Златоуста»

²⁴¹ Кондаков. О фресках лестниц Киево-Софийского собора. СПб., 1888 г. *Редин и Айналов*. Киево-Софийский собор. СПб., 1889.

²⁴² *Прохоров В.* Христианские древности. Т. I, кн. 1.

Рис. 13. Фигуры болгар из «Ватиканского Менология»

ской библ.²⁴³) имеется несколько миниатюр, представляющих сцены из русской истории времен Святослава; но эти рисунки поздни и недостаточно ясны.

Зато большой интерес представляют изображения болгар, покоренных царем Василием II Болгаробойцем, в миниатюре греческой псалтыри, хранящейся в библиотеке Св. Марка в Венеции²⁴⁴ и фигуры двух болгар на миниатюре «Менология» (Ватикан. библ.), писанного для императора Василия II (975—1025), т.е. в конце X и начале XI в. Она изображает убиение мучеников в Адрианополе в 814 г. по приказу царя Крума, но иллюминатор нарисовал уже не турецких болгар времен Крума, но ославянившихся, т.е. дал типы своей эпохи, на 200 лет позднее.

Менее важным памятником, в смысле ознакомления со славянской одеждой конца языческого периода, является рукопись

²⁴³ Кондаков Н.П. Русские Клады. Т. I, рис. 41, 95, 122 и стр. 212.

²⁴⁴ Кондаков. Македония. Стр. 230 и Ch. Diehl. Manuel d'art byz. 376. Paris, 1910.

«Хроника Манассии», т.е. болгарский перевод древней хроники Константина Манассии, писанной для болгарского царя Иоанна Александра в XIV в. и украшенной множеством миниатюр из болгарской и русской истории. Хотя здесь и изображаются иногда сцены из языческой эпохи (крещение болгар, крещение Руси, воины Святослава и др.), но промежуток времени между событиями и их воспроизведением слишком значителен; рисунки поверхностны и порою неясны, вследствие чего этот памятник имеет значение лишь при исследовании костюма и вооружения XIV в. Из сербских памятников следует упомянуть инициалы «Мирославова Евангелия» XII в.²⁴⁵.

Что касается княжеских фигур на древних монетах, то они обычно очень неясны и схематичны. Можно только различить головной убор и плащ, заколотый на плече фибулой, и иногда далматiku²⁴⁶.

Гораздо яснее выступают фигуры, и даже можно различить детали костюма на драгоценных вещах, исполненных эмалью, напр., свв. Борис и Глеб на так называемых «бармах» Рязанского (находка 1822 г.) и Киевского (находка 1824 г.) кладов²⁴⁷.

Других памятников подобного рода вплоть до XII в. указать нельзя. Конечно, при выяснении славянской одежды можно воспользоваться еще одной группой материалов, а именно рассмотреть старинные народные костюмы, которые еще с давних пор удержались в отдельных областях славянства, но это использование народного одеяния славян для воспроизведения его вида и форм, существовавших в языческие времена, станет возможным после специальной работы, выполненной сравнительным методом, так как славяне издавна подпадали под сильное

²⁴⁵ *Evangelium kn. Miroslava*. Београд, 1897.

²⁴⁶ *M. Fiala. České denáry*. Praha, 1895. Толстой И.И. Древнейшие русские монеты вел. княж. Киевского. СПб., 1882. *Его же*. Древнейшие русские монеты X—XI вв. СПб., 1893.

²⁴⁷ Кондаков. Клады. Стр. 101 и Русск. древ. Вып. V.

влияние европейских и азиатских мод — турецких, татарских и др., и оно было гораздо значительнее, чем это кажется на первый взгляд. Однако еще и поныне не составлено должного описания и разбора одежды славян на Балканах, где она наиболее сохранила свой древний вид. Тоже следует сказать и о старом польском костюме, наиболее сохранившемся в отдельных горных местностях, в то время как чешский и моравский костюм населения равнин уже отличается своим видом²⁴⁸.

Сравнительная филология и в этой области могла бы оказать помощь с ее лексикографическим материалом, что можно пожелать для будущих работ.

У славян для одежд было несколько названий: ст.-сл. *gubo*, ц.-сл. — *odъжда*, *oděžda*, *osteyъ*, *ostěзь*, а также порты (пърты, пъръты, портице), этим термином пользовались в старых памятниках письменности для обозначения платья вообще, а не в том узком значении, которое ему было придано в более позднее

²⁴⁸ *Eljasz Watery-Radzikowaki*. Ubiory w Polsce i u sąsiedów. Krakow, I, 1879; II, 1889; III, 1899; IV, 1905; (aż do XV stol.). *Golebiowski L.* Ubiory w Polsce od najdawn. czasów. Warszawa, 1830. *Malewski B.* Próba charakterystyki ubiorów ludowych (Wista XVIII, 285). *Koula J.* O kroji lidu slovenského (Č. Lid. I. 21, 178, 273, 375, 472). *Klvaňa Jos.* O lidových krojích na mor. Slovensku (6. Lid. II, 18, 165, III, 421). *Zibrt Č.* Dějiny kroje vzemích českých od dob nejstarších až po války husitské. Praha, 1892. *Оленин А.* Опыт об одежде, оружии, нравах, обычаях и степени просвещения славян. СПб., 1832. *Прохоров В.* Материалы по истории русских одежд и обстановки жизни народной. СПб., 1881—1885. *Савченков.* Старое и новое в народном убранстве и одежде (Жив. Стар., 1890, 103). *Стасов В.* Заметки о древнерусской одежде и вооружении (Ж. М. Н. П., 1882, ССХІХ, 168—196). *Стрекалов С.* Русские исторические одежды от X до XIII веков, СПб., 1877. *Познанский.* Одежда малороссов (Труды XII Арх. Съезда, III, 178210). *Liersch C.* Nachrichten über Tracht und Sitten der Germanen und Slaven aus dem VI Jahrh. (Mitth. niederlaus. 1891, 154). *Pič.* Staroš. III, 1, 148.

время; напр.: «рекоша дружина Игореви: отроци Свеньльжи изоделися суть оружием и порты, а мы нази» или «сверг порты, сунуся в Днепр и побереде» (Лавр. лет. к 945 и 968 гг. 3, 51, 64) и «сам же в худые пърты обълкъся ти, тако хожаше» (Нестор. жит. Феодосия, 4 и др.). Древнего происхождения и название *губъ*, *губу*, ст.сл. *gabъ*, польск. *gab*, *gabek*, малор. *руб*.²⁴⁹

ХІІ. МУЖСКОЙ КОСТЮМ. НИЖНЕЕ ПЛАТЬЕ

Вопрос об одежде славяне не разрешили оригинально и красиво, как то сделали некогда греки. Древнее одеяние славянина не было свободно и не подчеркивало красоту телесных пропорций, мускулов и их движения; три основные части славянского костюма — штаны, рубаха и верхний плащ — так же мало отвечали этой задаче. Лишь позднее античное влияние сообщило их покрою некоторую красоту линий и придало легкость складкам. Первоначально все три части костюма были довольно узки, грубы и тяжелы в складках. Исподняя одежда издавна состояла из штанов и рубашки для защиты нижней и верхней части тела.

Согласно известию Прокопия, штаны у славян доходили до начала бедер (собственно, до *μέχρι ἐς τὰ αἰδοῦτα*), где они держались стянутые куском ткани, веревкой или ремнем, а внизу были завязаны чаще всего над лодыжками. Такими их изображают наиболее древние миниатюры (X—XI вв.), на которых мужчины обычно одеты в узкие штаны с большим или меньшим количеством складок, в зависимости от материала, из которого они были сделаны, причем штаны, сшитые из сукна, или «гуни», больше прилегали к ногам и близки покроем к тем, которые до сих пор носят жители Карпат. На некоторых миниатюрах изображено, что икры ног обвиты тесьмой или стянуты особыми

²⁴⁹ Древнерусское название: рубъ, рубы, в смысле поношенной и разорванной одежды см. у Срезневского. Ibidem III, 184.

голенищами, и лишь начиная от колен штаны были свободны²⁵⁰. Возможно, что именно в это время чехи приняли за обычай носить римско-немецкие короткие штаны (*hósa*), а вниз от колен какие-то голенища (*tibiala*, *oscreae*, *caligae*), которые держались у колен завязками. Уже в X в. покрой штанов у славян не был однообразен; на ночь штаны обычно снимались. Косьма рассказывает, под 1004 г., что поляки, которые были в Праге, ранним утром, подвергшись нападению, убегали босы и без штанов²⁵¹. В древности штаны были без клапанов, а разрез приходился чаще всего сбоку. Для обозначения этой части одежды имелось два термина, которые, конечно, в древности отличали покрой: гати (*gatě*) и ноговицы (*nohavice*). Термин гати (церк.-слав. *gašte*, малоруск. гачи, болг. *гáшта*, ст.-чешск. *hase*, праслав. *gatja*) — загадочного происхождения, и трудно выяснить, что он первоначально значил; теперь это слово сохранилось для обозначения свободных полотняных нижних штанов, что, возможно, было и в древности, в отличие от верхних ноговиц, причем этот термин не только древний, но и общеславянский.

Третье название — шаровары²⁵² — также древнее, общеславянское, но заимствованное, вероятно, из иранских языков. Юлий Полидевк (II в. по Р.Х.) сообщает, что тавры и скифы имели исподние штаны, и называет их *τὰσαράβαρα* или *σαράβαλλα*. Это же название было и для широких штанов, о которых припоминают, говоря о русах, ибн-Ростех и персидский географ; их шили из широкой ткани и завязывали у колен. Покрой этот возник несомненно на Востоке, где и удержался отчасти до сих пор с тем же названием. Оба указанных автора, говоря о шароварах, имели в виду только русов, в то время как из ответа папы Нико-

²⁵⁰ Как то можно видеть на изображениях пастухов в Еван. Пиаристск. Коллегии. *Pam. arch.* XXII, 411—419, рис. 4—8.

²⁵¹ *Kosmas*. I, 36... *sine bracis accelerat fugam*.

²⁵² Русск. — шаровары, чешск. — *šaravary*, серб. — шалваре, польск. — *szarawary* (*Korš. Arohiv für Slav. Philol.*, XI, 671).

лая в 866 г., видно, что по примеру волжских болгар их носили и балканские славяне. Самый термин «шаровары» распространен по всему славянству, указывая, что этот род широких штанов был известен и другим славянам.

Ноговицы носили и другие варвары Средней и Северной Европы (фракийцы, даки, германцы и галлы), но едва ли можно говорить о заимствовании с той или другой стороны; очевидно, они были наследством, полученным от общей арийской эпохи, когда первоначально возникли с целью защиты от холода. Конечно, позднее они подпадали под влияние римской или западной моды, на что, например, указывает автор Переяславско-Суздальской летописи, говоря о новой моде ноговиц, заведенной латинянами²⁵³.

Другой частью нижней одежды было платье, которое одевалось непосредственно на тело и покрывало его верхнюю часть. Прокопий говорит в одном месте, что славяне, кроме штанов, не имели одежды и ходили до пояса нагими, но тотчас же сам ограничивает сказанное, добавляя «некоторые», но, наверно, и эти последние не ходили так в течение всего года. Возможно, что в битвы они хаживали с открытым торсом.

Рубаха была необходима для защиты тела от зимних стуж, она привилась издревле, и вполне естественно, что в языческое время для этой части костюма у славян существует несколько названий, которые служили для обозначения разных ее видов: *губъ*, рубаха, рубашка, чехол, *čechel*, свита, срака, сукня (сукман), *košile*, *kotyga*. Главные отличительные признаки были: длина, разрез ворота, рукава и сорт материала, но в древних славянских памятниках все виды смешиваются с греческ. ῥάμος, ἑσθής, ὀθόνη, χιτὼν, ἱμάτιον, лат. *tunica*, *camisia*, *vestis*.

Одним из наиболее древних видов была рубаха; на это указывает не только древнее общеславянское ее наименование *губъ*, ст.-сл. *gabъ* (чешск. *gabáš*, русск. рубаха, рубище, сербск. рубина, болг. рѣбъ, польск. *gabek*), в смысле длинной рубахи или плата,

²⁵³ Времен. Моск. Общ. Истор. и Древ., IX, 1856 г., 3.

что уже засвидетельствовано в памятниках XII в., когда говорится о плохом и бедном одеянии, но и то значение, которое ей присвоено в славянском фольклоре. Ею пользовались в наиболее важных случаях жизни, очевидно, памятуя, что некогда она была основной частью мужского и женского костюма.

В этом же смысле в славянстве был в употреблении и другой термин — *čechl*, русск. чехол, чехлик, и хотя он также древнего происхождения, но этимологическое значение его не вполне ясно²⁵⁴.

Вообще, род длинной рубахи возможно считать за древнейший тип одежды; о том, как делался ворот, был ли он настолько широк, что голова могла свободно проходить, или для этого разрезали на груди, равно какой вид имели рукава, — не сохранилось никаких определенных сведений.

Варвары на памятнике Траяна в Адамклизе одеты в длинные рубахи, стянутые по талии ремнем, с широким разрезом и длинными рукавами, но это изображение может служить только аналогией, так как еще ничем не доказано славянское происхождение этих варваров²⁵⁵ (рис. 14).

Лишь со времени римской эпохи в славянских землях появляется множество пряжек и застежек небольшого размера, которые свидетельствуют, что была в большом ходу одежда из легких тканей, полотняных или шерстяных. Эти вещи были римского производства, и возможно предположить, что вместе с ними пришла мода на легкую, короткую римскую тунику.

Конечно, нельзя сказать, что раньше этого периода славяне не носили коротких рубах своего производства, но мода на них началась с указанной эпохи под влиянием римским, а позднее византийским, подобно тому, как оттуда же к ним перешли верхние одежды и плащи.

²⁵⁴ Поскольку «чехол» встречается впервые в «Слове» Иоанна Златоуста, рукоп. XIV в., а в чешских памятниках в «*Mater Verbor*», XIII в. — *čechel-sudarium*.

²⁵⁵ *Toeileasco*. Monument von Adamklissi, 66—68, 98—100.

Рис. 14. Древние одежды: варвар на Траяновом памятнике в Адамклизе, диавол из «Вышеградского кодекса», статуэтка из кургана Полтавской губ., девица в рубашке с чешской миниатюры XIV в.

Уже в конце языческого периода у славян была короткая и легкая рубаха — срака, срачица, этот термин заимствован непосредственно из латинск. *sagca* и засвидетельствован в памятниках X в., чем устанавливается ее распространение в их области в конце I тысячелетия по Р.Х. Сорочка не носилась только как нижнее белье, но употреблялась и как верхнее платье, причем бывала богато украшена каймой по воротнику, рукавам и по низу, что можно отнести за счет византийского влияния. Такую сорочку упоминает в «Шестодневе» Иоанн, экзарх Болгарский²⁵⁶, и равным образом различные виды ее можно проследить на фигурах святых в росписях и мозаиках Софийского собора в Киеве²⁵⁷.

К этим коротким сорочкам нужно присоединить длинные «далматики» также византийского происхождения, не имеющие разреза спереди и одеваемые через голову (*tunica, dalmatica*, виз. διβητήσιον или διβήτισιον).

Наряду с сорочкой для той же одежды у славян существовало и название сукня, сукъманъ, сукъно, сукъманец, чешск. *sukně*, польск. *sukmana*, очевидно, производимое от сукна, и изготовляли ее из грубой домашней шерстяной ткани. Проф. Зибрт указал, что лат. *tunica* в чешских памятниках, писанных по латыни, обозначает мужскую одежду, покрывающую верхнюю часть тела²⁵⁸, а словарь *Bohemanius*'а (XIV в.) переводит ее словом сукня²⁵⁹. На Руси и в Сербии этот термин встречается лишь в XIV в.²⁶⁰ Распространение

²⁵⁶ «Смрьдаиа сядь внешниаиа, иако же не соуть видела княза в сраце златами нищми шьвена и на вии гривну злату носяща»... а в другом месте читается: «Аще ся прилучить иемоу и княза видети сядяща в сраце бисьром поkyдaнe гривну цятаву на выи носяща». *Срезневский*. Древ. извест. о Бор. и Глебе, стр. 24.

²⁵⁷ Киевский-Софийский собор, ч. I, табл. 23, 29, 35 и ч. II, табл. 39.

²⁵⁸ *Zibrt. Dějiny kroeje*, стр. 60.

²⁵⁹ *Hanka. Zbírka nejdvávn. slovníků*. 1883, стр. 43: *tunica-suknye*.

²⁶⁰ *Срезневский*. Мат. III, 614—15 и Данчичь Рјечник. III, 200.

этого названия за пределы славянской области указывает, что этот род одежды был типическим для славян. В Зап. Европу оно было передано через посредство западн. славян²⁶¹, а из заноса его в Венгрию и Грецию явствует, что и балканские славяне ее знали и носили²⁶². «Сукни» украшались аналогично сорочкам, богатой каймой, что видно из миниатюр «Вышеградского кодекса», где иллюминатор XI в. изобразил диавола не нагим, как обычно, но в типичном для того времени одеянии — в узких штанах и в богатой тунике-сукне (см. рис. 14). В подобных же костюмах в упомянутом кодексе и в других изображены и князья²⁶³. Другим украшением была меховая опушка или оторочка, что связано с лучшей выделкой и добротностью материала, из которого делалась сукня.

Под римско-византийским влиянием древняя рубашка начала постепенно исчезать, оставаясь лишь у простого народа. Богатые классы пользовались ею как нижним бельем, надевая поверх легкую «срачицу» (srakŭ), или же плотный и длинный сукман (suknĕ). Под римским влиянием для ее обозначения был принят особый термин кошуля (košulja), от вульгарного лат. *casula*, который встречается уже в славянских памятниках с XI ст.²⁶⁴ Другие латинские названия — «*camisia*», «*interula*» — попадают в чешских источниках начиная с XII в. Косьма приводит народную поговорку: «*Quis enim ignorat, quod camisia proprior sit corpori, quam tunica*»?²⁶⁵ В XIII в. Переяславский летописец говорит о русах: «Латына бестудие въземше от худых римлян,

²⁶¹ Немцы — *suckenĕ*; французы — *souscanĕ*, *sorquanie*; англичане — *sequanie*, *suckeneu*.

²⁶² В Сербии и Болгарии и до настоящего времени сохранилось это название: сукня, сукмакъ. *Кондаков Н.П.* Македония, стр. 41, 67. и *Маринов.* Жива Старина, II, 23.

²⁶³ *Lehner.* Česka škola, табл. XVII, 8, 10, 23.

²⁶⁴ Впервые это название встречается в Синайском Патерике XI столетия. *Срезневский.* Мат., I, 1306.

²⁶⁵ *Fontes.* II, 192.

а не от ватязей... начаша пристроати собе кошулы, а не срачицы и межиножие показывати и кротьполие носить и яки чвор в нагавици створше образ килы имуще и нестыдящеся отинуд, аки скомраси»²⁶⁶. Впоследствии понятия «рубаха» и «сорочка» слились в кошулю, для обозначения более легкого исподнего платья. Интересно отметить, что на Руси название «кошуля» распространялось на одежду, изготавливаемую из заячьего или бараньего меха.

Довольно рано в славянских памятниках встречается и «котыга», серб.-хорв. котига, малор. — котик; оно возникло из средневеков. латин. «cotusa» tunica clericī и заменяло одновременно и хитон и гиматий.

В Восточной церкви был принят из светского греческого костюма подризник-стихарь, из греческ. στήδιον, в виде длинного, до пят, хитона с рукавами и без разреза.

ХIII. ВЕРХНЯЯ ОДЕЖДА

В качестве верхней одежды могло служить только что описанное исподнее платье — сорочка и сукня, главным образом когда они шились из добротной ткани и были достаточной длины. Польская «сукмана» стала верхним, спереди открытым одеянием, которое носили поверх камзола и жупана.

Кроме этого, возник целый ряд специально верхней длинной одежды с рукавами или безрукавной, которая одевалась через голову или имела разрезы спереди, которые застегивались с помощью различных застежек и пуговиц.

Длинным верхним платьем славянского происхождения была свита или свитка²⁶⁷, упоминаемая в памятниках, начиная с XI в.,

²⁶⁶ Времен. Москов. Общ. Истор. Древ., IX, 1851 г., 3.

²⁶⁷ Возможно, от корня vi, s'viti. Это слово общеславянское, рядом с русск. свита, польск. świta, серб.-хорв. свита.

и которая заменяла названия — ἱμάτιον, χιτὼν, ἐσθῆς. В некоторых местностях свита была длинным рукавным платьем, которое надевали непосредственно на тело. В XI в. преп. Феодосий «в единой свите си пребывааше», а «одежа его бе свита власяна остра на теле»²⁶⁸. Однако из памятников письменности явствует, что свиту носили и поверх рубахи; так напр., в летописи под 1074 г. сообщается о некоем монахе Исааке: «и облечеса в власяницу и на власяницу свиту вотоляну»²⁶⁹.

Это подтверждается и другими древними известиями и покроем свиты, сохранившимся до сих пор у малорусов и югославян в виде верхней длинной одежды с широким в складках низом, из грубого домашнего полотна или сукна.

Интересно отметить, что на колонне Траяна в Риме и на его памятнике в Адамклизе северные варвары изображены в длинном одеянии, напоминающем свиту. Однако, несмотря на это, нельзя признать правильным предположение ряда русских археологов и проф. П. Беньковского²⁷⁰, что эти фигуры можно принять за славян, так как не исключена возможность, что другие, соседние римлянам народы, напр., фракийцы и даки, имели наряд, похожий на свиту.

Кабат, жупан, кафтан. Уже в X—XI вв. у славян существует, наряду со свитой, целый ряд других верхних одежд, в большей или меньшей степени открытых спереди, на груди, и сшитых из лучших тканей. Самое название кабат (чешск. *kabát*, болг. *кавада*, серб. *кавад*, польск.-луж. *kabat*), было, скорее всего, восточного происхождения²⁷¹, но стало впоследствии общеславянским.

²⁶⁸ Житие преп. Феодосия, состав. Нестором, 3 и 29.

²⁶⁹ Лавр. лет. 3, 189.

²⁷⁰ *Bieńkowski. Sarmaci a Roxolanie w sztuce rzymskiej* — доклад на III съезде польских историков. *Sprawozd. Sekc.*, III. Krakow, 1900.

²⁷¹ Персидск. — *kabā* и араб. — *'abā* обозначают верхнюю одежду, открытую спереди и опушенную мехом.

Позднее, особенно в России и Польше, появился целый ряд кабатов, которые разнились покроем и длиною, причем им были даны и специальные названия. О древнейшей эпохе можно только сказать, что этот род платья уже существовал, но воссоздать его форму на основании археологических находок в виде остатков воротников, застежек, пуговиц, опушек невозможно. Материалы, извлеченные из погребений IX—XI вв., указывают на неоспоримое существование, особенно у восточных славян, разнообразного верхнего платья, шитого из тяжелых, ценных и зачастую чужеземных тканей, с узкими или широкими рукавами, с наручниками у запястий, с отложным или стоячим воротником, свободного или стянутого драгоценным поясом, изукрашенным бляшками и галунами, иногда еще и обшитого по низу бахромою²⁷², а иногда открытого спереди и застегивающегося на ряд пуговиц или петлиц²⁷³. Это подтверждается археологическими раскопками в пределах западн. славянства (в Чехии и Венгрии) и южного в Далмации, но особенно обильные материалы поступают из русских могил IX—XII вв.²⁷⁴, которые дополняют древние рисунки, относящиеся как к восточным, так и южным славянам; так, напр., в «Ватиканском Менологии» X—XI столетий имеется рисунок болгарина в препоясанном кабате, подбитом мехом и с петлицами спереди²⁷⁵, в греческой «Псалтыри» (XI в. — рукопись библиотеки Св. Марка в Венеции), на миниатюрах, изображающих покорение

²⁷² Бахрама, бахрама, багрома см. *Савваитов*. Описание; *Н.П. Кондаков*. Русские клады, стр. 163 и след., где поясняется, что это украшение ведет свое начало от ассиро-халдейской бахромы.

²⁷³ Застегивание кабатов на петлицы тоже восточного происхождения, см. *Кондаков*. Изображение русск. княж. семьи, стр. 31, миниатюры уйгурские, джагатайские и персидские в соч. *Стасова* «Миниатюры», 17; как видно, это вошло в обычай у славян уже в X в.

²⁷⁴ *Толстой и Кондаков*. Русские Древности, вып. V, стр. 70 и след.

²⁷⁵ *Стасов*. Ibid. 16. См. также рис. 4, на стр. 153.

болгар, фигуры одеты в длинные опоясанные кафтаны серого, синего и фиолетового цветов с большими воротниками и узкими рукавами, украшенными золотыми наручьями и налокотниками²⁷⁶. На выходном листе Святославова «Изборника» 1073 г. князья изображены в препоясанных кафтанах, с какими-то золотыми воротниками (возможно, гривнами), с узкими рукавами и золотыми наручьями, а по переду кафтана младшего сына Романа ясно виден ряд аграфов из золотых шнуров, доходящих до пояса²⁷⁷.

В длинных златотканых кафтанах с узкими рукавами и золотыми наручьями были написаны на древних иконах свв. Борис и Глеб, и кн. Ярослав с сыновьями на погибшей фреске Киевско-Софийского собора; так же изображали в древних «подлинниках» и народ, у которого поверх исподнего платья («исподь»), надеты кафтаны, открытые на груди и опушенные мехом²⁷⁸.

Однорядка православных князей ведет свое происхождение из Византии²⁷⁹. Из исторических свидетельств можно указать на ибн-Фадлана, который упоминает о коротком и длинном кафтане с золотыми пуговицами; другие авторы (ибн-Хаукал, Кардизи, Истахри и пр.) не дают точного описания, к тому же и переводчики их не делали различия между терминами: куртка, рубаха, рубашка, так что нельзя составить ясного представления, о какой части одежды идет речь. Во всяком случае, место происхождения этих кабатов, кафтанов и их украшений следует искать отчасти на Востоке, отчасти в Византии.

²⁷⁶ Кондаков. Македония, 30. Равно Ибрагим ибн-Якуб сообщает о болгарских послых, что они были одеты в узкое платье, опоясанное длинным поясом, на котором были нашиты золотые и серебряные пуговицы (изд. *Westberg*, стр. 56).

²⁷⁷ Кондаков Н.П. Изображ. русск. княж. семьи, 41—42.

²⁷⁸ Прохоров А. Христианск. Древн., I, к стр. 153, II, кн. VIII, табл. 4.

²⁷⁹ Верхняя широкая, долгополая одежда, без воротника с длинными рукавами, под которыми делались прорехи для рук; зад у нее был несколько выше перед. *Савваитов*. Описание, стр. 89.

Западные славяне также носили платье, заимствованное от других народов, что подтверждается целым рядом исторических известий. «Легенда» Христиана упоминает о великолепии одежд чешской знати времен княгини Драгомиры²⁸⁰, а Косьма — об изукрашенной одежде Strachkvas'a²⁸¹.

Сохранилось свидетельство, что Оттон Бамбергский, идя крестить померанских славян, взял с собою куски драгоценных тканей и запас одежд, которыми одарял знатнейших из них, добавляя к этому золотые пояса и пестро вышитые туфли²⁸².

Если Западная Европа влияла на костюм западных славян, то в гораздо большей мере оказывали влияние Восток и Византия на одежду восточных и южных славян. Это влияние сказалось по преимуществу на верхнем платье и его украшениях, которое изготовлялось из чужеземных дорогих шелковых и парчовых тканей и богато расшивалось золотым и серебряным шитьем и галунами.

Впрочем, без особого сравнительного исследования невозможно определить, что было в этих одеждах привнесено Византией, а что являлось следствием целого ряда восточных влияний, среди которых надлежит различать тюрко-татарские от хозаро-аланских, кавказских, персидских, арабских и даже китайских.

Византийское влияние отражалось главным образом на костюмах князей, но распространялось также на одежду бояр²⁸³ и купцов, которые вели с этим государством торговлю. Кое-где византийский покрой перешел и в простой народ, напр., на

²⁸⁰ *Inestimabilis praeciosa vestis.* ed. Pekař. Nejst. kronika česká, 176.

²⁸¹ *Kosmas.* I, 30 (Fontes II, 45): «Ztrahquaz veste compositus».

²⁸² *Herbord.* II. 28, 29, III. 1. *Pueros... duabus camisiis de subtili panno vestivit et easdem camisas aurifrigio in ora capicii et sutura humerali atque brachiali ornari eis fecit, duosque cingulos aureos tradens et calciamenta picturata.*

²⁸³ В житии преп. Феодосия говорится: «славыну и светьлу одежу, яко же е лепо бояром», изд. митр. Филарета, 144.

Балканах. Болгарско-сербская сая, саиче, носимая в Македонии и Старой Сербии, является римско-византийским *sagum*, а Н.П. Кондаков полагает, что, вообще, и другие детали болгарского и македонского платья (напр., широкие наверхенные пояса) появились под византийским влиянием²⁸⁴. Оно выразилось также и в заимствовании названий одежды и ее материала у греков, напр., «камасий» — *καμάσιον*, «мантия» — *μάνιον*, «милоль» — *μῆλωτή*, «сермяга» — *σκαραμάγκιον*, «схима» — *σχῆμα*, «стихарь» — *στιχάρι*, «фелонь» — *φαιλόνιον*, а Н.П. Кондаков указывает и полотно от *πλατάνιον*²⁸⁵.

Восточное влияние было также очень сильно, что подтверждается массовыми находками восточных украшений и драгоценностей в славянских могилах IX—XI столетий. Равным образом и византийские миниатюры, изображая болгарских воинов IX—XI столетий, подчеркнули в их лицах славянский элемент, но одели их в длинные восточные балахоны (галена) или в богатые кафтаны, застегнутые аграфами.

Это подчинение бедной славянской культуры Востоку и Византии будет легче понять, если вспомнить, что и сами греки не избежали варварского влияния, которое отразилось и на их costume. Уже в 100 г. по Р.Х. Дион Хризостом в одной из своих речей указывал, что греки в Ольвии были греками только по имени, а в остальном походили больше на окружавших их варваров, искажали свою речь и носили скифскую одежду²⁸⁶.

На восточное влияние в одеянии, как для отдельных ее видов, так и для деталей, указывает и целый ряд восточных названий: армяк, зипун, кафтан, халат, сарафан, ферязь, шушун, доломан, кунтуш, епанча и др.²⁸⁷ Более поздним заимствованием являет-

²⁸⁴ Кондаков. Македония, 45, 48, 68 и Русские Клады, 81.

²⁸⁵ Изображ. княж. семьи, стр. 38.

²⁸⁶ Латышев. *Scythica*, I, 173.

²⁸⁷ Савваитов. Описание; *Корш.* Archiv. f. slav. Philol., IX, 506 и след.

ся жупан²⁸⁸, причем это название не возникло из-за того, что его носили начальники славянских групп, но от слова «зипун», производимого из греч. ζιπούνι, венец. — ziron, итальянск. — giurpone, происшедшего из турецк. — zubun или арабск. — džubbah. Русский «зипун» впервые встречается в «Домострое»; на Балканах zubun обозначает типический верхний «кабат» без рукавов, преимущественно женский. Другим, позднейшим, заимствованием является halena или halina (род балахона); хотя оно и стало общеславянским названием, но происходит от персидск. ḫali — ковер.

Славянская одежда испытала изменения не только благодаря южным, но и северным, норманским влияниям. Ибн-Фадлан и другие арабские писатели отмечают разницу в одеянии руссов и славян, указывая, что руссы не носят ни кабатов, ни кафтанов; очевидно, что в IX—X столетиях эти потомки варягов еще не усвоили моду на восточные кабаты и другие виды одежды, как то успели сделать современные им славяне. Что касается финского влияния на славянский костюм, то оно незаметно, за исключением некоторых, весьма распространенных на Руси в X—XI вв., украшений; вообще финны, подобно венграм, сами легко заимствовали у славян.

Кожух и шуба. В зимнюю пору славяне одевали поверх обычного платья еще и теплую длинную или короткую одежду, подбитую или обшитую мехом. Для этой цели изготовлялись подобного рода сукни, кабаты, плащи, а кроме того, и особые одеяния из различных сортов меха; для их обозначения существовало у славян два названия: кожух и шуба. Первый был домашним изделием, и местного происхождения, на что указывает и самый термин — (кожух от кожа, мех) и встречается уже в памятниках XII в., напр., в «Уставе Студийском» 1193 г.: «От кожь устроенные ризы же и мантие, яже кожуюхы»; в Ипатьевск. летописи под 1252 г.

²⁸⁸ Жупанец, серб. — зубун, болг. — забун, чешск. — župan, польск. — zupan, supan.

приводится: «кожух же оловира Грещкого и круживы златыми плоскими ошит и сапози зеленого хъза шити золотом».

В «Слове о Полку Игореве» читается: «орьтьмами и япончицами и кожухы начаша мосты мостити по болотом».

Шуба возникла позже; это название часто обозначает у славян тот же кожух, но другие производные этого слова приближаются к точному значению арабского *al-dzubbah* — шерстяное нижнее платье. Слово «шуба», служившее для обозначения кожуха, могло быть образовано из *schube*, *schaube*, но также допустимо предположение, что его заимствовали от венгров или других восточных народов, что видно из свидетельства Кардизи²⁸⁹ от X в., в котором отмечается существование у венгров одежды, называемой *džubba*. Соседи славян, особенно немцы, охотно покупали у них меха и носили, пока не возобладали римская и византийская мода, а с ней и мнение, что славянин, продолжавший носить свой традиционный кожух, был одет неподобающим образом. Презрительный намек по этому поводу можно видеть в словах, сказанных императором Никифором II (963—969) царю болгарскому: «скажите вашему одетому в кожух начальнику, что...»²⁹⁰.

Пояс. Первоначально пояс был предназначен для иной цели, чем в более поздние времена. У индоевропейцев²⁹¹, как и у других примитивных народов, он служил повязкой вокруг бедер, причем следует отметить, что его возлагали на младенца с выполнением особой церемонии. Когда же выработалась одежда, то пояс способствовал тому, чтобы удерживать ее на теле, и в этом виде он уже известен в конце языческого периода.

Все описанные одежды стягивались обычно поясом, который вырезался из куска ткани, или был плетеным, или выделялся

²⁸⁹ Изд. Бартольда, 121—123.

²⁹⁰ *Leon Diakon*, IV, 5.

²⁹¹ Лит. — *júosta*, греч. — ζωστήρ, ст.-слав. — пояс, *pojaśъ*, чешск. — *opas*, др.-русск. — *опасъ*, *опаска*, польск. — *opas*, серб. — *опасиванье*.

из кожи. Дорогие пояса изготовлялись из парчи или украшались металлическими бляшками и привесками, на что указывают археологические находки, сведения об Оттоне Бамбергском, приносившим золотые пояса к померанским славянам, и позднейшие упоминания о них в русских летописях²⁹².

Относительно археологических находок следует заметить, что около женских скелетов остатки поясов с пряжками попадают изредка; это можно объяснить тем, что женщины больше носили легкие пояса, плетеные или тканые с заложенными либо завязанными концами. Впрочем, и около мужских скелетов пряжки встречаются довольно редко; это указывает, что у славян обычным был длинный матерчатый или плетеный пояс, аналогичный тем, которые еще и поныне носят в некоторых областях России, в Карпатах и на Балканах. Пояс обвивали вокруг стана и завязывали или подтыкали так, что концы его спускались вниз; подобную манеру их носить можно проследить на различных миниатюрах, напр., на золотых поясах сыновей Святослава в «Изборнике», у свв. кн. Бориса и у Ярополка в «Трирском кодексе». Такие же пояса сохранились до нынешнего времени у польских мазуров, у малоросов и у болгар, о которых еще Ибрагим ибн-Якуб сообщал, что «они имеют длинные пояса»²⁹³.

Кожаные пояса обычно были узки, их употребляли главным образом для поддержания штанов. Богатые, вышитые или набранные золотыми и серебряными бляшками пояса были восточного (возможно, и северного) происхождения и приспособлялись для ношения меча или сабли.

²⁹² Толстой и Кондаков. Русск. Древн., V, стр. 158; относительно летописных свидетельств см. Полн. Собр. Русск. Летоп. II, 219 и др. «И розда Владимир убогим имение свое все: золото и серебро и камене дорогое и поясы золотыи отца своего и серебряные и свои иже бяше» (Ипатьев. лет. под 1288).

²⁹³ Относительно пояса у болгар см. Кондаков. Македония, 41, 50, 67; их ткut женщины длиною в 2—3 метра.

На поясах у мужчин висело либо оружие, либо мешочки с огнивом, ножиком и туалетными принадлежностями, что можно видеть на одном из болгар «Ватиканского Менология», и что подтверждается рядом находок²⁹⁴. Богатые женщины носили у поясов и особые футляры для туалетных мелочей, сработанные из кожи, бронзы и серебра; существование их подтверждается как археологическими находками, особенно в пределах Пермской губ., так и свидетельством ибн-Фадлана, что «каждая женщина (на Руси) носит на груди футляр из железа, меди, серебра или же золота, в зависимости от достатка ее мужа, а в таком футляре хранятся нож с кружком»²⁹⁵.

Наряду с малыми сумочками у пояса богатых людей были и большие мошны²⁹⁶ (тошьна), причем плетеные из лыка были типическою принадлежностью крестьянина или крестьянки; подобною лыковою мошною предание наделило оратая Перемысла, и мастер, расписывавший стены капеллы в Знойме, не забыл изобразить в сцене призвания Перемысла на чешский трон и висящую на дереве сумку. С аналогичной же лыковой или кожаной сумой в X—XI вв. изображались на миниатюрах чешских рукописей и пастухи (пастыри²⁹⁷).

Плащ. Третьим видом верхней одежды славян был большой кусок ткани, который не одевался, но прямо накидывался на плечи и покрывал тело, подобно нынешнему плащу. Первоначально плащом славянам служили меха диких зверей, особенно медвежьи, или просто кусок грубой, но плотной ткани.

²⁹⁴ Толстой и Кондаков. Русск. Древ., вып. V, 64, 96, 99 и 159. *Pič Starožitn.*, III, 1, 100 и в XIII ст. о них упоминает грамота Собеслава (Sobeslav) — XII cinguli cum cutellis vaginatis et marsupiis (*Friedrich. Cod. I, 406*).

²⁹⁵ Гаркави. Сказания... 93.

²⁹⁶ Слово *мошьна* встречается в памятниках письменности с X—XI вв. *Соболевский*. Материалы, стр. 67.

²⁹⁷ *Lehner. Dĕj. I, 259. 264.* и рис 90, 91 и 140.

Кроме того, они рано ознакомились с разнородными плащами своих соседей, и особенно купцов (финикийских, греческих и римских), напр., греческ. — ἱματίον и χλαύς, римск. — pallium, sagum, lacerna, paenula, cucullus; это заимствование новых форм повело к тому, что в конце первого тысячелетия по Р.Х. рядом с плащом местного происхождения существовали и чужие.

Слово плащ — древнее и обозначало гладкое (корень plaskъ), плотное покрывало²⁹⁸; но рядом с ним типическим славянским одеянием, также служившим для покрытия тела, было — «корзно, кързно», стар.-чешск. — krzno, хорв. — krznar, слов. — krzno, krznina, упоминаемое уже в памятниках X—XI столетий.²⁹⁹ В Киевской летописи встречаются многократные упоминания о корзно: в 1015 г. кн. Святополк, «созвав люди, нача даяти овем корзна а другим кунами»; в 1147 г. ...«и ссочи Володимер с коня и покры и корзном» (Игоря); в 1175 г. — «сверже Амбал ковер и корзно».

Источники указывают на корзно, прежде всего, как на специально княжеский плащ³⁰⁰; впрочем, впоследствии его стали носить богатые люди из населения, на что указывает и требование Оттона II к полабским славянам, чтобы они вместе с другими вещами давали и корзно для уплаты десятины³⁰¹. Очевидно, что в этом случае корзно заменяет собою меха, которыми было принято уплачивать дани, а равным образом,

²⁹⁸ Слово общеславянское из праслав. — plaskjъ, церк.-сл. — плаштъ, болг. — плаштаница, чешск. — plašt, польск. — plaszcz.

²⁹⁹ Аристов. Промышленность Древней Руси, 140. Указывает на сходство корзно с «корзовина», что значит неровная, косматая шерсть.

³⁰⁰ По мнению Н.П. Кондакова (Изобр. р. кн. семьи, 95), на Руси корзно было княжеским плащом уже с X в.

³⁰¹ Грамота Оттона II от 983 г. гласит: «Omnem decimationem rerum suarum scilicet frugum, pecudum, pecuniarum, vestimentorum, mellis et crusinorum... persolvant» (Cod. dipl. Sax. I, 1. 267).

это свидетельство служит показателем того, что его делали из меха, или подбивали, или обшивали им. С этим значением существовало латинск. название *cusna*, *crosna*, *crusina*³⁰², нем. *kürsen*; оно было удержано и славянскими языками. Происхождение слова «корзно» точно не установлено; возможно, что оно от славян перешло на запад³⁰³.

О том, что славяне имели особые плащи, у них возникшие, видно из свидетельства Эббо, сообщающего, как некий немец Гериман, чтобы проникнуть к святыне Триглава в Померании, надел славянскую шапку и плащ; возможно, что это было корзно.

В средневековой Европе существовало и особое название для этого плаща, собственно славянского, — лат. *sclavina*, *sclavinia*, *sclavonia*, франц. *esclavine*, нем. — *slavenîe*, которое глоссарии XVII в. объясняют как — *vestis longior sagi militaris instar*, *Sclavis familiaris*³⁰⁴. Отчасти подобной типично славянской народной одеждой стала гуня, гуна, общеслав. «*guna*»³⁰⁵, хотя по своему виду она скорее напоминала кабат, нежели плащ.

О других разновидностях плащей известно значительно меньше. В Средней Европе, уже перед концом языческого периода, был введен в моду *sagum*, σαγῖον, короткий воинский плащ, носимый в римском войске наряду с *lacerna* и *paenula*³⁰⁶. В такие плащи одеты как римляне, так и варвары на колонне Марка в Риме и памятнике Траяна в Адамклизе.

³⁰² *Du Cange*. Gloss. — *pallii seu vestis genus ex ferinis pellibus*.

³⁰³ Немецкий поэт XIII ст. *S. Helbling*, III, 233 определенно говорит, что «*seheafin kürsen für den frost komen uns von Tsechen*».

³⁰⁴ *Du Gange*. Gloss. — *sclavina — vestis longior sagi militaris instar, vestis villosa*.

³⁰⁵ Хорв., сербск., словин. — *gunj*, *gunja*, гуньче, гуньяц; чешск. — *houně*, *huňá*; польск. — *gunia*.

³⁰⁶ Короткие черные плащи носили ольвийские греки во времена Дюна Хризостома. *Латышев*. *Scythica*, I, 173.

Древние миниатюры изображают народ и воинов с короткими плащами на плечах, что указывает на его большое распространение по всей Европе.

Сангаленский монах (I, 34³⁰⁷) записал, что в Германии короткие плащи начали носить при дворе Карла Великого, который высмеивал их, считая бесполезными.

На непосредственный переход *sagum*’а к славянам указывает и то обстоятельство, что у болгар и сербов до сих пор удержалось для обозначения «галене» — особого вида балахона — византийское название *σαγιον*, переделанное с *сай*, *сая*, *саја*, *сајче*, *саја́лија*³⁰⁸. Как монашеский плащ известен *cucullus* — слав, кукуль или куколь. Рядом с ним был заимствован на Руси суконный «мятьль», возникший или от греч. *μανθῆλιον*, или от нем. *mantel*³⁰⁹. В памятниках письменности XI в. уже встречаются указания на этот вид плаща: «спидоша... слуги княжи вси в черних мятлих... виде Ярослава сидяща на отни месте в черни мятли»³¹⁰.

Особый покррой имела луда из сев. *lodha*, англ.-саксон. *loda*, упоминаемая Киевской летописью как польская одежда: «бес в образе Ляха в луде, носяща в приполе цветкы» (Лавр. лет. 3, 185). Турецкий термин — японча, епонча, япончица, встречается впервые в «Слове о полку Игореве».

Обычно плащ носили наброшенным на левое плечо так, что на правом соединялись оба его конца, причем их скрепляли вместе застежкой, пряжкой на ремне или при помощи петлиц, причем

³⁰⁷ *S. Gallen.*

³⁰⁸ *Кондаков Н.П.* Македония, 49, 68. *Хаджи-Василевич И.* *Лужна Стара Србија* (Белград, 1909, стр. 309).

³⁰⁹ *Голубинский Е.Е.* История рус. церкви I, 575. *Соболевский.* Лингвистическ. и археолог. наблюдения. Варшава, 1912 г. *Н.П. Кондаков* сравнивает «мятьль» с малорусск. свитою (Изображ. р. княж. семьи, 96).

³¹⁰ *Летопись по Ипатьевскому списку, изд. 1871 г., стр. 564.*

правая рука оставалась свободной. Так же описывает плащи русских купцов X в. ибн-Фадлан и Лев Диакон, повествующий о воинах Святослава (числом несколько тысяч), среди которых были не только норманны, но и славяне. Это же подтверждают фрески, миниатюры и монеты X—XI вв.; обычно на них князья изображены в плащах различной длины, иногда на подкладке³¹¹, или отороченных и скрепленных на правом плече фибулою или иного рода застежкой. Существовал еще особый вид церемониального плаща с вырезом для головы, застегнутый на груди и покрывавший обе руки, но который в обыденной жизни не был в употреблении³¹².

В погребениях X—XII вв. были найдены около плечевых костей (особенно много в России) большие пряжки и иного рода застежки, служившие для скрепления каких-то одежд; в Чехии чаще пользовались петлицами и завязками.

К этой группе одежд удобнее всего отнести ризу, о которой известно, что она была свободной, длинной верхней одеждой и в памятниках (начиная от X столетия) упоминается вместе с сорочкой — «отемляшу у тебе ризу и срачицу»³¹³ или с портами — «и облечеши и в порты чисты или сам ся и надежеша ризы крестные и венець»³¹⁴, что указывает, что риза дополняла нижнее платье.

Обычно риза является монашеским или церковным одеянием, которое носят сверх подризника, имеющего вид длинного подпоясанного хитона. По-гречески эта риза называется фелонью — φαλώνης от первоначального φαῖλώνης, что отвечает лат. *raenula*.

³¹¹ Испод плаща имеет иную окраску, чем верх, напр., плащ одетый на кн. Святославе на миниатюре «Изборника».

³¹² Киевский Софийск. Собор, табл. XI, 1; XIII, 4 и 7, XXVIII, 8, 10 и др.

³¹³ *Юрьевское Еван.* 1119 г.

³¹⁴ Слова *Нифонта*, см. Истор. библ., VI, стр. 26.

Старая римская *raepula*, как и древняя богослужебная риза, покрывала все тело от головы до ног, наподобие крыши, чем и объясняется ее название *casula*³¹⁵.

Нельзя определить, пока не будет выяснено возникновение и древность самого термина, была ли риза сходна с церковным облачением. Возможно, что древние славяне имели подобное покрывало, и лишь впоследствии, став церковным одеянием, оно слилось с *raepula*. В древнечешских памятниках слово «ризa» вообще обозначает длинное платье, в «*Mater Verb*», читается: *riza-vestis, replum*³¹⁶. Немецкие миниатюры и литературные источники указывают на ризу (*risa, rise*), как на верхнюю накидку, принимаемую за греч. *θήριον* *τρον*, лат. *theristra*, которая была обычно принадлежностью костюма замужних женщин.

XIV. ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Рубашка. О женской народной одежде имеется сведений еще меньше, чем о мужской. Тем не менее нельзя сомневаться, что и для женщин основной одеждой была рубашка, первоначально служившая одновременно исподним и верхним платьем.

Возможно, что в теплое время года костюм славянки состоял только из одной рубашки, как это еще и до настоящего времени можно наблюдать у южных славян³¹⁷. Судя по рубашам жителей Карпат, которые несомненно сохранили стародавний покрой, можно отчасти восстановить ее древний вид. Она делалась из широкого куска материи, который обертывали вокруг стана и сбоку зашивали; для прикрытия ног пришивалась нижняя часть,

³¹⁵ Голубинский. Истор. р. церкви, т. I, стр. 258.

³¹⁶ Патера-Срезневский. Чешские глоссы, стр. 68.

³¹⁷ Jelica Belović-Bernadzikowska (Ljuba Dančić). Das Hemd im Glauben, Sitte und Brauch der Südslaven. Anthropophyteia, VII, 56.

вся набранная в складках, наподобие свиты³¹⁸. Эта рубаха держалась на особой лямке, перекинутой через плечо (реже их было две); рукавов она не имела, чем и отличалась от сорочки, которая всегда была рукавной.

Подобная рубаха изображена и на древних чешских миниатюрах XIV в.³¹⁹ (рис. 14).

Нельзя, однако, определить, был ли этот вид женской рубахи первичным, или же ограничивались одним куском широкой ткани, в которую обертывали тело и затем сшивали с одного бока, как то было обычным для мужских рубах.

Женщины носили рубаху всегда опоясанной, и ходить без пояса считалось, очевидно, непристойным. Интересно отметить, что женщины варварских народов изображены на памятнике в Адамклизе в рубашке, собранной у шеи в массу мелких складок, которыми еще и поныне набирают свои оплечья словачки в Карпатах, из чего можно судить, что эти складки и у славян были древнего происхождения.

Для предохранения тела от холода и от возможности запачкаться при работе древние славянки одевали на рубаху род верхнего одеяния, причем нижнюю часть тела, начиная от пояса, обычно закрывали фартуками, которые шли от зада к переду и наоборот; пережитки их сохранились в старинных народных костюмах, например, в Зап. Болгарии, где на сукман одевают два фартука: передний — «фута», «престилка» и задний — «вълне-ник», «завёска»³²⁰. Также существует два вида передников и

³¹⁸ J. Klvaňa. Rubeš a oplíčko na jihovýchodní Moravě (Č. Lid. VIII, 198),

Tetmajer. Ubiory II, 19... Подобный покрой сохранился и в Малороссии, где сорочка состоит из двух частей: верхней «станок» и нижней — «підточка». Чубинский. Труды, VII, 426.

³¹⁹ Латинск. рукоп. чешской работы, хранящ. в Королевской библ. в Мюнхене, № 826. *Kobell*. Kunstvolle Miniaturen.

³²⁰ Маринов. Жива Старина, т. II, стр. 24.

у малоруссов: «запaska» и «попередница», при праздничном костюме на зад одевают плахту, а перед покрывают запаской³²¹; это же вошло в употребление и в некоторых частях Великокороссии, напр., в Орловской губ., — сзади навешивали «паневу», а спереди — «запаску»³²². Запаски известны также и в Польше.

На верхнюю часть тела одевали меховые или шерстяные сукни и кабаты, которые иногда были так длинны, что покрывали и ноги.

В языческий период эти кабаты и кафтаны мало чем отличались от мужских; они шились из одного и того же материала, имели одинаковые украшения и различались только по качеству, в зависимости от степени достатка людей, их носивших.

То же самое можно сказать и о поясах; впоследствии они стали отличаться формой и тем, что их старались приспособить к женской фигуре.

В X—XI вв. широкие рукава стали обычными для верхнего женского платья; это была общая мода для всей Европы, занесенная на запад с юга.

Такого покроя верхнюю одежду надевали на исподнее платье с узкими рукавами, что можно проследить по миниатюрам того времени³²³.

Такая же общеевропейская мода, постепенно распространившаяся с юга на север, была и на златотканую далматику, украшенную широкими коймами; она стала характерным парадным одеянием и неоднократно воспроизводится в миниатюрах X—XI вв.

³²¹ Чубинский. Труды VII, стр. 427.

³²² Русск. Жур. Живая Старина, I, стр. 105 и XIX, стр. 5 и след.

³²³ См. изображения женщин в кодексах Вышеградском и Вольфенбюттельском. Н.П. Кондаков полагает, что рукава одежды княгини в «Изборнике» Святослава — широки, но стянуты у запястий таким образом, что производит впечатление двойного рукава (Изобр. р. кн. семьи, 40); то же самое можно сказать и о миниатюре с изображением кн. Ирины в Трирском кодексе.

Однако были случаи, когда некоторые части славянской женской одежды переходили на запад; так, напр., французский поэт XIII в. отмечает, как красит женщин сукня: «Il n'est vesteure si belle com sousquanie a demoiselle»³²⁴.

В памятниках XIII столетия еще упоминается какая-то женская одежда под названием — «godeže» (gôdehsen³²⁵).

Плащ и риза не были обычной женской одеждой, в особенности среди низшего класса. Женщина, работающая целый день, не могла затруднять движение рук плащом. Поэтому плащи, накинутые на плечи женщин, относятся к праздничному княжескому убору, напр., Ирина в «Кодексе Гертруды», жена кн. Ярослава на фреске Киево-Софийского собора, Ольга на миниатюре рукописи Иоанна Куропалата, св. Варвара на фреске Спасо-Нередицкой церкви в Новгороде³²⁶.

Равным образом и Косьма, приписывая Любуше слова «*teum accipite thalarium et clamidum*», которыми она напутствовала послов к Перемыслу, имел в виду праздничный княжеский убор своего времени³²⁷. Кроме того, следует отметить, что, судя по памятникам, плащи на женщинах скреплялись на груди, а не на плече, что, как известно, тоже было признаком праздничного одеяния.

³²⁴ *Guillaume de Lorris*. «*Roman de la rose*» рукопись Corsini 1216, Ed. Méon 1814. Названия «sorquenie», «souskanie», «soschanie», «seqnenie» встречаются во французской литературе, начиная с XII столетия, наприм., в «*Partonopeus de Blois*» (XII в.), у *Gautier de Coincy* (*Miracles de la St. Vierge*), у *Adam de la Hale* (*Jeu de Robin*, 348) и в лирических песнях XIII в.

³²⁵ *Lichtenstein* (Frauendienst. 218, 30): gôdehsen, das ist ein windisch wibes kleit».

³²⁶ *Кондаков Н.* Клады I и *Стрекалов*. Русск. истор. одежды, стр. 17.

³²⁷ *Kosmas J.* 5. Ann. Pagavienses под 1109 г. упоминают о золототканом плаще Jitky, дочери Vratislava: «*mantellum eius, preciosissimum insigniter et artificiose satis auro textum*». *Pertz*. M. G. s.s. XVI, 249.

Одним из видов верхней одежды была и понява³²⁸, сохранившаяся и до настоящего времени, но в некоторых местах этому термину придано иное значение. Как она, так и ее название — древнего происхождения и встречается в памятниках с XI в. Обычно она служила для передачи ὀθόνιον, linteum, sindo³²⁹.

XV. ОБУВЬ

Термин «обувь» — общеславянский, происходящий от обуви (болг. обуя, обуца, русск. обувь, обуца, обушта, серб. обућ, чешск. obuv, польск. obuwa). Можно предположить, что у славян одним из древнейших видов обуви были башмаки, состоящие из подошвы, края которой загнуты вверх и стянуты у подъема ноги лыком, шнурком или ремнем; ее можно сравнить с обувью, которая до настоящего времени удержалась на Карпатах и Балканах.

Вообще у народов сохранилось ее праславянское название курпы (малорус. — керпеч, сербск. — крплє, польск. — kierzce, чешск. — кгрѣ, кгрсе) или церк.-слав. — опънѣкъ (болг. — опинци, опинки, серб.-хорв. — опанак, чешск. — oránek от oręti). Одновременно были в употреблении и лапти (общ.-слав. lapy), плетеные из лыка.

Термин «черевики»³³⁰ (др.-слав. — ѿгвѣѣ) упоминается уже в X в. Константином Порфирородным, как славянская обувь у

³²⁸ Русск. понява, понева, понявица, поня, обозначает иногда накидку, а чаще всего род юбки (*Даль. Словарь*). В Чехии роїѡа обозначает большой кусок ткани, которым покрывают воз. Словин. ronjava — простыня.

³²⁹ «Понявами и вонями обив, Иосиф в гробе нове положи» Воскр. триод. цвет. (XII столетие) или «взя тело Василка и понявицею обит, реку саваном, и положи его в скровне месте» (Лавр. лет. к 1237 г.).

³³⁰ Древ русск. черевы, совр. черевик, болг. — црѣве, цреули, хорв.-серб. — creva, črevija, чешск. — střevíc.

сербских слуг³³¹. Этимологически слово *бегвьѣ* указывает также и на кусок отрезанной кожи, но позже, вероятно, с XI в., оно уже обозначало низкую обувь, доходящую до щиколотки и подъема, изготовленную из кожи, или из ткани, и в редких случаях из дорогой парчи.

Все эти виды обуви были домашнего производства и вошли в обиход начиная с X столетия. О лаптях упоминает Киевская летопись под 985 г. — богатырь Добрыня говорит Владимиру о пленных болгарях: «и суть вси в сапозех; сим дани нам не даяти; поидем искать лапотников» (Лавр. лет. 3, 82). Древнее чешское предание повествует, что лыковую обувь носил уже Перемысл (Kosmas I, 7).

О существовании у славян низких башмаков говорят и анонимный персидский географ X в., и Кардизи. Упоминание о «черевичах» одновременно с Константином Порфирородным встречается и в русских памятниках: «Повесть временных лет», 993 г. — «преторже черевии руками»; под 1074 г. — «стояше в прабошнях, в черевьях» (Лавр, лет. 3, 189), «Четвероевангелие» 1144 г. — «раздрешити ремене чревьем его» и др. Позже для обозначения грубой сельской обуви славянами был заимствован турецкий термин «постол»³³², а в Чехии возникло слово *škrpál*³³³.

Такая низкая обувь, чаще всего черного или красного цвета, украшенная рядами белых точек или швов, воспроизведена на древних миниатюрах³³⁴. Наряду с ней вошли в обиход башмаки, доходящие до половины голени, с разрезом спереди, которые зашнуровывались или застегивались на пуговицы. Впрочем, простой народ носил лапти из лыка, а не дорогую обувь, приходив-

³³¹ *Konst. Porfyr.* «De administrando imperii» 32.

³³² Русск. постолы, постол, болг. — постал, бостал, серб. — посто, постола, чешск. — *postola*, польск. — *postoł*.

³³³ *Zibrť, Dej. kroje v zemích českých.*

³³⁴ *Lehner. Česk. škola tab. XVI—XXIV.*

шую из Рима и Византии и ставшую достоянием лишь знатных людей и высшего духовенства.

К концу языческого периода славяне имели кроме указанных родов обуви еще и высокие кожаные, покрывающее голень, сапоги и скоры³³⁵. Слово «сапог» возникло из праславянского «*sapogos*»; Соболевский³³⁶ объясняет его происхождение от *sora* (ср. сопел, соп, *sorouch*, сопот), в смысле кожаной трубы. Упоминание о них встречается уже в древних памятниках письменности, так, напр., у Иоанна, экзарха Болгарского, — «Швьц покажет оученнкоу како, резальник дръжаше, резати оусъм и коюгоу дръжаши, шити сапогы»³³⁷; кроме того, в «Остромировом Евангелии», Киевской летописи, «Слове о полку Игореве» и др., причем название «сапог» служит отличием высокой обуви от низкой.

На миниатюрах X—XI вв. князя Святослав, Борис («Беседы Иоанна Златоуста»), Ярослав Всеволодович (на фреске Спасо-Нередицкой ц.), Ярополк («Кодекс Гертруды») и русские воины в «Хронике Монассии»³³⁸ изображены в цветных — зеленых, красных, синих — сапогах с острыми, несколько загнутыми вверх носками.

Дружинники и цари на сассанидских и болгарских блюдах и посуде изображены также в высоких сапогах до колен³³⁹. Это

³³⁵ Чешск. *škorně*, словинск. — *skornja*, *skórnice*, польск. *skórnice*, *skórzen*. В памятниках западных славян «скоры» переводились латинск. *ocrea*. Глоссы к *Mater Verborum* — *scorne* — *ocreas*, *tybialia*, *quae suras tegunt*. Патера и Срезневский. Чешские глоссы, 33.

³³⁶ Лингвистич. и археолог, наблюд. II, 14 и след. стр.

³³⁷ Срезневский. Матер., т. III, 262, 1601.

³³⁸ Стасов. Миниатюры, стр. 75, 91, 92, табл. II—IV. Кондаков. Изобраз. р. кн. семьи, стр. 42, 45—46. В Ипатьевской лет. под 1252 г. читается: «сапози зеленого хъза шити золотомъ».

³³⁹ *Hampel*. *Altertümer III*. 290, 292, 294. Кондаков—Толстой. Русск. Древ. V, стр. 73 и след.

обстоятельство отчасти может служить доказательством, что славяне заимствовали их формы с Востока. Археологические находки дают в этом отношении ценный материал, хотя при описаниях их часто указывают на остатки кожаной обуви в виде отдельных кусков нижней ее части, тем не менее при раскопках находят обувь достаточно сохранившуюся, чтобы судить о ее форме и материале; напр., черевики из Шаргородских могил IX—XI вв. с малыми отверстиями вдоль разреза; на подобную же форму обуви из района Луцка и Вольни указывали Антонович и Мельникова, называя их «башмаками», хотя это название более позднего и турецкого происхождения.

На юге России неоднократно были найдены сапоги и башмаки, обычно сшитые из целого куска кожи, со швом на подошве³⁴⁰, либо сбоку, и загнутыми вверх носками, причем голенища иногда были отвернуты, так же как на византийских фресках Софийского собора в Киеве. Обычно они делались из различной кожи или сафьяна; так, напр., в Шаргороде (Киевской губ.) были найдены высокие красные сапоги. А Черепнин нашел в курганах около Пронска (Рязанск. губ.) полусапожки, сшитые из одного, но вдвойне сложенного куска кожи, причем шов, соединяющий края, был сбоку, а подошва пришита без ранта; верх срезан по направлению к пятке; они стягивались ремнем или шнурком, продетым через отверстия вдоль края. Такая подошва вызвала у Черепнина предположение, что она была сделана специально для погребения, что ходить в них нельзя³⁴¹.

Среди предметов роскоши, ввозимых в славянские земли, следует отметить и сандалии; образцом их может служить сандалия, приписываемая, по преданию, св. Вацлаву, ныне хранящаяся в ризнице храма в Старом Болеславе (Staré Boleslavi); на ней со-

³⁴⁰ Слово «подышва» встречается уже в Повести врем. лет, Переяслав. список. под 993 г. и в Ипатьевск. летоп. под 1229 г.: *Срезневский*. Мат. II. 1071.

³⁴¹ Арх. Изв. и Зам. VI, стр. 13.

хранились следы шитья по коже, романского стиля и остатки восьми шелковых завязок³⁴².

Иногда нижняя часть штанов вверх от обуви обертывалась матерчатой перевязью (вроде тесьмы) или ремнями, что служило не только для лучшего укрепления обуви, но и для защиты в боях части ноги, наиболее открытой при верховой езде; так, напр., на выходном листе «Вольфенбюттельского кодекса» св. Вацлав изображен в виде воина с копьем в руке и обернутыми голеньями. Такие перевязи заменяли собою чулки; впрочем, шерстяные чулки упоминаются уже в XII в. Несомненно, к ним относится древнерусское название — «копытце», встречаемое в памятниках³⁴³, начиная с XI столетия и сохранившееся до настоящего времени в Польше и Моравии, в значении шерстяных носков.

Онучи (общ. слав. опис.³⁴⁴) также заменяли носки и поныне удержались в народном обиходе. Первые свидетельства о них встречаются в «Юрьевском Евангелии» 1119 г., в «Изборнике» Святослава (1073 г.) — «нагаго есть риза, юже ты храниши в ковчезеех, босааго онушта есть», и в чешских памятниках XII в.³⁴⁵

XVI. ПРИЧЕСКИ И МУЖСКИЕ ГОЛОВНЫЕ УБОРЫ

Можно предположить, хотя об этом исторических указаний не сохранилось, что у славян, как у германцев и других их соседей, для неженатых существовал обычай носить длинные волосы, ниспадающие на затылок и расчесанные на темени. Правда,

³⁴² *Pič. Starožitnost. III. 152 и след. 172.*

³⁴³ В житии преп. Феодосия говорится, что он «сядѣше, прядѣи вѣлну на съплетение копытцем», а в Прологе XIV в. — «днесь бос а заутра копытца и калига». *Срезневский. Мат. I, стр. 1282.*

³⁴⁴ Церк.-слав. — онушта, древ.-русс. — онуча, онуща, болг. — навуща, навои, чешск. — опуше, польск. — опуса.

³⁴⁵ *Zibrť. Děj. kroje v zemích českých. стр. 48.*

имеются сведения, относящиеся к концу языческого периода, о моравских и померанских славянах, что они коротко стригли свои волосы и усы, и иногда даже брили³⁴⁶, но эту моду надо отнести за счет чужого влияния — у первых венгерского, а у вторых, возможно, римского, аналогичного тому, какое было впоследствии у поляков. В древности остриженные волосы и у славян были признаком рабства; поэтому в Чехии еще в XI в. стригли волосы слугам, а в «Судной Грамоте» кн. Ярослава определено наказание тому, кто острижет другому волосы или бороду: «Аще пострижет кто кому главу или бороду, митрополиту 12 гривен, а князь казнит»³⁴⁷.

На миниатюрах и фресках князя и народ изображались с длинными волосами; так, напр., св. Вацлав и Болеслав со своей дружиной в «Вольфенбюттельском кодексе», Перемысл с дружиной в капелле в Знойме и др.

Исключением является лишь кн. Святослав, судя по описанию Льва Диакона³⁴⁸: он был среднего роста, с густыми бровями, голубыми глазами и плоским носом, имел остриженную бороду, но густые, длинные, опущенные вниз усы. Голова у него была также острижена, а на одну сторону свисала прядь волос, свидетельствующая об его высоком происхождении; шею он имел толстую, плечи широкие, тело пропорциональное. В этом случае следует отчасти видеть измененную византийскую или восточную

³⁴⁶ Саксон Грамматик сообщает, что идол Свантовит был без усов и как бы с подстриженными волосами, согласно господствовавшей у них моде — *corasse barbe, crines attonsi figurabantur ut artificiis industriam Rugianorum ritum in cultu capitum emulatam putares*. (Изд. Helder, стр. 565); Из жалобы еп. *Theotmar*'а папе Иоанну видно, что *Moimarii Sclavi Ungariorum non modicam multitudinem ad se sumpserunt et more eonim capita suorum pseudochristianorum penitus detonderunt*, *Friedrich. Codex dipl. I, 32.*

³⁴⁷ Голубинский. Истор. р. церкви, т. I, 635.

³⁴⁸ *Leo Diakon*, IX, 11.

моду стричь волосы, или германскую манеру оставлять завязанный узел волос (*nodus*), либо на темени, либо сбоку головы³⁴⁹, что можно объяснить и восточным влиянием (ср. запорожский «оселец» или чуб). Другие характерные прически у древних славян неизвестны, но иногда, как уже отмечалось в чешской литературе, волосы у них заплетены в косы, что встречается и поныне, но только у *detvan'ov*³⁵⁰, которые носят косы, перебрасывая их через плечи на грудь, причем на затылке волосы остаются распущенными; однако этот обычай нельзя считать славянским. Такую прическу имели авары в VI в.³⁵¹, когда пришли к Дунаю и на Балканы и, возможно предположить, что *detvan'ы* сохранили этот древний, чужой обычай.

В настоящее время для великоросса типична длинная борода, малоросса — усы, часть чехов их бреет, для югославян вновь характерны большие усы и т.д., одним словом, нельзя установить однообразную манеру ношения усов и бороды у современных славян, то же самое было и тысячу лет тому назад.

О восточных славянах и русах *Balchi* и *Chaukal* сообщают, что они бреют усы или заплетают их в косы и окрашивают в золотистую краску³⁵².

Как было уже указано, Святослав стриг бороду и носил длинные усы, но другие князья изображены на миниатюрах и фресках XI в. (Ярослав Владимирович, Ярополк и др.) с большой бородой³⁵³.

³⁴⁹ *Tacit.* Germ. 38; P. *Biefikowahébo*. O starožitních ludach z frizura kobiele (Bulletin Krakow. Akad. 1902, 61). Подобные прически имеются у некоторых варваров на памятнике Траяна в Адамклице. *Tocilesco*. Monument, 23, 52, 67, 93—94.

³⁵⁰ Učes Detvanu в ст. K. *Medveckih* в Č. Lidu XVI, 371—375.

³⁵¹ *Theofanes*, под 588 г. изд. Boor, стр. 232.

³⁵² *Гаркави*. Сказания... 221.

³⁵³ В Киево-Софийском соборе князья на фресках без бороды, но роспись была реставрирована, и нельзя ручаться за их правильность (*Кондаков*. Изображ. р. кн. семьи, стр. 39).

Косьма Пражский и Далимил повествуют о чешском народе, о князе Спитигневе (Spytihněv) и епископе Гебгарте, что у них были бороды, причем упоминается, что последний, глядя бороду похвалялся ею, считая достойной императора³⁵⁴. На реалистических изображениях «Вольфенбюттельского кодекса» написаны св. Вацлав с окладистой бородой, молодой Болеслав безбородым, а их приближенные — с длинными, свисающими усами. Перемысл и послы Любуши на фресках в Знойме безбороды; однако на монетах он дан прямолично с бородою, но Смолик считает это изображение за голову Христа³⁵⁵. Саксон Грамматик, говоря о статуе Святовита (Svantovit), добавляет, что «один из его высших жрецов носил длинные волосы и бороду против обычая своей родины».

Все приведенные памятники и исторические свидетельства подтверждают, что к концу языческого периода, в X—XI вв., не существовало единообразия в манере носить усы и бороду. Тем не менее длинные усы и борода были наиболее обычны и вырывание последней строго каралось русскими и сербскими законами того времени³⁵⁶: публичное вырывание или остригание бороды в XI в. было наиболее тяжелой карой, как в Чехии, так и на Руси, где для этой цели существовал особый инструмент пытки, называемый проскепом³⁵⁷.

Мода стричь и брить волосы привилась у славян под чужим влиянием, в особенности римским, и стала отличительным признаком христианина от язычника. Как уже указывалось, бритвы

³⁵⁴ *Kosmas*. II, 33. O Gebhart'e: barbam manu permulcens: certe dixit est ceasare digna.

³⁵⁵ Smolik *České denary*, Praha, 1899 г., 67 и след.

³⁵⁶ Судная грамота кн. Ярослава. *Владимирский-Буданов*. Хрестоматия, I, 62, 221 и «Законник» царя Душана, изд. *Новаковича*, стр. 75, ст. 97: «Кто се обреете искубь браду властелину или добру человеку, да се тому зии обе руце отсеку».

³⁵⁷ Киевск. летоп. под 1071 г.: «И браде ею поторгане проскепом».

Рис. 15. Княжеские шапки Святослава, Ярослава и Бориса с миниатюр, фресок и «Ватиканского Менология»

в погребениях X—XII вв. встречаются очень редко, и поэтому возможно предположить, что волосы и бороду только подстригали, на что указывает и автор жития св. Ядвиги (XIII в.), говоря о Генрихе Польском³⁵⁸.

Головные уборы. Уже издавна мужчины носили меховые шапки — бараньи, куньи, из выдры и друг., так как они лучше всего защищали голову от дождя и снега; у славян они сохранились почти повсеместно и поныне.

Древние шапки делались также из грубой материи и только обшивались широкой меховой опушкой; о том, какой они имели вид, можно судить по миниатюрам и фрескам; так, в «Изборнике» Святослава вся его семья одета в высокие шапки с наушниками, отороченные мехом³⁵⁹. Кн. Ярослав, в Спасо-Нередицком храме, и многочисленные иконы свв. кн. Бориса и Глеба, а равно и народ (по иконописным подлинникам), изображены в шапках, опушенных мехом. Иногда на миниатюрах меховая опушка заменена златотканой, как, напр., у св. Бориса в «Беседах И. Златоуста», что дало повод Прохорову объяснить эту шапку, как летний головной убор. Судя по эмалевым вещам, можно заключить, что иногда на шапках спереди укрепляли, в виде украшения, эгрет или таш из перьев.

³⁵⁸ Barbam ferebat non quidem longam set moderata pilorum precisioine decenter aptatam (Monum. Pol. Hist. IV 519).

³⁵⁹ Наушники отогнуты вверх, но они до сих пор составляют принадлежность высоких малорусских шапок, носящих название — *малахай* или *капелюх*, см. Познанский. Труды XII Арх. Съезда III, 187—188.

На чешских миниатюрах XI в. выступает целый ряд разнообразных шапок; одни из них сходны с только что описанным типом, другие явно отличаются, и можно предполагать, что они являются копией древних образцов, но переданные весьма схематично (рис. 16).

Скорее всего, в те времена у западных славян были особые по форме шапки, отличавшиеся от современных им германских, что явствует из эпизода с Гериманом, который, как уже было указано, принужден был одеть «*pilliolum barbaricum*», т.е. меховую или соломенную шапку, бывшую в употреблении у славян. О существовании у них соломенных шляп до XII в. достоверных сведений не имеется, хотя самая техника плетения соломы была известна издревле, а кроме того, у их непосредственных соседей-германцев плетенные из соломы головные уборы были в ходу уже в X в.; так, в 946 г. войско саксов, численностью в 30 000 чел., имело «*pilleorum ex culmis contextorum*»³⁶⁰.

Наряду с описанными шапками у славян были приняты чужеземные формы головного убора, на что указывает и самое заимствование общеслав. термина «клубук», возникшего из турецк. *kalpak*³⁶¹, обозначавшего шерстяную (суконную) или кожаную шапку.

Скорее всего, это был тот же тип суконной или, в редких случаях, парчовой шапки, отороченной мехом, с коническим верхом, образцом чего служит ценная византийско-восточного происхождения шапка Мономаха.

Волжские болгары, как указывает ибн-Фадлан, носили *kalansuva* и таковую из парчовой ткани с собольим мехом одели на голову умершего вождя русов³⁶².

³⁶⁰ *Vidukind*, III, 2.

³⁶¹ Первоначально это название возникло из турецк. *kalbuk*, древн.-русск. — кльбук, русск. — клубук, малорусск. — клубучина, чешск. — *klobouk*, польск. — *kłobuk*, серб.-хорв. — *klóbuk*, и лишь вторичная форма, значительно позднее, была образована из *kalpak*.

³⁶² *Гаркави*. Сказания... 98.

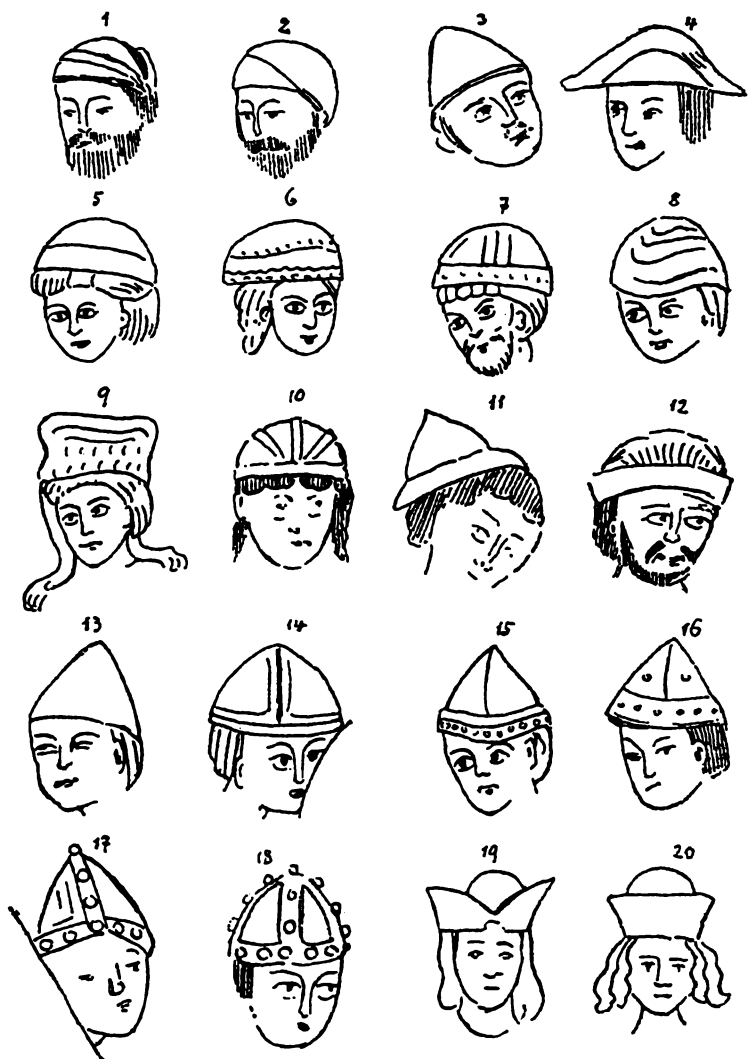

Рис 16. Головные уборы в западных памятниках XI—XIII вв.
 1—2, 14—17 — «Кодекс Краковский»; 3 — «Еван. Пиористское»;
 4 — капелла в Знойме; 5—9, 13, 15 — «Вышеградский кодекс»;
 10—11 — с фресок в церкви Св. Климента в Стар. Болеславе;
 12 — «Святовитский кодекс»; 18 — «Гнезденский кодекс»;
 19—20 — надгробные чешские плиты XIII столетия

Плетеные шляпы, которые делали в XI в. монахи Киево-Печерского монастыря, в памятниках называются клобуками³⁶³.

В древних переводах Св. Писания словом «клобук» передавали греческ. κίβρις или τίβρις³⁶⁴, а в других древнейших памятниках письменности это название служило для обозначения княжеской шапки, обшитой собором³⁶⁵.

Так же было заимствовано и название шапка, шарка, кара; Корш производит его из тюрко-татарского яз., обычно же его считают происходящим от средневекового латин. слова «сарра», откуда создалась франц. форма «chape».

Вообще, о головном уборе имеется мало сведений, а при археологических раскопках почти не было найдено остатков матерчатых шапок; лишь Антонович нашел, в одном из житомирских могильников, возле черепа куски березовой коры, обтянутые остатками шерстяной ткани и с нашитыми на нее стеклянными, золотыми и серебряными бусами³⁶⁶.

XVII. ЖЕНСКИЕ ПРИЧЕСКИ И ГОЛОВНЫЕ ПОКРЫВАЛА

Славянская девушки ходили всегда с непокрытой головой, причем волосы были распущены или заплетены в косы, и обычно они убирала их разнообразными украшениями, ценность которых определялась состоятельностью их семей и была различна для праздничного или повседневного убора. К этим украшениям относятся разные венцы и бронзовые, серебряные и даже золотые бляшки

³⁶³ В Жит. преп. Феодосия: «И руками своима делахуть дело, оволи копыться плетуци и клобуки».

³⁶⁴ Срезневский. Материалы, I, 1223.

³⁶⁵ В «Изборнике» Святослава читается: «На главе же ношаше рекше клобучьць, тиару, дышитиу злату» (121).

³⁶⁶ Ханенко. Древности, V.

различного вида и величины, наборы из которых шли по лбу, затылку, или вплетались в волосы; в особо торжественных случаях они одевали повязки из дорогих тканей или металлические обручи³⁶⁷.

Но, несмотря на все эти украшения, темя и волосы, спадающие назад, оставались ничем не прикрытыми; это было признаком девичества, подобно тому, как для замужней женщины было обязательно ходить с покрытой головой.

Древние фрески и миниатюры удержали и постоянно воспроизвели этот признак, отличающий девицу от замужней. На этом же основании Дева Мария также изображалась с распущенными волосами и непокрытой головой, подобно ангелам, в то время как свв. жены всегда закутаны в покрывало.

Уже было указано, какое важное значение для девушки имело покрытие головы: тот, кто накидывал ей на голову платок или «наметку» (от *namětati*), избирал ее себе в жены, после чего она переставала быть свободной.

Общеславянские термины «покрытка» или «завитка» сохранились для обозначения утратившей свою невинность или забеременевшей девушки.

Женщина, вышедшая замуж, теряла право носить девичий убор и ходить с распущенными волосами. Поэтому становится понятным возмущение, вспыхнувшее в чешском народе, когда в 977 г. старая княгиня Дубравка одела на голову девичий венец³⁶⁸; сурово, подобно насильнику, карался тот, кто срывал головное покрывало с женщины.

Замужние обычно накрывали волосы наметкой (малорус. — намитка, польск. — *namiotek*), увивалом, повойником (чешск. —

³⁶⁷ В этом отношении много интересных находок сделано Мельниковой в районе Луцка и на Волини (Изв. XII Арх. Съезда, стр. 183 и Труды того же съезда т. I, 697).

³⁶⁸ «*Dubrauca... peplum capitis sui deposuit et peullarum coronam sibi imposuit; quoderat magna dementia mulieris*». *Kosmas* I, 27 (Fontes II, 40).

závoj) и убрусом в виде куска белой или цветной плотной ткани³⁶⁹, или же носили чепец. Это подтверждается как археологическими находками³⁷⁰, так и миниатюрами XI—XII вв.³⁷¹, на которых обычно изображается платок, свободно окутывающий голову женщины, с ниспадающими на грудь концами, или дорогое прозрачное «увивало» (вуаль), вначале доступное, как ввозной предмет роскоши, лишь княгиням и знатым людям, и только впоследствии распространившееся среди менее состоятельных классов. В народе же обыкновенно носили простой белый платок, обертывая его вокруг головы, что сохранилось местами и поныне, как, напр., в Болгарии, Македонии и Польше³⁷².

Уже к концу языческого периода, наряду с увивалом или повоем, был в ходу и чепец³⁷³, однако, скрытый под ними, он с трудом различается на миниатюрах.

³⁶⁹ По древнеславянской легенде, св. Людмила носила *увивало*, которое Косьма переводит лат. *perlum* (Fontes II, 144), а *Далимил* как *zawog* (ed. Mourek, 49). В грамоте кн. Ярослава Владимировича от 1195 г. читается пеня на того, кто сдернет с женщины *павой*. (Владимирский-Буданов. Хрестоматия русск. права I, 94); об *убрусе*, как головном уборе, говорят *Савваитов* (Описание, 163) и *Н.П. Кондаков*. Изображ. р. кн. семьи, 113.

³⁷⁰ В могилах находили женские черепа, закутанные в ткани — *Neyman, Zbiór XIV, 74.*, Каталог Историч. музея, стр. 290 и *Pič Starožitnosti III, I, 170.*

³⁷¹ Златотканое покрывало различимо на кн. Эмме в Фольфенбютельском кодексе; увивало и чепец украшают кн. Ольгу в кодексе Гертруды (*Кондаков*. Изображ. р. кн. семьи 16, 31); платок под меховой шапочкой виднеется у жены кн. Святослава, см. выход. лист «Изборника» Святослава.

³⁷² *Кондаков Н.П.* Македония, стр. 39—43. *Маринов*. Жива Старина, II, 23; о Польше см. *Mat. His. Pol. VIII, II, 28* и след.

³⁷³ Старослав. — *ѣрьсъ*, малорусск. — *чепец*, *очипок*, сербск.-хорват. — *ѣрас*, чешск. — *čepes*, польск. — *czerpiec*; *Verneker* (E.W.

В древних могилах были найдены остатки чепцов из плотных тканей и других головных уборов, которые являются прототипами позднейших русских «кик» и «кокошников»³⁷⁴, бывших, скорее всего, византийского или татарского происхождения³⁷⁵.

Трудно точно определить насколько древняя по своему происхождению была словацкая «уводница» (uvodnice), сшитая из двух кусков полотна и вышитая по концам, которую женщины одевали при семейных торжествах, но предание относит ее возникновение к далекому прошлому³⁷⁶.

XVIII. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ОДЕЖДЫ

Вся одежда, за исключением привозной чужеземного покроя или из дорогих тканей, изготовлялась дома, хотя можно предположить, что быстро появились специальные портные и швецы,

143) считает это название местным, славянским, в то время как *Миклошич* указывает на его родство со средневек. лат. *sapa*. Древнерусск. *чепць* *Срезневский* отмечает впервые в памятн. письменности XVI в. В одном из погребений (Шаргород, Киевск. губ.) был найден чепец, сделанный из материи, затканной золотом и серебром.

³⁷⁴ Остатки какого-то деревянного конического предмета на женском черепе найдены близ Канева (Киевск. губ.). Академик *Кондаков* указывает кокошник в виде митры, изображенный на эмалевых подвесках золотых серег Лесковского клада, сработанных в Киеве в XVII в. (Русск. Клады, I, табл. XV).

³⁷⁵ Кика (кичка) — женск. головн. убор, у которого околыш состоял из цки (металлич. или берестян. пластина), огибавшей голову в виде широкой ленты и соединенной концами на затылке. Верх покрывался цветною тканью, а передняя часть набиралась репьями, жемчугами и драг. камнями.

³⁷⁶ *Český Lid* I. 278. «Уводница» — длинный ручник, вышитый по концам, одеваемый женщинами на плечи как шаль, при первом посещении церкви после родов.

обслуживавшие потребности тогдашнего общества. Выражение швьць, швец впервые употреблено Иоанном, экзархом Болгарским, но для обозначения сапожника, и лишь в памятниках XII в. этот термин применяется к портному.

Одежда шилась с помощью грубых игл, что подтверждается археологическими находками, относящимися еще к эпохе до Р.Х.

В приладожских курганах были найдены игольники в виде бронзовых или железных трубочек с колечком для ношения на груди.

Самое слово «игла» общеславянское³⁷⁷. Уже издревле умели чинить порванное платье, о чем свидетельствует такой древний термин, как латка, латати; из «Жития преп. Феодосия Печерского» (XI в.) видно, что у него «одежа... бе худа и сплатана».

В одеждах преобладали беловатые оттенки, так как они обычно готовились из шерсти или полотна домашней выделки; однако это не был вполне белый, но скорее сероватый и желтоватый цвет³⁷⁸, и лишь благодаря стирке и сушению на солнце ткань выбеливалась.

Вообще, беловатый тон можно считать преобладающим в древнеславянском одеянии³⁷⁹. Одежду стирали не только женщины, но и мужчины; уже в грамотах XI и XII вв. упоминается об «ablutores vestium»³⁸⁰. Стирка производилась в проточной воде или реке, вероятнее всего, деревянными плоскими вальками; возможно, что быстро вошло в употребление глаженьё с помощью деревянных или каменных гладил, хотя точных сведений об этом не имеется.

«Светлая», т.е. чисто выбеленная и выстиранная одежда, по источникам XI в., считается праздничной; так, напр., в «Житии

³⁷⁷ Jgъla из праслав, ѡgъla, из чего образовалась jъgъla.

³⁷⁸ Сукно сероватого оттенка называлось ѡей, ѡейна, ѡейка.

³⁷⁹ Лев Диакон, IX, 11 отметил, что кн. Святослав имел белые одежды, отличающиеся только чистотой от окружающих.

³⁸⁰ Erben. Reg. I, 78, 177.

преп. Феодосия» читается: «Одежу славьну и светьлу, якоже е лепо боляром»³⁸¹. Что касается различных отделок одежд, то кроме нашитых украшений и одеваемых драгоценностей уже издревле было введено и вышивание цветными нитями, причем существование этого у славян подтверждается распространенностью вышивок у примитивных народов, вообще, и у их непосредственных соседей, в частности. Косьма Пражский описывает вышитую подушку, находящуюся в палате Любуши³⁸², причем подобные работы уже в то время считались старыми.

Самоковасов нашел куски материи, вышитые квадратами, в кургане у с. Левинки близ Стародуба (Чернигов. губ.³⁸³).

О подобного рода рукоделиях свидетельствует Приск, повествуя, что при дворе Аттилы, девушки, сидя вокруг его жены, вышивали разноцветные узоры по ткани, которая затем шла на украшение одеяний; это известие относится к 448 г., когда, как можно предположить из дальнейшего текста того же автора, славяне были под владычеством гуннов³⁸⁴.

Относительно кружев, в плетении которых некоторые славянские племена достигали большого искусства, исследователи полагают, что это производство было известно славянам уже в X—XI вв., хотя прямых доказательств тому не имеется³⁸⁵. Хвойко нашел куски шитого золотом кружева, относящиеся к X—XII вв., в могильниках Белгорода (Киевск. губ.); кроме того, кружево той же эпохи было обнаружено в Шаргородских погребениях у Василькова, однако этим еще не доказывается местная выработка, так как оно лежало рядом с чужеземной парчой и поясами, затканными золотом и серебром.

³⁸¹ Изд. Филарета, стр. 144.

³⁸² *Kosmas*, I, 4: «in pictis stratis nimis moliter accubabat».

³⁸³ Могилы русск. земли. 209.

³⁸⁴ *Латышев*. *Scythica*, I, 829.

³⁸⁵ *M. Smolková a R. Bíbová*. *Krajky a krajčářství lidu českoslovaského*. Praha, 1907.

О кружеве, как о ценной отделке, упоминает Ипатьевская летопись под 1288 г.: «Увиша и оксамитом с круживом, яко до-стоить царемь».

Наряду с основными беловатыми тонами ткани оживлялись украшениями, различными меховыми опушками, а равно славянами были усвоены и другие цвета; в особенности привился у них красный, причем один из его оттенков — пурпурный — был воспринят под влиянием Византии, где в те времена он имел большое значение³⁸⁶.

Балканские славяне, познакомившись с пурпуром в Византии, заимствовали его для своих костюмов: напр., пурпуровая обувь, короткие плащи македонцев, само название которых — «багряница» — указывает на первоначальный их цвет³⁸⁷. В России «багряница» упоминается в памятниках XI в., как княжеское одеяние³⁸⁸.

Появление в Чехии одежд красного цвета — «*tunika rubra*» — отмечено Косьмою под 1108 г.; об употреблении древними славянами других цветов точных сведений не имеется.

ХІХ. ПАРАДНОЕ КНЯЖЕСКОЕ ОДЕЯНИЕ

Княжеский наряд, особенно церемониальный, который одевали при всяких торжественных случаях, заслуживает особого внимания.

В домашнем быту, на пирах, на играх и во время охоты славянские князья и владыки носили такое же платье, как их народ, только сшитое из лучших и более дорогих тканей.

³⁸⁶ Пурпур был занесен в Италию из греческих колоний Сицилии и быстро распространился в Галлии и Германии (*Schrader. Reallex.* 644).

³⁸⁷ *Кондаков* (Македония, 44—45) относит красный цвет тамошних вышивок за счет византийского влияния.

³⁸⁸ *Срезневский. Мат. I, 38.*

Исторические свидетельства, археологические находки, древние миниатюры и монеты восточных и южных славян обычно не касаются повседневной одежды, но воспроизводят праздничный торжественный убор, который по своему характеру не был славянским.

Княжеские праздничные и церемониальные облачения не только подчинялись иноземным вкусам, но, очевидно, изготавливались в чужих странах и затем торговым путем или в качестве подарков достигали славянских земель.

Известно, что византийские императоры блеском и великолепием своего двора, пышностью и богатством одежд и разнообразием знаков отличий производили неизгладимое впечатление на варварских владык³⁸⁹. Все эти условия легли в основу византийского двора, и именно на них зиждился весь придворный церемониал, на что указывает книга Константина Порфирородного «*De cerimoniis aulae byzantinae*» и более поздняя (XIV в.) книга Кодина «*De officiis*».

Константин Багрянородный, поучая своего сына Романа, указывает, что император, отправляясь в поход или в военный лагерь, должен быть снабжен дорогими тканями и одеждами разного достоинства для подарков чужим народам, причем некоторые одежды были специально заготовлены в соответствии с варварскими вкусами. Этот дипломатический прием чаще всего применялся по отношению к Руси и балканским славянам.

Академик Н.П. Кондаков высказывает мнение³⁹⁰, что церемониальный княжеский убор был точным воспроизведением византийского, и тем опровергает предположения Стасова и Прохорова, которые в нем видели элементы местные и национальные³⁹¹. Разбирая сохранившееся на памятниках XI и XII вв. как

³⁸⁹ Кондаков. Изображ. р. кн. семьи, стр. 54 и след.

³⁹⁰ Изображения русской княж. семьи в миниатюрах XI в.

³⁹¹ Прохоров. Материалы по истории русской одежды. СПб., 1881.
Стасов В.В. Заметки о древнерусской одежде и вооружении. Ж.М.Н.П. 1882 г. Кн. I, стр. 168—196.

отдельные части, так и полное одеяние, он стремится доказать справедливость своего положения³⁹².

Впрочем, нельзя не отметить, что проф. Кондаков в полемике со Стасовым преувеличенно подчеркивает в каждом изображении византийское происхождение русского княжеского одеяния. Между тем неоднократно указывалось, что некоторые части княжеского торжественного облачения были сходны с одеждами, которые носили приближенные, новгородские и киевские купцы, и даже простой люд.

Можно предполагать, что русская шапка, опушенная соболем мехом, была распространена в народе, причем она была скорее восточного, нежели византийского происхождения; равно и кожаные сапоги (даже из цветной кожи) носил простой народ, как сукни и халаты, заимствуя их от хазар, половцев и болгар; известно, что среди народа был в ходу плащ, сколотый на плече, согласно римской моде. Одним словом, большая часть одежд в конце языческого периода настолько проникла в народные массы, что праздничный княжеский убор в своих главных частях мало чем отличался от остальных. Действительно, костюмы семьи Святослава в «Изборнике» не в такой степени византийские, как это хочет доказать Кондаков. В этих одеждах можно отметить заимствования из Византии только в великолепии цветов, в особенности пурпура, присущего императорскому достоинству, в роскоши выделки ткани и, возможно, в покрое и способах изготовления.

³⁹² «Кодекс Гертруды» с изображ. Ярополка Изяславича († 1085), его жены Ирины и матери Гертруды; изображение Ярослава Всеволодовича из Спасо-Нередицкой церкви 1198 г.; изображение князя в рукописи «Слово Ипполита», хранящееся в Чудовом мон.; ряд изображений свв. Бориса и Глеба, начиная беседами И. Златоуста (РКП. Синод. биб. XIII в.), изображение на окладе Мстиславова Евангелия, изображения князей в Мадрид. рукописи Иоанна Скилица Куропалата XIV в. и изображение семьи Святослава в «Изборнике» 1073 г.

Однако на некоторых миниатюрах, которые изображают князей в праздничных одеждах, выступает костюм, который как по общему своему характеру, так и в деталях отличается от рассмотренного и приближается к церемониальному облачению византийского царя: таково, напр., полное великолепие изображение императора Никифора Вотаниата (1078—1081) и его жены Марии в греческой рукописи св. Иоанна Златоуста XI в., или в целом ряде святых на фресках Софийского собора в Киеве.

Общий вид, детали украшений и все инсигнии, одетые на этом наряде, были принадлежностью исключительно одежд царя, деспота и патрицианского костюма Византии; равно и русские князья и княгини в этих торжественных церемониальных одеяниях во многом отличались от народа и даже знати. И в этой части Кондаков прав, когда утверждает, что торжественный княжеский костюм был византийским.

Если собрать все детали, которые встречаются на миниатюрах и фресках одной и той же эпохи, то церемониальные княжеские облачения, согласно академику Кондакову, будут состоять из следующих частей.

Обычным головным убором была шапка, отороченная мехом с верхом из ценной ткани; но в торжественных случаях славянские князья одевали короны, о чем свидетельствуют в X в. ибн-Ростех и Кардизи³⁹³. Образцом для княжеской короны послужила византийская, не только в ее древней форме в виде диадемы (σέφανος), но и в более поздней, времен Юстиниана, стеммы (στέμμα), причем она состояла из металлического обруча с двумя перекрещенными металлическими дугами наверху, на которых укреплялся крест; внутри же ее подбивали разноцветною дорогою тканью.

Академик Кондаков княжескую шапку (клобук) с меховым или золотым околышем, украшенным драгоценными камнями, не считает за чисто русскую или славянскую, а производит ее

³⁹³ *Ростех, Гаркави. Сказания... 266 и Кардизи. Изд. Бартольда, стр. 123.*

от шапки византийского деспота (σχοῦφα, σκιάδιον), которая вообще была распространена в ту эпоху в Западной Европе. То обстоятельство, что она удержалась на Руси, превратило ее в типичный русский убор.

На Руси этому виду княжеской шапки с X в. было придано значение короны, ценным образцом которой служит так называемая шапка Мономаха, возбудившая много споров относительно своего происхождения³⁹⁴. Н.П. Кондаков считает ее византийским изделием XI—XII вв., но добавляет, что вещь была исполнена в какой-то восточной малоазийской или сирийской мастерской, где византийское искусство уже соприкасалось с восточным.

Княжеский плащ — его покррой, богатая ткань, пурпурные оттенки, золотая кайма и горностаевый подбой — также является копией императорского византийского плаща (χλαμύς, χλαρίς, χλαρίδιον, σάγιον, σαγομαντίον), который в VIII—X вв. распространился в Европе и был усвоен, наряду с диадемой, как неотъемлемая принадлежность владыки. Он имел продолговатую или овальную (χλαμύς) форму и застегивался на груди или на правом плече. В таком плаще на горностаеях изображен Ярополк при своем венчании («Кодекс Гертруды»), его же можно различить на иконах св. Бориса (XI в.) и на князьях росписи Софийского собора в Киеве и Спасо-Нередицкой ц. в Новгороде. Этому плащу на Руси было присвоено славянское название — корзно, или византийское — λορφύρα, σάγιον.

Также византийского происхождения была длинная туника, надеваемая через голову, — так назыв. «дивитисий» διβητήσιον³⁹⁵,

³⁹⁴ Анучин Д. Архив. Изв. Зам. V, 163. Стасов В. Миниатюры, стр. 86. Кондаков Н. Изобр. р. кн. семьи. 50; Русские Клады, I, 60 и сл. 75. Русск. Древн., вып. V, стр. 40 и след. Регель В. Anal. Byzant. Russ. СПб., 1891. Красочная репродукция в Древн. Государ. Российского II, табл. 1—2. Академик Соболевский предполагает в ней княжеский клубук (Арх. Изв. Зам. V, стр. 67).

³⁹⁵ О «дивитисии» см. Беляев В. Зап. Арх. VI, 50—56. Позже ему соответствовал царский да́хжос, а в западн. государствах — «далматика».

который можно видеть на изображениях Ярополка, свв. Бориса и Глеба и др. Прототипом ему послужил древний греческий хитон, легкая ткань которого была заменена златотканой парчой. Дивитисий облегал стан, имел разрез до колен, стянутые рукава у запястий «наручами»³⁹⁶, а около ворота шла широкая кайма. В торжественных случаях его первоначально дополняли «лором» (λῶρος³⁹⁷), т.е. драгоценным широким поясом, который был обернут вокруг стана, шел по шее и перебрасывался через руку; позднее придавали еще оплечье, в виде широкого отложного воротника, который уже с X в. считался эмблемой императорского и княжеского достоинства³⁹⁸.

На рукавах дивитисия нашивались роскошные налокотники, аналогичные «наручам», украшавшим запястья; их можно различить на кафтанах Ярополка и Бориса на миниатюре греческой псалтыри (хранящ. в библ. Св. Марка в Венеции), изображающей покорение болгар византийским императором Василием II Болгаробойцем. Одежда стягивалась в талии великолепным, украшенным драгоценными камнями поясом, который на фигуре кн. Ярополка поражает своей преувеличенной шириной. Обычно пояс завязывался так, что концы его ниспадали по бокам.

Княжеская обувь делалась из красного или пурпурного сафьяна и также была типичным признаком византийского царского наряда.

Первоначально этот цвет в Византии был присвоен нескольким высоким особам, но позднее, как свидетельствует Кодин, он стал привилегией императора, в то время как придворные чины носили различные цвета³⁹⁹.

³⁹⁶ О различных названиях латин. и греческ. Для наручий — *arminae*, *perichelides*, *φέλλια*, *πλάτεια* см. *Кондаков*. Изобр. р. кн. семьи, 104.

³⁹⁷ О возникновении и ношении лора см. *Беляев*. *Ibidem*, 213 и след.

³⁹⁸ Об оплечьях и так назыв. русских «бармах», см. *Кондаков*. Изображ. р. кн. семьи, 101; Р. Клады, 158 и Р. Древн. вып. V, 129.

³⁹⁹ *Кондаков*. Изображ., 105. О пурпурной обуви, как признаке царского достоинства см. *Уваров*. Сборник III, стр. 325.

Таково было парадное облачение русских князей, и несомненно, что сербские и болгарские князья также носили одежды, которые были копией наряда византийского деспота и патриция, что можно проследить на фигуре царя Крума в «Хронике Манассии», на изображении царя Иоанна Александра и болгарского царя с семьей в частной греческой рукописи⁴⁰⁰.

Церемониальное одеяние русской княгини, согласно объяснению акад. Кондакова, воспроизводило костюм «опоясанной патрицианки» Византии. Кн. Ирина на миниатюре «Трирской псалтыри» (хранится в Cividale) одета в синюю далматiku с широкими рукавами, стянутыми у запястья; поверх нее одет тяжелый, великолепный лор, украшенный драгоценными камнями, опоясывающий стан и перекинутый через левую руку; он был в Византии также знаком патрицианского достоинства⁴⁰¹. На нем спереди различим плат — *θωράκιον* — в виде овального, суживающегося к низу щита. Торакион носили несколько ниже талии наискось наложенный поверх лора. На той же миниатюре княгиня имеет поверх далматики плащ, сколотый на груди круглой застежкой.

На голове виднеется синее увивало⁴⁰² и поверх него башеннообразная зубчатая корона (*πρὸ πύλων*) с белым покрывалом, опущенным назад⁴⁰³. Эта «прополома», вместе с лором и тораки-

⁴⁰⁰ Стасов. Миниатюры, 49 и след.

⁴⁰¹ Кондаков. Изображ., 106 и Македония, 51; о лоре, как знаке патрицианского достоинства см. 50 главу книги *Константина Порфирородного*.

⁴⁰² Подобное увивало различимо на кн. Ольге в Мадрид. кодексе. Кондаков. Русск. Клады I, рис. 1. Оно же покрывает и головы княгинь в росписях Спасо-Нередицкой ц. и Мирожского монастыря, а равно, на свв. женах алтарного образа церкви в Студенице (Сербия). Кондаков. Изображ., 113.

⁴⁰³ Кондаков Н.П. (Изображ. 109) считает эту корону за признак царского достоинства, котор., однако, позднее стала у варварских на-

ем, составляла принадлежность парадной одежды византийской патрицианки. Красная точка на лбу Ирины обозначает драгоценный камень в очелье диадемы, которая иногда покрывалась увивалом⁴⁰⁴.

У западных славян княжеское облачение менее связано с византийской модой, чем то было у их восточных и южных собратьев; это подтверждается и преданием, что уже кн. Само одевался по-славянски. В конце языческого периода, конечно, и запад. князья употребляли дорогие чужеземные ткани, чаще византийского и восточного происхождения, и в их пределы стали проникать византийские образцы, а у франков со времен Карла Лысого (876 г.) начала преобладать византийская мода.

Вообще, на древних миниатюрах и фресках Запада не встречается одежд, аналогичных и бывших в ходу на Востоке и в Византии; все они короче и легче — место тяжелых, чрезмерно длинных далматик и дивитисиев заступает короткая туника, а некоторые части костюма и вовсе отсутствуют, как напр., сапоги или лор.

«Вольфенбюттельский кодекс», самый достоверный в передаче одежд, реалистически изображает князей в уборе, который был распространен по всей Средней Европе (штаны, короткая туника и плащ) и приближался к народному костюму; в таких же одеждах ходила и знать. На выходном листе этой рукописи передано торжество венчания; однако одеяние св. Вацлава во многом отличается от церемониального облачения кн. Ярополка, изображенного в аналогично знаменательном моменте его жизни. Это различие может быть усмотрено и на других изображениях (св. Вацлав в «Вышеградском кодексе», Мечислав II в «Ordo Romanorum» и Перемысл на фресках в капелле в Знойме).

родов обычно, чисто декоративную часть женского головного убора (русс. кокошник).

⁴⁰⁴ Кондаков (Изображ., 114) предполагает, что с диадемой был соединен малый чепчик, покрывавший волосы.

Вообще можно установить, что западнославянские князья в конце языческого и в начале христианского периода придерживались распространенной по Средней Европе моды, причем в основе ее лежали античные формы. Одежды изготовлялись, сообразно этой моде, из легкого материала, а покрой их не препятствовал движениям, чем они и разнились от современных им тяжелых, сшитых из плотной ткани византийских церемониальных облачений.

Суммируя воедино сведения, имеющиеся о славянском одеянии, можно заключить, что к концу языческого периода оно было весьма разнообразно и до известной степени обще с платьем других народов, так как на него оказала сильное воздействие среднеевропейская мода, в свою очередь создававшаяся благодаря римско-византийским влияниям, а в восточных славянских землях ко всему этому присоединились образцы, заимствованные с Востока, причем это прежде всего относится к состоятельным классам и людям, имевшим сношения с чужими странами. Простой же народ, живший в деревнях, удаленный от городов, и еще более лишенный возможности войти в соприкосновение с иноземной культурой, довольствовался своим исконным одеянием и продолжал носить свою рубаху, штаны и лапти, а в суровое время года еще накидывал меховой плащ.

Невозможно различить, ввиду недостатка как исторических, так и археологических данных, что в древнеславянской одежде было присуще определенной эпохе и местности, что было народным, а что являлось принадлежностью зажиточного класса. Можно только отметить, что в разных областях народ жил своеобразно, а это, конечно, сказывалось и на одежде. Так, поляне были богаче дреговичей, живших в припятских болотах, и это обстоятельство не могло не отразиться на их одежде; равным образом, чехи из Полабья и чехи, жившие по верхнему течению Нитры и Тиссы, разнились друг от друга.

В заключение следует отметить, что ни один современный славянский народный костюм не следует возводить ко временам язычества. Правда, в некоторых горных местностях, напр.,

в Карпатах или на Балканах, многие жители сохранили древние особенности и детали костюма, но, однако, по ним нельзя всецело воссоздать славянскую одежду древнего периода, как это пытается делать prof. Koula⁴⁰⁵, относящий к древности черты несомненно позднейшие.

XX. ЦЕННЫЕ УКРАШЕНИЯ И ПРЕДМЕТЫ ЛИЧНОГО УБОРА

Драгоценные украшения были тесно связаны с одеждой, зачастую составляя ее принадлежность или дополнение, благодаря чему славяне употребляли их в большом количестве для своего личного убора⁴⁰⁶.

В данном случае, чего нельзя сказать об остальных сторонах славянского быта, археологический материал настолько обширен и полон, что можно вполне ясно представить и рассмотреть разнообразие видов драгоценностей и ознакомиться с художественной промышленностью, их поставлявшею. Эти вещественные памятники для более подробного разбора следует разделить на две группы: I — предметы, служившие украшением и вместе с тем практически необходимые для одежды: пряжки, застежки, булавки для скалывания, затем запонки и поясные пряжки; II — предметы, предназначенные исключительно для украшения одежды и тела и не имеющие никакого практического значения; к ним относятся различные головные украшения (диадемы, височные кольца), серьги, монисты и разного вида ожерелья, оплечья, перстни, браслеты и, наконец, различные мелкие бляшки, которые нашивались на одежду.

⁴⁰⁵ Č. Lidu I, 1892, стр. 21 и след.

⁴⁰⁶ Древнего славянского названия не существовало, и до сих пор не установлено, было ли общеславянск. слово *seŭa* именно этим термином, см. Кондаков. Русск. Клады, 173.

Прежде чем перейти к рассмотрению драгоценностей, необходимо кратко проследить их развитие, начиная по крайней мере с римской эпохи, которая внесла большие изменения в эту сторону славянской культуры благодаря огромному наплыву предметов ее производства; а кроме того, составить представление о формах, господствовавших в первые века христианства, затем в эпоху переселения народов, и о связанном с нею германском и восточном влияниях.

Застежки, иглы для скалывания и фибулы. Если платье не застегивалось с помощью петли или пуговицы, то первоначально для закалывания одежды на груди или на плече пользовались прямой иглой. Впоследствии из нее развилась застежка или так называемая «фибула».

На севере к игле добавляли кусок протянутого шнура или металлическую дужку (в виде лука), которые на другой стороне захватывались острием иглы (так называемая «германская застежка»), на юге игле придавали изгиб и на одном конце проворачивали примитивное отверстие или ушко (так называемая луковидная застежка), которая стала характерной для Греции и Италии в конце II тысячелетия до Р.Х. С этого времени фибула (в особенности ее южная разновидность) интенсивно развивалась и уже в римскую эпоху достигла наивысшего распространения по всей Европе.

Возможно предположить, что фибулы еще ранее этого периода проникли к закарпатским славянам, и, хотя редко, но уже в пепелищах Восточной Германии, Чехии и Моравии встречаются фибулы, которые некоторые археологи относят к славянам. С наступлением же римской эпохи, отмеченной крупным производством мелких предметов украшений как в римских, так и провинциальных мастерских, большое количество этих изделий, а вместе с ними и фибула, быстро распространились на север и северо-восток.

Римская застежка была в ходу у славян, и ее появление тесно связано с заменой одного вида одежды другим — когда легкая туника заменила рубашку, а меховое корзно уступило место короткому, легкому плащу. Малые застежки, находимые в могилах времен Р.Х., были предназначены к застегиванию именно таких одежд.

В могилах сожжений римской эпохи (IV в. по Р.Х.), встречаемых в славянских землях — на север от среднего Дуная, на восток от Волтавы, среднего течения Эльбы и нижнего бассейна Одера, до Средней России включительно — фибулы были найдены в большом количестве. В Чехии и Моравии, в так называемой «добржиховской культуре»⁴⁰⁷, затем у лужицких и полабских славян встречаются от наиболее древнего периода (I—II вв.) остатки так называемых «латенских форм», из которых впоследствии развился римский тип застежки, весьма распространенной по всей Средней Европе, и «наугеймский тип», характерный для I в. по Р.Х. Также обильно представлены фибулы римских провинций, так называемые «норицкие» (*Noricum*), обычно состоящие из двух суставов, и реже встречается «галльский тип» с надетой поверх бляшкою, круглою или квадратною, из белого сплава и каймою вокруг лука. Из изделий провинциальных римских мастерских больше всего находят плоские застежки (дощечковидные) кругообразной формы в виде буквы S, свастики и зверей, украшенных эмалью, которая в III—V вв. была заменена в большинстве случаев тонкой двойной «арбалетной» фибулой из бронзы в виде буквы «Т», с более длинной лопатовидной или ромбоидальной пятой.

На Севере, в Полабье и Прибалтийском крае фибулы, лицевая часть которых отличалась широким и плосковидным луком, получили название «вендинских застежек» (от *Vendu*). Первоначально этот тип появился в Северо-Восточной Германии и затем оттуда распространился в пределы лужицких славян, Чехии и

⁴⁰⁷ *Niederle-Buchtela. Rukovět*, 83 и след.

Моравии⁴⁰⁸. К ним приближается другой вид, обычный для более древней «культуры Добржихова» (Dobřichově, Чехия) и на севере, который на лицевой поверхности, вблизи пружины, снабжен двумя выемками или глазками (Augenfibel). Наряду с ними между нижним течением Одера и Вислы в I и II вв. по Р.Х. встречаются арбалетные фибулы с выдающимися суставами, украшенные гранеными колечками, которые в своем дальнейшем развитии, начиная с III в. заканчивались репейком, а по их стволу были расположены проволочные колечки; затем идут застёжки с высокой пятой и, наконец, фибулы с поперечной перекладиной, которые немецкие археологи обычно называют *Sporssenfibel*. На этой же территории в I—II вв. вновь появляется и простая застёжка с пятою, обращенною вниз и при помощи проволоки связанной с дужкою, так называемый *Fibel mit umgewandten Fuss*. Эту разновидность ошибочно приписывали готам, некогда задержавшимся в пределах России. Все эти виды фибул найдены в могилах с трупосожжением и погребением и, вероятно, в известной части принадлежат славянам, так как сравнительно точно установлено, что германцы ушли из Полабья и района Одера между II и IV вв., а славяне поселились не в V—VI столетиях, как это полагают немецкие исследователи, но жили там и раньше, поэтому изделия промышленности, найденные в местных могилах, были в ходу и у славян. Те же фибулы, но представленные беднее, встречаются в Привислянском крае до р. Сан и в районе припятских болот, причем чаще всего находят среди них «норицкие», «арбалетные», «вендинские» и застёжки с «высокой пятой» (рис. 17). Эти же типы распространялись и дальше, вплоть до центра восточного славянства, до Поднепровья. В Киевской губ. в могилах с сожжением найдены простые застёжки с обороченной пятой и «наугеймский» тип, характерный для I в. по Р.Х.; позднее в этом

⁴⁰⁸ O. Almgren. Studien über nordeurop. Fibelformen (Stockholm 1897.)
E. Blüme. Die germ. Stämme und die Kulturen zwischen Oder und Passarge zur Röm. Kaiserzeit (Würzburg, 1912).

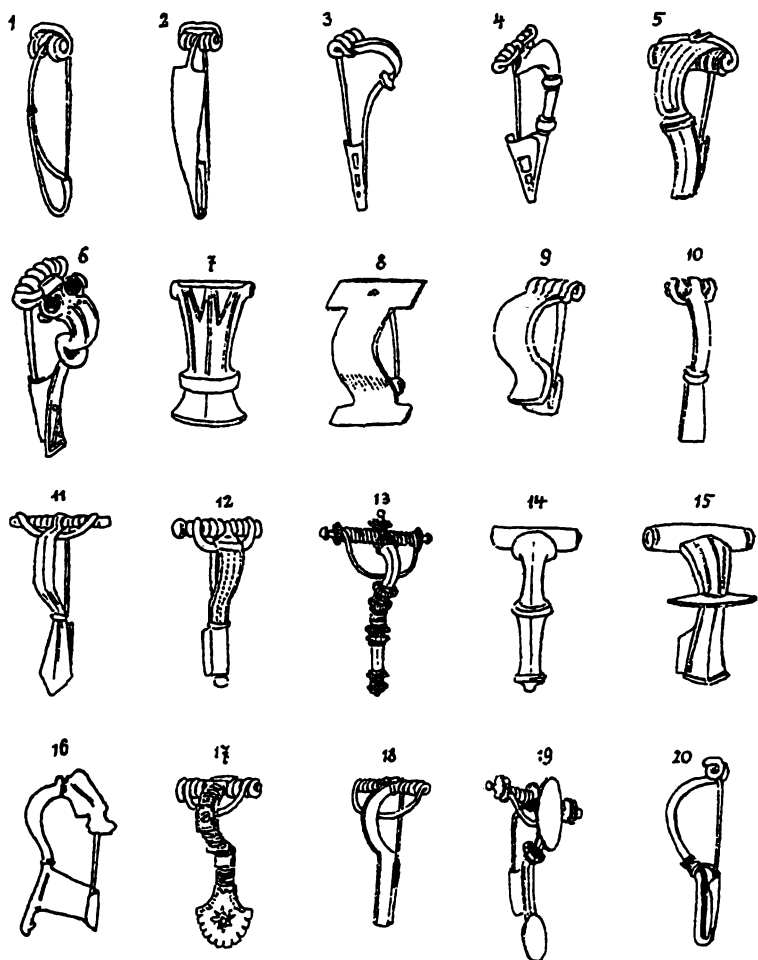

Рис. 17. Фибулы.

- 1 — Из Олива у Гданска; 2 — Зарубинчи (Киевск. г.);
 3—4 — Пичгора (Чехия); 5 — Злив (Чехия); 6 — Пичгора;
 7—8 — Задерсдорф (Лужиц.); 9 — Коморово (Петроков.);
 10—12 — Тшебичка (Чехия); 13 — Долгейм (Пруссия);
 14 — Прзеворск (Галич); 15 — Долгейм; 16 — Псари (Рогатин);
 17 — Варникам (Пруссия); 18 — Долгейм; 19 — Мекленбург;
 20 — Ольвия

крае начали преобладать «арбалетные» фибулы, но только более простой и массивной формы⁴⁰⁹.

Наряду с ними в Черняховских могилах (Киевск. губ.) обнаружен новый тип застёжки, созданный на римской основе и позже (V—VI вв.) украшенный резьбой, филигранью или «звериным» орнаментом.

В области Дуная и Южной России на их развитие оказала влияние германская и готская индустрия. Одновременно с этим орнамент включает в себе и восточные мотивы, и вводятся украшения в виде инкрустаций драгоценными камнями, главным образом альмандинами (гранатами). В V—VI вв. этот тип фибул настолько возобладали в Средней Европе, что начал вытеснять старые формы. Резьба этих украшений становится более сложной, и, наконец, в VII—VIII вв. появляется известный зооморфический орнамент, сплошь составленный из звериных плетений⁴¹⁰. Однако подобных фибул найдено меньше, так как они никогда не были предметом массового изготовления мастерских, а кроме того, и производительная сила в эпоху переселения народов и в ближайшие к ней времена значительно пала, в силу чего существуют районы, куда эти богатые застёжки вовсе не проникали, напр., в Пруссию (очевидно, и в Литву), которая со времен римского периода стала центром своеобразной промышленности, внося изменения, усложняя украшениями старые типы и создавая ряд новых германских образцов⁴¹¹.

В погребениях V—VIII столетий, поскольку их можно считать славянскими, находки изделий промышленности и ценных украшений очень редки, чем доказывается общий культурный

⁴⁰⁹ *Хвойко*. Зап. Арх. XII, 1—2 табл. 19, 20, 23 и *Ханенко*. Древн. Приднепров. IV, табл. 13.

⁴¹⁰ *Riegel*. Kunstindustrie и *Hampel*, Alterthümer, I, 773—788.

⁴¹¹ *Door*. Die Graberfelder auf dem Silberberge und bei Serpin. Elbling, 1898.

упадок, вызванный эпохой переселения народов; за эти века славяне не выработали ничего оригинального и пользовались лишь предметами римской, византийской или прусско-литовской промышленности, которая в это время была в расцвете, или изделиями франкских и восточных мастерских.

В могилах с трупосожжением в Чехии и Моравии в период от V до VIII в. подобных украшений не найдено; равным образом, бедна находками и Галиция.

Нельзя отрицать существование славянской культуры в Венгрии (поскольку историей выяснено их пребывание в этой стране), наряду с другими, в особенности сармато-аварской, и не отметить находок позднего типа арбалетной фибулы, затем простой с обращенной вниз пятой, и плоской округлой формы (дощечковидной), наравне с новыми готскими вещами, орнаментированными лучеобразно, изображениями птиц, иной резьбой и инкрустациями, которые были предметами ввоза или служили образцами для подражания⁴¹².

В области полабских и польских славян находки изделий промышленности, относящихся к периоду V—IX столетий весьма скудны, и случайно обнаруженные единичные экземпляры определяются вещами римско-германского или литовского типа. Относительно восточных славян для этого периода хронологически точно датированных как поселений, так и могил мало, и тем не менее в этой области встречается достаточное количество вещей, сходных по стилю с вышеописанными украшениями. В Южной России в изобилии попадаются первичные и богато развитые формы романо-германского типа, наряду с древней застежкой с изогнутой пятой, что и дало повод к возникновению гипотезы о южнорусском и готском происхождении этого типа.

В эту эпоху готы населяли крайний юг, и в их могильниках в Гурзуфе (Крым) найдены вещи, свидетельствующие о том,

⁴¹² *Hampel. Alterthümer*, I, 308, 331.

насколько богата и развита была у них художественная промышленность в VI—VII вв.⁴¹³.

Однако вещи того же типа найдены и в остальной России, и в особенности в Приднепровье, в то время еще всецело славянском⁴¹⁴.

У восточных славян был еще один культурный центр, пределы которого точно не установлены, где возникла и утвердилась своеобразная форма фибул, обычно в виде треугольников с геометрическим орнаментом и с прорезною лицевой пластинкою, украшенною в углублениях эмалью, чаще красного, реже синего и зеленого цвета. По месту находки этих фибул в Мощинском городище (Калужск. губ.) данный тип получил название «мощинского»⁴¹⁵. Откуда приходили эти ценные украшения, точно определить нельзя, но можно предполагать, что центр их производства был на западе у Балтийского моря, в литовско-латышском крае.

На Руси, именно в этом районе, появляется эмаль, которая была характерной для Кавказа, где выработка ее развивалась под римско-византийским влиянием, благодаря чему А. Спицын⁴¹⁶, хотя с некоторой оговоркой, считает область алан местом происхождения мощинского типа фибул. Однако их форма, и в особенности типический вид, хотя и измененной древней балтийской застежки, которая в них проступает, и, наконец,

⁴¹³ Репников Я.И. Некоторые могильники области крымских готов. Изв. Археолог. Ком. XIX, 1906, 1—80 стр.

⁴¹⁴ Спицын А. Древности Оки. Зап. Арх. Ком. V, 1—2, 136, 142. Толстой—Кондаков. Рус. Древ. V. 71, 72, 146.

⁴¹⁵ Бульчев Н. Отчет Арх. Ком. 1889, 89 и Журнал раскопок по части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. Москва, 1899. *Baron de Baye. Les bronzes émaillés de Mostchina. Paris, 1891. Кондаков—Толстой. Русск. Древ. Вып. V, 54.*

⁴¹⁶ Спицын А. Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Арх. 1903, V, 149, глав. образ. 169 стр. исслед.

статистика находок, составленная самим Спицыным, указывает на Прибалтийский край, как на центр их выработки.

Во всяком случае, этот тип не славянского происхождения, но был весьма распространен по рекам Неману, Двине, Оке и в киевских пределах в VI—VII вв.

В VIII и последующих столетиях для всей Европы наступает полный упадок в производстве застёжек. Она удержалась лишь в некоторых местностях или употреблялась в единичных случаях, как принадлежность церемониального наряда.

В богатых классах она утратила свое практическое назначение, так как трудно было прокалывать ценные и плотные ткани, которые именно в это время начали распространяться по всей Европе благодаря усилению восточной и византийской торговли. Простой же люд довольствовался обычного вида пряжкой, пуговицей или завязывал свои одежды с помощью шнура, пропущенного через петли.

Наступает период петель и завязок, что подтверждается миниатюрами X—XI столетий, где на княжеских одеждах можно различить, наряду с круглыми, ценно изукрашенными фибулами и пряжками, петлицы, петли и аграфы, посредством которых застегивались их облачения⁴¹⁷, напр., у Вацлава и Болеслава в «Вольфенбюттельском кодексе», у Святослава в «Изборнике», и на некоторых иконах Бориса и Глеба.

Наиболее бедно застёжками в эту пору западное славянство. В районе между Эльбой и Вислой встречаются единичные находки тисненых и штампованных фибул (по преимуществу плоских и круглых форм), в Чехии и Моравии они вовсе отсутствуют.

Чаще застёжки можно встретить в Придунайском крае и в пределах альпийских земель, где римское и византийское влияние сказывалось сильнее, чем на севере. В эту эпоху Венгрию наводнили авары и мадьяры, не употреблявшие застёжек или

⁴¹⁷ *Lehner. Česká škola*, Tabl. 8, 13, 22. *Прохоров*. Христианск. Древности, I, стр. 100, 110.

пользовавшиеся фибулами лишь в виде исключения. Они также отсутствуют в известных хорватских могилах Сев. Далмации, несмотря на богатство и разнообразие драгоценностей, в них найденных. Зато в Восточных Альпах в то же время образовался центр, где в большом ходу были кругловатые застёжки, украшенные по лицевой поверхности цветною эмалью и которые, по месту находок, в Кетлахе (Kettlach), названы «кетлашским» типом⁴¹⁸ и по различным признакам считаются относящимися к IX—X вв. по Р.Х. Вероятнее всего, что этот вид выработался из досчатовидной застёжки римской императорской эпохи, но был украшен растительным и звериным орнаментом и эмалью белого, желтого, зеленого, красного и черного цветов. Хотя место происхождения этих украшений до сих пор неизвестно, однако можно предполагать, что они выходили из франкских мастерских, или даже изготовлялись по их образцу где-то на славянской территории, подобно тому, как уже было отмечено для Прибалтийского края, и одновременно начали развиваться в Киевской области. В том же районе, наряду с застёжками кетлашского типа, был обнаружен еще и другой вид, тоже кругловатой формы, но несколько больших размеров, причем они состояли из бронзовой или серебряной пластинки, украшенной тисненым или чеканным геометрическим орнаментом, а иногда, в углублениях, и разноцветными стеклами, которые при помощи беловатой массы (гипс) прикреплялись к оборотной части, снабженной иглой.

Этот вид застёжки удержался в Альпах, встречается в различных погребениях Венгрии и распространился на север вплоть до Балтийского моря.

У восточных славян, очевидно, не возникло никакого собственного, местного типа фибул. В конце языческого периода

⁴¹⁸ *Reinecke. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mitteilung der Anthropolog. Gesellschaft in Wien XXIX, 46 и след.). Otto Tischler в Sitzungsber. Anthropol. Gesellschaft. Wien 1890, стр. 88 и след.*

они их еще не знали и не носили, лишь изредка к ним попадали единичные экземпляры, доставляемые из соседних земель торговым путем; обычно же они употребляли лишь пряжки.

В IX—X вв. Скандинавия начинает в массе поставлять для восточных славян разного вида пряжки, застёжки и фибулы; из этого центра, очевидно посредством варягов, приходили в X в. на Русь большие, богато изукрашенные чашечные и скорлупообразные фибулы, но они мало привились в славянстве, и возможно, что могилы, где таковые были обнаружены, в большом количестве принадлежали варягам. Эти фибулы разделяются на несколько видов; чаще всего встречаются бронзовые овальные чаши, наподобие ореховой скорлупы, с литой, сильно профилированной поверхностью, украшенной орнаментом позднего норманского стиля в виде сложных плетений⁴¹⁹. На меньших застёжках кругловатой или иной формы (например, в виде дубового листа) украшения были штампованные. Такие фибулы носили на груди или на плече обычно попарно и соединенные цепочкою. Возможно, что к ним прицепляли богатые подвески из цепочек, какие известны по находкам в ливонских погребениях, а также из Люцинского могильника⁴²⁰. Они были распространены от Финляндии и Ливонии через Южное Приладожье, во Владимирской, Ярославской, Рязанской губерниях, а на юге доходили до Смоленской и реже попадают в Киевской губернии⁴²¹.

Наиболее характерные формы были найдены в Гнездовском кургане X в. и в Михайловском могильнике, Ярославской губ. того же времени.

⁴¹⁹ *Montelius. Kulturgesch. Schwedens, ero же Antiquites suédoises. Stockholm, 1873—1875, 156 и след.*

⁴²⁰ *Bähr. Gräber der Liven (Dresden 1850), tab. II, 5; III, 2; IV, 1; 1, 3, 4. Люцинский могильник, табл. IV—V и X.*

⁴²¹ *Брандербург. Кург. Приладожья 29, 32, 79 и табл. I, 1—3; II, 10. Сизов. Смоленск. кург. 35 и след. стр.; табл. I, V, 20 и XII, 3.*

Центром производства этих фибул был, скорее всего, остров Борнгольм (Bornholm)⁴²², но среди гнездовских и ладожских находок отмечены вещи более грубой работы, что дает возможность предположить их изготовление на Руси по скандинавским образцам.

Другой вид скандинавских застежек, существовавший в ту же эпоху, попадает в России значительно реже; зато из северных областей они проникали и к западным славянам. Этот тип фибулы имел форму трилистника с растительным, стилизованным орнаментом; их единичные находки отмечены в России, затем далеко на западе, в Чехии и Северной Венгрии, но по преимуществу они были распространены во франкских владениях⁴²³.

XXI. БУЛАВКИ, ИГЛЫ, ЗАПОНЫ, ПРЯЖКИ И ПОЯСНЫЕ УКРАШЕНИЯ

В некоторых местностях наряду с фибулами сохранились, но в небольшом количестве, прямые булавки, которыми пользовались не только для скалывания одежд, но и для украшения волос. В эпоху до Р.Х. они типичны для пепелищ лужицкого и силезского характера; начиная с римской эпохи к старой форме булавки присоединилась новая — римская, с продолговатой граненой или резной головкой. В V—VIII вв. ими еще продолжали пользоваться для закалывания одежд, это подтверждается тем, что некоторые фибулы соединены цепочкой с булавкой; особенно обильны подобного рода находки в Прибалтийском крае. Большое

⁴²² Толстой—Кондаков. Русск. Древ., вып. V, 55, 61, 147. *Vedel. Recherches dans Pile de Bornholm* (Mém. Soc. des Ant. du Nord, 1890), и *его же Efterskrift til Bornholms Oltidsminder og Oldsager*. Копенгаген, 1897.

⁴²³ *Reinecke. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters*. Wien XXIX, 1899 и *Antiq. tidskrift för Sver.* 1890, 82 и след.

разнообразие в формах и разделке булавок существовало в этот период в районе Дуная, что видно из находок. В более позднее время на славянской территории они совершенно исчезают, как и фибулы, уступая место пряжке, пуговицам и завязкам. В IX—XI вв. булавки встречаются очень редко и лишь только в Северной России, где они были предметом ввоза из Скандинавии и литовско-финского района или случайно сохранились от более древней эпохи.

Запоны и пряжки. В более поздние времена пряжками пользовались значительно больше, чем фибулами. До римской эпохи существовали только «запоны», т.е. две металлические пластинки, из которых одна, снабженная крючком, вкладывалась в прорез или ушко другой. С наступлением римского периода их вытеснила пряжка, состоящая из металлической рамки с иглой, прикрепленной к одежде таким образом, что пояс продевался через эту рамку и закалывался иглой⁴²⁴. В течение I тысячелетия по Р.Х. на славянской территории сосуществуют запоны и пряжки, но первые в небольшом количестве.

В римскую эпоху запоны обычны языковидной, удлиненной формы или с массивными литыми пластинками древнего римского типа. В Венгрии в так называемых «сарматских могилах» найдены запоны, состоящие из двух круглых пластинок, украшенных на лицевой стороне стеклянной массой, причем одна из них снабжена крючком, а другая ушком, которые и служат им скрепом⁴²⁵. В IX—XI вв. встречаются на Руси (наприм., в Гнездовском могильнике), лишь отдельные экземпляры запон, разделанные в типичном северном, норманском вкусе, имеющие две пластинки, одну с четырехугольным или кругловатым отверстием, другую с крючком.

⁴²⁴ J. Mestorfová. Entstehung der Schnalle, 1884, 27.

⁴²⁵ Hampel. Alterthümer, I, 337, 339 и след.

Среди славянских находок поздней эпохи имеется много и тонко сработанных малых запон, которые служили для застегивания шейных украшений и ожерелий из различных стеклянных и металлических бус и даже гривн, витых из проволоки.

В римскую императорскую эпоху в Северной Чехии обычные застежки⁴²⁶ в виде буквы S, единичные экземпляры каковых обнаружены также в Северной и Средней Руси, но в могилах точно не датированных.

В конце языческой эры чаще всего встречается застежка у ожерелий наподобие растительного листа из серебра, или продолговатого ромба, или спиралевидно загнутого крючка.

Не ранее XII в. появляются аграфы полуовальной формы, украшенные жемчугом и заканчивающиеся двумя ушками; они наиболее известны по русским кладам XII—XIII вв. и были восточного или даже сирийского происхождения⁴²⁷.

Пряжки. Римская пряжка раньше всего проникла в придунайские провинции и оттуда уже распространилась на север.

Первый, наиболее древний, тип очень прост — несколько огранный кружок с шипом. Таковы были «помпеянские» пряжки I в. по Р.Х.⁴²⁸, которые сохранились вплоть до Средневековья (до X—XI вв.), наряду с осложненными формами. Их рамка переходит от кольцеобразной, эллипсовидной формы к четырехугольнику или прямоугольнику и лишена какой-либо орнаментации. Археологические данные подтверждают, что ими пользовались не только для застегивания одежд и поясов, но также для обуви, подвешивания мечей и для конского убора. Уже со II в. по Р.Х. пряжка несколько видоизменилась; к ее ребру, на котором укреплялась игла, была присоединена плотную или на шарнире

⁴²⁶ *Pič. Starožitnosti*, II, 3; III, 125 (табл. 82, 11, 84, 16); III, 51 (табл. III, 10. 11).

⁴²⁷ *Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 109, 114, 116. Клады т. I, 132 и табл. IX.*

⁴²⁸ *Riegel. Kunstindustrie*, I, 159. *Hampel. Alterthümer*, I, 288 и след.

металлическая пластинка, так называемый «наглавник», который стал украшаться орнаментацией первоначально римского стиля; ее находят в Придунайском районе, в Чехии, Моравии, Польше, и даже в Киевской губернии.

Меровингская эпоха от V до VIII в. была временем наибольшего развития пряжки. Прежде всего наблюдается утолщение рамки, шипа и появление выпуклой орнаментации, составленной из зооморфических мотивов⁴²⁹, инкрустации, а также и резьбы. Одновременно развился и наглавник, причем ему придавали не только различные формы в римском или римско-германском стиле, но с противоположной стороны рамки сделали аналогичное ему добавление, так что самая пряжка была заключена между двумя пластинками одинаковой формы и орнаментации. Иногда язычок оказывался на средней пластинке между двумя наглавниками. Различного рода перемена подвергся и самый шарнир. Этого рода пряжки в районе Дуная могут быть датированы от VI до XI столетия.

В IX—XI вв. употребление пряжки было весьма развито у славян; сверх обычного применения она начинает заступать место исчезающей фибулы и появляется на плече, груди или шее, служа застежкой для одежды. Ее внешний вид совершенствуется, приобретая новый, оригинальный характер.

Древнее название пряжки неизвестно, но можно предполагать, что у славян был в ходу местный термин пряжка от церков.-слав. прашти⁴³⁰, так как он распространен по всей их территории.

Это новое применение пряжки и связанное с ним относительное развитие ее подтверждается археологическим материалом.

⁴²⁹ С V в. конец шипа переходит в звериную голову. На украшение пряжек оказали своими вещами влияние и готы. См. *Götze. Gotische Schnallen*. Berlin, 1907.

⁴³⁰ Русск. — пряга, пряжь, польск. — *przaczka*, сербск. — пречица, слов. — *progla*.

В Чехии пряжка вообще очень редка, равно как и в некоторых районах восточного славянства (Харьков. губ.) их не было обнаружено при раскопках. В то время как в области радимичей женщины носили по две пряжки на груди, а мужчины сверх того и на поясе, на Волыни, где пряжки вообще редки, Антонович нашел их у воротников⁴³¹.

На севере России, как у женских, так и мужских скелетов поясные пряжки редки (Гатчина, курганы XI—XII в.); зато в изобилии встречаются круглые пряжки на груди и на плече⁴³². Равным образом в большом количестве они были найдены в Гдовских и Приладожских курганах. У южных славян были обнаружены только маленькие пряжки у ремней.

В общем, к концу языческого периода пряжка не была у славян излюбленной застежкой, так как они предпочитали петлицы и пуговицы. Не привилась она и у пояса, который обычно был матерчатый и завязывался узлом. Ременные пояса употреблялись главным образом для поддержания штанов и весьма редко попадают при раскопках; кроме того, в то время славянам не были известны широкие кожаные пояса (опаски), которыми подпоясываются жители Карпат, стягивая их при помощи целого ряда пряжек⁴³³.

Территория западных славян бедна не только количеством, но и формами пряжек. В Чехии, Завислянской Польше и в районе между Вислой и Эльбой находки пряжек единичные. Лишь в поздних могилах Ганноверской области (XIII в.) найден особый вид круглых пряжек, возникших, скорее всего, под влиянием балтийских форм.

В IX—XI вв. в районе Дуная находки пряжек в венгерских могилах очень немногочисленны; в других погребениях (которые

⁴³¹ Спицын А. Радимич, курганы, 99. Антонович. Труды XI Арх. Съезда, т. I, 139.

⁴³² Спицын. Кург. Петербургск., 23, 26, 27.

⁴³³ J. Koula. Č. Lid., I, 476.

Гамием называются «сарматскими») их несколько больше, но все они малы и, вероятно, местного производства⁴³⁴. В богатых могилах Сев. Далмации были обнаружены маленькие пряжки как необходимая принадлежность узких ремней, но в больших могильниках Хорватии они уже встречаются очень редко.

Совершенно иную картину в этом отношении представляет славянский восток.

В России с VIII—XI вв. существовали простые бронзовые или железные пряжки, причем их различие заключалось в форме рамки с ровной, выпуклой или вогнутой поверхностью и ее разделке в виде граней или нарезов. Рядом с ними отмечены, как типичные для некоторых областей, бронзовые пряжки с прорезными наглавниками, соединенными в одно целое с рамкой.

Для России в X—XI столетиях это была в некотором отношении местная, славянская форма, встречаемая на Воляни, в губерниях Смоленской, Черниговской, Минской, Петроградской и в Приладожье, откуда через Тверскую, Ярославскую, Московскую и Владимирскую губернии она распространилась до самого Урала⁴³⁵ (рис. 18).

Кроме этого в России многочисленны находки пряжек в виде кольца, причем его концы так сведены, что язычок не может выскользнуть из круга. Таких подковообразных пряжек несколько разновидностей, и преимущественно ими скалывали одежду на груди или на плечах. Хотя их происхождение не вполне установлено, но, вероятнее всего, они были занесены из чужих стран — отчасти от германцев, финнов, литовцев, а отчасти от болгар.

⁴³⁴ *Hampel. Idem*, I, 302, 305—306, 792.

⁴³⁵ Труды XI Арх. Съезда, I, 502, табл. VII, стр. 28, 29, табл. VIII; Летопись Южной России, 1904 г. 165, 167, 181 (для Воляни). *Спицын*. Радим. кург. 100, табл. IV (Черниговск. губ.); *его же* — Кург. Петербургск. губ. табл. VII и XV; *его же* — Кург. Гдовские и *Бранденбург*. Кург. Приладожья. 35, табл. VI.

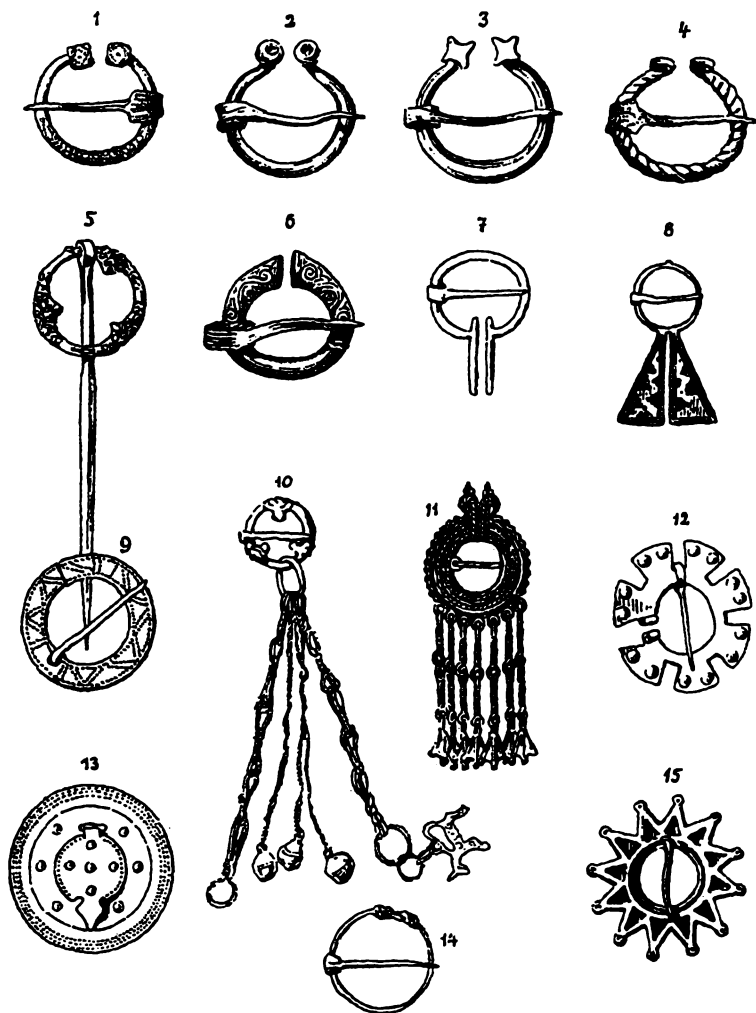

Рис. 18. Пряжки.

- 1—4 — Петербургск. губ.; 5 — Киев (стар. гор.); 6 — Петербургск. губ.
 7 — Тамбовск. губ. (Лядинск. мог.); 8 — Муранка (Симбирск. губ.);
 9 — Петерб. губ.; 10 — Приладожье; 11 — Тамбовск. губ. (Ляд. мог.);
 12 — Кузьминское (Рязань); 13 — Ляд. мог.; 14 — Приладожье;
 15 — Чернигов. губ.

К группе пряжек северо-западного (литовского, скандинавского и финского) происхождения относятся:

I. Массивные подковообразные формы, на концах которых укреплены круглые пластинки, часто покрытые эмалью, в центре подковы иногда вделано рельефное украшение в виде куба, креста или ромба. Их можно сблизать с описанными уже вещами мощинского типа, и местом их возникновения скорее следует считать Прибалтийский край, а не поселения алан, на что указывает А. Спицын⁴³⁶. Это наиболее древний тип, распространившийся к IX в. по всей Руси.

II. Подковообразные пряжки, концы которых сплющены в виде кубиков. Они, вероятнее всего, балтийского происхождения, и особенно характерны для района Двины и Приладожья. Вместо кубиков концы иногда сделаны в виде приподнятых вверх полушарий, или загнуты спиралью наподобие буквы S, или звездообразны. Большинство этих пряжек относится к X—XI столетиям, но в Балтийском крае они удержались до XIII—XIV вв.

III. К этой группе относятся пряжки весьма распространенные и составляющие особый тип; они также имеют форму подковы с гладким, чаще резным или витым кругом, концы которого загибаются вверх, образуя завиток или ушко. Этот вид распространен не только на Руси у славян, но и у их соседей. Однако до сих пор не выяснен вопрос об его происхождении, которое, по всей вероятности, не славянское и идет из того же центра, откуда и вся группа подковообразных пряжек. Возможно, что витой круг появился в более позднее время (XII в.).

IV. Пряжка-подкова с гладкой или орнаментированной поверхностью, конически утолщающейся по концам, была найдена в Литве, в Прибалтийском крае, в Люцинском могильнике, и встречается в славянских курганах Петербургской губ.⁴³⁷.

⁴³⁶ Предметы с выемчатой эмалью. Зап. Арх., V, на стр. 163 — 185.

⁴³⁷ Спицын. Петербургск. кург., 25, подраз. 11.

V. Мелкие подкововидные пряжки, концы которых образуют две параллельных поперечины или же два удлинённых треугольника, осыпанных зернью.

Эти виды чаще всего обнаруживаются в финских погребениях Поволжья и были употребляемы (числом от 1—5) для застегивания одежды на груди и по стану⁴³⁸. Финны, черемисы и латыши пользуются ими еще и поныне.

Кроме только что описанных пряжек, у славян найдено еще несколько разновидностей: большая круглая пряжка в форме тонкого щитка с круглым или овальным отверстием, которое закрывается вырезною крышечкою с язычком, сходная по типу с находками Лядинского могильника (Тамбовск. губ.). Вероятнее всего, они были азиатского происхождения; академик Кондаков отмечает находки их в алтайских курганах. Подобные застёжки носят жители Средн. Азии еще и до настоящего времени. Не менее интересна форма пряжек, имитирующая шнурок, финского происхождения. Они возникли из соединения и сплетения отдельных шнурков, которые затем покрывались бронзою и послужили прототипом целой группе бронзовых украшений, в виде подвесок и ряси, создавшихся у поволжских финнов.

В Приладожье найдены пряжки, концы которых настолько тесно сомкнуты, что образуют круг. Они украшены по плоской поверхности резным или выпуклым орнаментом; их язычок укреплялся в самом ободе или был загнут вокруг кольца. С ними сходен тип, где кольцо пряжки имеет зубцы (рис. 18, пряжки 9, 10, 12, 15).

Кроме Приладожья они обнаружены в Гнездовском кургане и в Киеве (Старый Город); аналогию им еще находят в Скандинавии. В землях радимичей в этот период становится типичной

⁴³⁸ *Ястребов*. Лядинский могильник, 7, 26, табл. VIII, XIV XV; *Гр. Уваров*. Древности, XIV, табл. V, VII. *Толстой—Кондаков*. Русск. Древ., V, стр. 76, 94, 99.

звездообразная пряжка; единичные находки ее были отмечены в Петроградской губ. и в Люцинском могильнике.

В Киевской летописи под 945 г. читается, что древлянские послы, пришедши в Киев к Ольге, «сediaху в перегибех в великих сустугах гордящися» (Лавр. лет. 3, 55), и что означают «сустуги» — неясно, но позднейшее значение слова встуга, встуг (ремень) указывает на пряжку или запону; Ястребов отмечает, что мордва и поныне нагрудные украшения называет «сустугами»⁴³⁹.

Поясные украшения. Наряду с пряжками следует остановиться и на остальных поясных украшениях, которые часто как по материалу, так и по стилю неразрывно связаны с нею, составляя как бы одно целое и являясь изделием одной мастерской. К ним принадлежат металлические наконечники, различные бляшки, которыми набирался пояс по всей длине, и, наконец, кольца, соединявшие отдельные его части или служившие для привешивания меча, капторги и проч.

Для этой цели обыкновенно употребляли бронзовые или серебряные пластинки с тисненным или рельефно отлитым орнаментом, с теми же разнообразными мотивами, которые были отмечены на пряжках и впоследствии будут попадаться на других ценных украшениях. К наконечникам пояса присоединяли и наглавники, аналогичные тем, что присоединялись к пряжке; их украшали растительными разводами и зооморфическим орнаментом скандинавского, византийского и восточного стиля. По поясу нашивались или прикреплялись многочисленные квадратные, круглые, ромбоидальные, сердцевидные, звездообразные и др. мелкие металлические пластинки, столь разнообразные по мотивам орнамента, что их нельзя свести в какие-либо определенные

⁴³⁹ Лядинский могильник, 24. Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 79.

группы. Примером такого разнообразия может служить набранный украшениями пояс, найденный в Гнездовском могильнике.

Богатые славяне носили великолепные пояса с нашитыми на них серебряными и золотыми украшениями, что подтверждается историческими свидетельствами, относящимися к X—XII в. До сих пор не вполне выяснены отдельные части пояса, и можно только предполагать, что с помощью колец к нему привешивали меч, ножи, огниво и капторги с различными мелкими вещами. В этом отношении интересна небольшая бронзовая фигурка, найденная в Полтавской губ. и, для сравнения с нею, пояс из Люцинского могильника (Витебск. губ.).

Иногда поясной ремень продевался через металлические кольца, поделенные расходящимися от центра спицами, которые помимо декоративного назначения заменяли собою пряжки. Они найдены в Петербургской губ., других местностях России и даже на юге, но происхождение их, скорее всего, готландское⁴⁴⁰. На севере подобные кольца были обнаружены как принадлежность конского убора.

Ременные пояса иногда украшались подвесками и цатами, которые при движениях тела звенели и бряцали. Такие пояса с подвесками, нашитыми на узких ремешках, были найдены в Петербургской губернии в могилах с женскими костяками.

При рассмотрении украшений на поясах необходимо упомянуть и украшения конского убора, которые достигли большого развития. Они появились в Европе вместе с кочевниками, пришедшими с Востока, курганы которых изобилуют различными бляшками и украшениями для ремней. В славянских могилах VIII—X в. можно наблюдать такое же обилие этих украшений, чем доказывается, что обычай украшать сбрую был перенят ими от кочевников вместе с восточной орнаментировкой, которая удерживается даже в таких погребениях, как Гнездовский могильник, где было сильно скандинавское влияние.

⁴⁴⁰ Спицын А. Курганы Петерб., 27, табл. X, р. 3, XIV, 18, XV, 12 и др.

XXII. ДИАДЕМЫ, ГОЛОВНЫЕ ПОВЯЗКИ, ВИСОЧНЫЕ КОЛЬЦА, ЗАУШНИЦЫ И СЕРЬГИ

Ко второй группе относятся драгоценности, которые, не имея практического применения, служили лишь украшением; при раскопках они встречаются в большом количестве, и, собственно, почти нет могилы (в особенности конца языческого периода), где бы не были найдены какие-либо из предметов украшений.

При рассмотрении личного убора прежде всего следует остановиться на украшениях головы, которые в свою очередь подразделяются на два вида: 1) диадемы и 2) кольца различной величины и формы, которыми убирались головные покрывала, повязки и косы; к ним относятся также височные кольца, спирали и металлические трубочки, которые девушки нанизывали на косы, а равным образом, и серьги.

Диадемы и головные повязки. Впервые диадемы появляются на славянской территории лишь в конце языческого периода. В это время, как уже указывалось, ходить с непокрытой головой было привилегией девушек, тогда как замужняя женщина покрывала волосы увивалом или наметкой. Этот обычай повлек за собою возникновение различных головных уборов, причем их первоначальной формой была повязка, шедшая вокруг головы, что подтверждается археологическими находками и сохранившейся у некоторых народов до настоящего времени древней традицией.

У западных славян головные повязки, плетенные из тонкой серебряной проволоки, встречаются в позднее время; напр., в Чехии они найдены в могилах не ранее XII в. В пределах южных славян не было обнаружено подобных находок, кроме нескольких очелий в могилах Венгрии, относящихся к более раннему времени (IV—V вв.).

На Руси в славянских погребениях было найдено много поясков и венков, уцелевших на женских черепках, простых и гладких, или украшенных металлическими пластинками и цатами.

Иногда встречаются повязки, тканые из шелка или украшенные такими же бляшками, что и пояса, а также шнуры с нанизанными на них металлическими или стеклянными бусами⁴⁴¹.

Все эти разновидности поясков зачастую увешивались бляшками и особенно цатами, которые ниспадали на лоб, на виски и на плечи (рясна).

В южной славянской Руси от Подолии, Волыни до северянских могил (Харьковск. губ.) диадема была весьма распространена.

Однако серебряная повязка, огибающая голову, встречается редко, ее заменил другой вид, который делался обыкновенно из куска березовой коры или из кожи и обшивался шерстяной или шелковой тканью, а поверх накладывалась серебряная полоса или нашивались серебряные, стеклянные бусы или металлические бляшки (на лбу — обычно большего размера). Подобные головные уборы были найдены Ч. Хвойко в Броварках (Гадяч, Полтавск. губ.), на Псле; в могилах этой местности черепа женских скелетов сохранили на лбу тканые наподобие серебряных (из белого сплава) повязки, увешанные кольцами, спиралями, а по переду и раковинками типа *Surgœa moneta*, причем некоторые из этих уборов были особенно богаты.

Подобные серебряные повязки носили и северные славяне, что подтверждается результатами раскопок В. Глазова в Петербургской губ., во время которых было обнаружено несколько гладких серебряных обручей с загнутыми и суженными концами, и находками в курганах Владимирской, Ярославской

⁴⁴¹ Повязки, тканые золотом и серебром, а равно и шнуры с бусами нашла г-жа Мельникова в Харьковск. губ. у Ахтырки. Труды XII Арх. Съезда, т. I, 697. Повязки, украшенные цатами, неоднократно отмечались *Спицыным* — Петерб. курганы и Гдовск. кург., *Антоновичем* — Раскопки Древл., а также и друг. археологами.

и Тверской губ. Кроме того, у с. Жукина (Черниговской губ.) найдена особая диадема из волнообразно изогнутой проволоки. В Гнездове В. Сизов отмечает зубчатую серебряную пластинку, украшенную зернью, которую он считал за остаток коронки-венца, первоначально нашитой на полосу березовой коры⁴⁴². Можно предполагать, что и гривна иногда служила украшением волос.

Серебряная или шелковая повязка с нашитыми на нее цатами, пластинками или подвесками служила типичным украшением головы славянской девушки; в Древней Руси они назывались «чело»⁴⁴³. Княжеского рода или богатые девушки носили более роскошные диадемы из золота, украшенного эмалью. Такую золотую диадему, состоящую из 17 звездообразных пластинок (первоначально нашитых на повязки), нашел Т. Саподжо у г. Борисова (Минск. губ.). Но наиболее богатые экземпляры их были обнаружены в Киевском районе, где вместе с найденными кладами они указывают на то, что в Киеве сосредоточилось большое количество золотых и серебряных изделий, которые изготовлялись в образовавшихся к этому времени местных мастерских по иноземным (преимущественно византийским) образцам⁴⁴⁴.

Первенствующее место среди драгоценностей кладов занимают диадемы; их было найдено несколько, но более поздних — XII—XIII вв.⁴⁴⁵ Обычно они составлены из пластинок (киотцев), имеющих сверху арочку, а позади снабженных крючком или скобочкой. Лицевая сторона украшена эмалью растительного

⁴⁴² Сизов. Смоленск. кург., 98, срав. сходную зубчатую корону сасанидского царя на Строгановском блюде, см. Н.П. Кондаков. Русск. Древ., вып. III, 86.

⁴⁴³ Термин встречается в памятн. письмен. XIV в.— Срезневский. Материалы, III, 1489, и Кондаков. Русск. Клады, стр., 150.

⁴⁴⁴ Zbior wiad, XIII, 61.

⁴⁴⁵ Ibidem, стр. 150. Русск. Древ., вып. V, стр.; 125.

орнамента или фигурами святых, иногда образующих композицию «Деисуса» (моление). Предположение, что они делались в Киеве (конечно, по византийским образцам) подтверждается греческою надписью «о агѣо павль», переданною славянским начертанием.

Подобно славянам, и финны носили характерной формы очелья, причем не только женщины, но и мужчины⁴⁴⁶; но их диадемы тяжелы и грубы, чем и отличались от легких, порою изящных, славянских уборов⁴⁴⁷.

Согласно древней народной традиции славянская девушка тщательно украшала свою голову.

Диадемы, и еще в большей мере височные кольца, являются характерною особенностью славянского погребения, в то время как на основании других украшений, в которых зачастую преобладал чуждый стиль, нельзя сделать точных определений.

Височные кольца и заушницы. Наряду с диадемами к славянским головным уборам относятся и височные кольца или заушницы⁴⁴⁸. Первый термин — археологический; второй — древний, славянский, встречающийся в памятниках XIII столетия; в «Житии Нифонта» (XIII в.) читается: «Нифонт даяше си заоушнице»⁴⁴⁹. Височные кольца попадают в могилах чаще, чем другие ценные украшения, и нередко бывают единственными вещами, находимыми около черепов, причем иногда они не

⁴⁴⁶ Что можно судить по описаниям мужских и женских скелетов Люцинского могильника.

⁴⁴⁷ Эти диадемы являются характерными отличительными признаком неславянских погребений Тамбов., Рязанск. и Владимирск. губ. Кондаков—Толстой. Русск. Древ., вып. V, 73, 77.

⁴⁴⁸ Польск. — *zausznice*, сербо-хорват. — *слепоочнице*, *kağıčice*, нем. — *Schlafenringe*, *Hakenringe*.

⁴⁴⁹ Срезневский. Мат., I, 957.

были подвесками на диадемах-очельях, но вплетались в волосы, согласно обычаю, издавна известному в Европе.

Эти кольца на славянской территории очень разнообразны, и, что еще любопытнее, — форма их настолько характерна, что они разнятся не только от аналогичных неславянских украшений, но отдельные их виды служат отличительными признаками для некоторых славянских племен и являются неотъемлемою принадлежностью их могил.

Такие кольца, судя по их размеру, превышающему величину пальца, не могли быть перстнями, равно их не могли носить и в качестве серег, ввиду того, что концы бывают многократно завиты, а иногда даже образуют крючки или ушки; такое наличие ушков и зацепок сближает их с поздними типами заушниц, которые были обнаружены в могилах с трупосожжением и погребением, относящихся к концу языческого периода, на всем широком пространстве от Эльбы, среднего и нижнего течения Дуная, до Ильменя, Ладogi, верхней Волги, Оки и Дона.

В это время, как уже указывалось, височные кольца достигли своего наивысшего развития и распространения и стали важнейшим характерным признаком славянских погребений⁴⁵⁰. Конечно, такие кольца могли носить финские, германские, литовские и болгарские (на Волге) женщины, привешивая их к головным уборам или вплетая их, по славянскому обычаю, в волосы, но, согласно археологической статистике, подобные случаи были исключением, тем более что ношение некоторых разновидностей этих колец было ограничено определенным районом.

⁴⁵⁰ A. Lissauer. Über die hakenförmigen Ringe oder Hakenringe der Slawen (Zs. f. Ethn, 1878). Über den Formenkreis der slaw. Schläfenringe (Correspondenzblatt, 1891, 138; Arch. Érfc., 1891, 333). Niederle L. Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der Altslaw. Gräber (M. A. G. Wien. 1894, 50). Reinecke. Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters (Mitth, anthr. Ges. XXIX, 1, след., 1899).

Суммируя эти данные, можно определить, что в местностях, где были найдены височные кольца или заушницы, жили славяне в VIII—XII вв.

При рассмотрении височных колец, ввиду обилия существующего материала, их удобнее разделить на две основных группы — западную и восточную; однако резко разграничивать их между собою нельзя, тем более что западные типы, из района Полесья и Волыни, заходят далеко на восток, достигая бассейна Днестра, верховьев Волги и Ловати, в то время как восточные формы не переходят установленной границы и неизвестны на западе.

Как на особое украшение следует указать на серьги, хотя не исключена возможность, что в древности и заушницы носили в качестве серег или, наоборот, серьги употребляли в качестве заушниц.

А. Западная область. Наиболее характерным типом височных колец у западных славян в период от VIII до XII в. были заушницы небольших размеров из тонкой витой проволоки, но чаще массивные, литые, в виде простого кольца, со сведенными концами, или с одним концом сплюснутым и загнутым наподобие буквы S. Этот последний тип S-видных заушниц стал наиболее распространенным и характерным для западных славян, и тем не менее до сих пор еще не установлено, откуда он впервые появился. На основании статистики географического местонахождения могил, они являются несомненно славянскими в эпоху с VIII по XII в.

Вопрос о происхождении разрешен не вполне утвердительно; некоторые ученые указывали на Венгрию как место их возникновения, так как там были найдены экземпляры по времени ранее VIII в., и их относят к сарматам и аварам. Проф. Пич считал центром их происхождения Сев. Италию, откуда они быстро проникли на Рейн и затем к славянам⁴⁵¹. Однако в настоящее

⁴⁵¹ *Pič. Starož.* III, 1. 83.

время этот вопрос можно разрешить следующим образом: обычай украшать голову височными кольцами существовал у славянок уже издавна, и нет надобности предполагать, что заушницы были ими заимствованы лишь в римскую эпоху с Рейна, берегов Адриатического моря, или из Придунайского края от аваров и сарматов, у которых в древнее время S-видных колец вовсе не было в ходу. Но первоначально у славян были в употреблении лишь простые кольца; в таком случае вопрос о происхождении может касаться лишь S-видной формы. Этот тип заушниц известен в наиболее древнее время на о. Кипре, в Ольвии, но более всего он был распространен в императорскую эпоху в северных римских провинциях и по своей форме близко подходил к славянским заушницам. О северно-европейском их происхождении нельзя говорить уже потому, что в этом крае встречаются более поздние формы, в то время как наиболее древние найдены в Дунайской области. Очевидно, что славяне, носившие издавна простые височные кольца, заимствовали их S-видный тип из придунайских и адриатических провинций Римской империи, и он настолько быстро распространился, что вытеснил древние и простые формы, и стал уже в IX в. характерным видом заушниц для западных славян, откуда постепенно проник и в Россию. Центром их производства осталось западное славянство, у которого нет для этого периода погребения, где не были бы обнаружены S-видные кольца⁴⁵².

В районе Днепра они встречаются реже и совершенно исчезают на востоке и на севере Руси, уступая место более простым типам. В то время как на западе простые кольца (со сведенными вместе концами или с ушками) существуют параллельно с основной S-видною формою, но в значительно меньшем количестве.

⁴⁵² *Pič. Starož.* III, 1. 329 и след. *Niederle. Bemerkungen zu einigen Charakteristiken der altslaw. Gräber* (M. A. G. Wien 1894, 50); *W. Schmid. Altslow. Gräber. Bericht.* 22 и след. Для Дунайск. обл. — *Васич. Старица*, 1906, 74.

На западе их первичный вид усложняется завитками на двух концах или изменением самого вида завитка, а иногда даже само кольцо, витое из проволоки, сменяется толстым, дутым, с орнаментированною поверхностью; реже попадаются кольца с укрепленной на них стеклянной или янтарной бусиной.

Дутые орнаментированные кольца характерны для Прибалтийского края, нижнего течения Одера, откуда они распространяются на запад до Ганновера, на юг до Силезии и на восток по направлению к Варшаве.

В Альпах S-видные кольца часто встречаются с нанизанными на них конусообразными бусинками и подобием жемчуга, или привешенными к ним цепочками и погремушками. Иногда они бывают украшены гроздьями, набранными зернью.

При изменении форм кольца и украшений меняется и материал. Чаще всего заушницы делались из бронзы и серебра, причем бронзовые изредка серебрились или даже покрывались позолотою; реже их изготовляли из свинца, олова и золота.

Вероятнее всего, височные кольца носили вплетенными в волосы или зацепляли за пряди при помощи крючка или загиба и тем самым удерживали на голове⁴⁵³. Более редки находки височных колец, укрепленных на особом куске ткани, кожи или лыка, который затем вплетался в волосы.

Обычно в могилах встречаются черепа с одним кольцом, но иногда число доходит до 8—10 у виска, на уровне верхней челюсти и ниже ее, причем пряди, на которых они были нацеплены, ниспадали по сторонам головы. При раскопках отмечены случаи, когда заушницы, одетые с двух сторон, были соединены цепочками, висящими под подбородком или ниспадающими на грудь⁴⁵⁴.

Кольца S-видной формы исчезают на западе в XIII в., но единичные находки обнаружены и в более поздних погребениях.

⁴⁵³ Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 69. Завитневич. Зап. Арх., 332. Мельникова. Труды X Арх. Съезда, I, 499.

⁴⁵⁴ Niederle. Bemerkungen, стр. 41 и Pič. Starož. III, 1. 93.

ниях. Фрески и миниатюры XI—XII столетий не воспроизводят заушниц; лишь в чешской «Велиславовой Библии» имеется очень интересное изображение девушки, у которой от головной повязки с правой стороны ниспадают на висок три ленты (полоски) с одетыми на них кольцами⁴⁵⁵.

Б. Восточная область. Если относительно западных заушниц возникает вопрос, носили ли их только как украшения волос и диадем или употребляли в виде серег, то это предположение еще в большей мере может быть распространено на височные кольца, находимые на Руси. В этом отношении в пределах восточных славян трудно установить границу, так как некоторые кольца применяются к заушницам лишь на основании их положения (относительно черепа) в могилах, но форма их указывает, что они вполне могут быть носимы в качестве серег. Однообразия основных форм, столь характерного для западных и южных славян, совершенно не наблюдается у восточных, в особенности в районе за Днестром.

На востоке наряду с простыми кольцами найдены и S-видные, причем границей их распространения являются Новгородская, Тверская, Калужская, Харьковская губернии.

В XI и XII вв. выступает ряд новых местных типов, причем кольца с простым или двойным ушком совершенно исчезают. Возникновение их в большинстве случаев можно приурочить к X—XI вв. До этого времени в ходу были кольца с соединенными или перевитыми концами. Ранее X в. в их форме не наблюдается никакого разнообразия, — напр., в Гнездовских курганах, тогда как в более поздних, Смоленских могилах уже встречаются различные варианты.

Нельзя определенно установить, чем была вызвана разница в форме и в самой технике изготовления, но можно предполагать,

⁴⁵⁵ Velislavova bible, изд. *Vocel* (Abh. böhm Ges. Wiss. VI, 4 Bd., 1871, Tabl. 16).

что в данном случае сказалось влияние корсунских серебряных дел мастерских, где было найдено много серебряных колец, выработанных из проволоки и заканчивающихся узлом или спиралью⁴⁵⁶.

Возможно, что также влияли тюрко-татары, половцы и вообще торговля с Востоком. Эти чужие формы способствовали перделке уже ранее существовавших у славян видов височных колец и внесли нечто новое как в выделку, так и в орнаментацию этих украшений, напр., тип радимичский и московский, вероятнее всего, восточного происхождения⁴⁵⁷. Кольца со связанными концами заимствованы из корсунских мастерских, особенно их варианты, обнаруженные в курганах Петербургской губ., с бряцающими привесками являются подражанием финским образцам⁴⁵⁸.

На юго-западе России, на Волыни и в области древлян, не создалось особого типа височных колец, причем Волынь всецело может быть причислена к западной группе с типическими малых размеров простыми кольцами и S-видными заушницами. Также не менее обильны западные типы, и в Киевской губ. в области древних полян, но наряду с ними развились местные большие кольца из тонкой, иногда в несколько раз свитой проволоки со спиралевидными завитками, обращенными внутрь кольца в отличие от соседнего северянского типа, схожего с ним по стилю и технике, но спиральный завиток которого помещен вне круга. Такие заушницы найдены в могилах у Гадяча (Полтавск. губ.), в окрестностях Ромен, Белгорода, Суджи и Мирополья (Курск. губ.⁴⁵⁹).

⁴⁵⁶ *Завитневич*. Труды XII Арх. Съезда, I, 107.

⁴⁵⁷ *Сизов*. Арх. Изв. и Зап., 1895, VI. *Кондаков* в Русск. Древ., V, стр. 65, указывает, что для них послужили прототипом сирийские образцы.

⁴⁵⁸ *Спицын*. Гдовские кург., 20.

⁴⁵⁹ *Хвойко*. Раскопки мог. крив., 6—7. *Ханенко*. Древности, VI, табл. 29.

Аналогично и у дреговичей, между Припятью и Двиной, был в употреблении западный тип, но в этой же области обнаружены кольца из тонкой бронзовой проволоки, свитой в спираль, причем на одном или на обоих концах имеются завитки. Особая разновидность с тройною петлей на одном конце найдена в Гушине близ Лепеля⁴⁶⁰. На Двине и несколько севернее, на территории кривичей, отмечены кольца, сходные по типу с найденными в более поздних могилах Смоленской губернии (некогда центр кривичей), с соединенными, как бы завязанными концами, возможно, греко-римского происхождения⁴⁶¹. Эти же кольца проникли в окрестности Твери, Муром (что подтверждается находками из могил Заколпья⁴⁶²) и доходят до Псковской губ.

Далее на север, в области новгородских славян (в Новгородской и Петербургской губ.) в XI—XII вв. развилось несколько новых типов заушниц. Западные кольца бывают обычно средней величины с подвесками в виде легких треугольных пластинок. В восточной части новгородской области, по р. Мсте, встречаются характерные большие кольца, с концами, заходящими друг за друга, так называемые Федовского типа.

Для Петербург. губ. наиболее типичны кольца в 5—10 сантиметров с несомкнутыми или со связанными концами, причем проволока, их образующая, в 3 или 5 местах расплющена в виде ромбов, поверхность которых разделана крестиками и кружками.

Иногда их украшали подвесками из мелких пластинок, или два таких кольца были соединены цепочкой, проходившей по лбу⁴⁶³.

⁴⁶⁰ Сементовский. Белорусск. древности (1890 г.), стр. 25.

⁴⁶¹ Спицын. А. Изв. Арх. Ком., XV (1905), 169, 171. Гатиук. Зап. Арх., VII, 1. 114, 121, 128, — все экземпляры с верховьев Волги.

⁴⁶² Макаренко Н. Новленский и Заколпский мог. Владимирск. губ., 1908, стр. 35. Спицын. Владим. кург., 102; *его же*. Древ. Оки, табл. VII, X, XXIV; Гр. Уваров А. С. Древн. Моск., XIV, табл. VI.

⁴⁶³ Спицын. Гдовск. кург., 19 и след. Петербургские кург., 12 и след. Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 56—58, 92, 138.

Эта разновидность височных колец часто встречается в Витебской, Ярославской, Смоленской и, несколько меньше, в Тверской, Владимирской и Костромской губ. Такие кольца обнаружены в Белогостицком кладе вместе с арабскими вещами XI в.⁴⁶⁴

Поздние типы XIII—XIV вв. меньше по размеру, проволока сплющена в нескольких местах и образует овалы, украшенные бусинами, причем обычно один конец входит в другой, снабженный трубочкой⁴⁶⁵. Великолепные кольца создали в XI в. вятичи (район, занимаемый ныне Тульской, Калужской, Рязанской и Московской губ.), главным образом под влиянием звездообразных восточных украшений⁴⁶⁶. Древний тип их состоит из неполного круга, нижняя часть которого образует лунницу с 7 (5) лопастями, украшенных по поверхности лентообразным орнаментом, исполненным наколом.

Это так называемый «московский тип», вышедший из района Смоленска, где он был особенно обилен, и распространившийся в Ярославской, Рязанской и Могилевской губ. и даже доходящий до Киевской, Курской и Тульской губ.

Более поздние московские курганы сменяют этот вид на не менее красивое серебряное кольцо, так называемого «коломенского» типа, подвесная часть которого представляет вазу с узорными ручками и узкою ножкою; бордюр разделан петельками или глазками, воспроизводящими жемчужную обнизь⁴⁶⁷.

У славян, живших в Заднепровье (радимичей), также создан свой тип височных колец, нижняя часть которых имеет

⁴⁶⁴ Зап. Арх. Общ., VII, 1, 157.

⁴⁶⁵ Спицын. Пет. кург., 13; Гдовск. кург., 20.

⁴⁶⁶ Спицын. Изв. Арх. Ком., XV, 168. Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 65 и след. 82, 142; В. Сизов О происхождении и характере курганных височных колец и преимущественно так называемого московского типа. Отд. оттиск Арх. Изв. и Зам., Москва, 1895 г.

⁴⁶⁷ Толстой—Кондаков. Р. Др., V, стр. 83.

7 звездообразно расположенных лучей, относимых А. Спицыным к X в.⁴⁶⁸

Следует также упомянуть, что у славян Сев. Руси в позднее время вошло в обычай одевать на кончик косы кольцо или спираль, или даже продевать ее в металлическую втулку или трубочку⁴⁶⁹.

Однако такой способ убирать голову следует считать финским, что подтверждается раскопками их могил на Волге и Оке, напр. Лядинский (Тамбовск. губ.) и Муранский (Симбирск, губ.) могильники⁴⁷⁰. Возможно, что из этой местности он перешел к соседним славянам, но лишь в более позднее время (XIII—XIV вв.).

Серьги. Третью обширную группу составляют кольца, у которых одно полукружие украшено подобиями гроздей, шариками, бусами, бочоночками, кубиками, и которые по-русски называются «серьгами», древн.-русск. «усерязь», «усеряг», «исерга» (чешское — pausnice, хорв. — userez) от древне-слав. оусерагъ⁴⁷¹. Такие кольца не всегда носили, как серьги; нередко они служили заушницами или украшениями диадем и волос, подтверждени-

⁴⁶⁸ Спицын А. Радим. кург., 32 и след.

⁴⁶⁹ Он же. Гдовск. кург., 19, табл. XXIII, 15, 16; Кург. Петерб., табл. XVIII, 8.

⁴⁷⁰ Ястребов. Лядинский мог., 5, 19 и след. Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 54, 98. Смирнов. Мордва, Изв. Казанск., X, 173.

⁴⁷¹ Это слово считается заимствованным из гот. ausi-hriggs, т.е. ушное кольцо. — Vondrák. Slav. Gr., I, 96, 118, 471. Название это появляется в памятниках письменности XI в.: «усерязь златъ» в «Изборнике» Святослава, «оусерязя въ оуши твои» у Иезекиила по списку XI в. Наряду с этим термином в памятник того же века встречается название «кольцо» — «Житие свв. Бориса и Глеба»: «испадоста ей златии колци, иже ношаше въ оушию свою». Срезневский. I, 1261.

ем чему может служить орнаментация, сходная с S-видными височными кольцами, и то обстоятельство, что при некоторых раскопках было обнаружено по 3—4 подобных кольца на одной стороне черепа, а кроме того, иные из этих колец были настолько тяжелы, что не могли быть носимы в ухе; толстая дужка их не предназначалась для продевания в мочку уха, а надевалась на ушную раковину, подобно некоторым серьгам Кавказа и Индии⁴⁷². Мельникова полагает, что иногда серьги носились продетые в особые полосы кожи, но в таком случае они ничем не отличались от височных колец⁴⁷³.

Целый ряд форм, которые относятся к этой группе колец, встречается в Средней Европе уже в эпоху римских императоров и в последующий Меровингский период. В районе Дуная, бывшим средоточием сношений между славянами и Римом, в могилах IV—VII вв. были найдены кольца с продетой стеклянной бусиной древнего римского типа, или с прикрепленным к кольцу металлическим стерженьком, на котором насажена или висит стеклянная бусина, или металлические шарики; иногда попадаются кольца с висящей усыпанной зернью металлической пирамидкой, или подвешенным припаянным подобием корзиночки из тонкого филигранного плетения, с одетой на них ягодой или бочоночком, гладкими или покрытыми зернью.

Подобные типы серег, относимые к скифской эпохе, найдены в греческих колониях вдоль северного побережья Черного моря, в Ольвии, Евпатории, Херсонесе, Керчи⁴⁷⁴, а в период III—VII вв. у крымских готв (находки Н. Репникова в окрестностях Гурзуфа), имевших свои мастерские⁴⁷⁵.

⁴⁷² Мельникова. Труды XI Арх. Съезда, I, 497.

⁴⁷³ Толстой—Кондаков. Р. Древ., вып. V, 137.

⁴⁷⁴ Ханенко. Древности, VI, табл. 7—8. *Hadaczek K. Der Ohrschmuck der Griechen und Etrusken. Abh. arch. ep. Sem., Wien. XIV, 1903.*

⁴⁷⁵ Изв. Арх. Ком., 1905, XVII, 115—126.

За Карпатами, в собственно славянской области, таких находок не обнаружено, что объясняется для этой эпохи существованием обряда трупосожжения, при котором в огне погибали тонкие украшения. Однако торговля серьгами проникала и в центр славянских пределов, что видно из ряда единичных находок, а равным образом, из обилия предметов украшения, которые разом появляются у южных и восточных славян, как только сожжение было заменено зарыванием трупов в землю. Западное славянство было в стороне от этой торговли изделиями, главным образом южного (римского, византийского) и восточного происхождения⁴⁷⁶.

В период VIII—IX вв. в славянских могилах всюду встречаются серьги; сначала древний их тип, работы южных и восточных мастеров, а затем великолепные изделия местного производства. Кольца с подвешенными пирамидками и кубиками, столь излюбленные у германцев, у славян не привились. Зато часты находки серег римской формы с одетыми на проволоку или насаженными на шпенок различными бусинами и подобиями гроздей. Они также характерны для поздних сарматских и славянских могил в Венгрии и, кроме того, найдены в волынских курганах и доходят до земель Владимирской области и Приладожья⁴⁷⁷. Эта древняя античная форма, привозимая с юга, послужила предметом подражания для местных славянских мастеров, и к ним следует отнести те изделия, которые отличаются грубой техникой.

Кроме этого в VIII—XII столетиях у славян появилось несколько второстепенных форм, изготовленных в местных

⁴⁷⁶ В Чехии от княжеского периода было найдено очень мало серег — *Pič. Starož.*, III, 1, 170. Однако на основании исторических свидетельств известно, что их носили. Уже *Kosmas* (I, 12) говорит об «inaures». Ср. *Zíbrt, Děj. kroje*, 98.

⁴⁷⁷ *Hampel. Alterthümer*, III, 468 и след. *Уваров*. Меряне, табл. 35. Труды XI Арх. Съезда, I, 497, табл. VI. *Бранденбург*. Кург. Приладожья, 42.

мастерских или выделанных за границей и благодаря торговле распространившихся по всей территории и сильно привившихся в некоторых местностях.

На западе в эту эпоху (IX—X вв.) преобладает один тип серег, весьма распространенный в Альпийской области, и который сходен по своему виду с так называемыми «кетлашскими» пряжками. Эти серьги имеют вид лунниц, украшенных сверху разноцветной эмалью, и выходят из тех же мастерских, как и вышеуказанные застёжки.

Стилистические признаки (форма в виде полумесяца и его орнаментировка) дают основание предполагать, что их оригиналы были изделиями востока Европы, по преимуществу византийских мастеров эмали, хотя нельзя отрицать возможности, что они выделялись по этим образцам и в южногерманских мастерских⁴⁷⁸.

На востоке встречается больше таких типов, распространение которых связано с определенным районом; к ним можно отнести серьги с одетыми на кольцо бусинами в виде тяжелых массивных подобию ягод (малина), покрытых зернью. Особенно часто они попадаются в курганах Минской губ. и в прилегающих к ней местностях⁴⁷⁹.

Другую разновидностью были серьги с надетыми на кольцо гладкими бочоночками, каточками или бубенчиками из двух пло-

⁴⁷⁸ Н. Кондаков. *Gesch. d. byz. Emails*. 334, а после него *Diez* (*Jahrbuch IV*, 227) считает местом возникновения лунниц Восток, точнее Финикию, откуда они достигли Южн. России, Венгрии и Византии. В своей рецензии на труд Hampel'я акад. Кондаков высказал предположение, что эта форма, создавшаяся в Мал. Азии и Сирии, была занесена на север. побережье Черного моря, и оттуда перешла в Венгрию (*Изв. Ак. Наук, Отд. рус. яз.*, 1906, стр. 456). Согласно *J. Strzygowsky* (*Koptische Kunst*, Wien, 1904, 333), в Египте в христианскую эпоху главным видом серег был полумесяц.

⁴⁷⁹ Спицын. Владимирск. кург., 139. Кондаков. Русск. клады, 136, табл. II—IV и XV.

ских полушарий; обычно их было три, а позже — в XII—XIV вв. можно встретить до 7—11 бусин на одном кольце⁴⁸⁰. Эти серьги, скорее всего, восточного происхождения, но, конечно, изготовлялись и в местных мастерских, в силу чего и были распространены на огромном протяжении от Кетлаха и Далмации до самой Восточной России — Владимира, Великих Болгар, Сарая и Кавказа, а на севере до Гдова (Петербургской губ.) и Федова (Новгородск. губ.⁴⁸¹).

Третий тип, характерный для верховьев Оки и губерний Владимирской, Калужской и Минской, имеет бусинки в виде связанных из ткани узлов.

Четвертым видом, типичным для Южной России и из всех местных изделий наиболее красивым, были серьги, так назыв. «киевские», у которых на кольцо насажены по 3 бусины из золота и серебра, украшенные филигранью или ажурные на подобие корзиночек.

Этот изящный тип, очевидно, пришел из греческих и восточных мастерских⁴⁸², но в X—XII вв. они в большом количестве изготовлялись местными киевскими мастерами, на что указывают и археологические находки Киева и окрестных городищ⁴⁸³. Впоследствии, став излюбленным предметом украшения и торговли, они распространились далеко за пределы Киевской области, проникли в Чехию⁴⁸⁴ и даже во Франкфурт-на-Одере⁴⁸⁵ (рис. 19).

В Северной Руси серег носили меньше; их вовсе не встречается до XIII—XIV ст. в Гдовских курганах, и редко попадаются

⁴⁸⁰ Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, стр. 138.

⁴⁸¹ Спицын. Изв. Арх. Ком., XV, 3; Гдовск. кург., табл. XXIV, 8.

⁴⁸² Кондаков. Русск. Древ., V, стр. 120 и «Клады», стр. 128.

⁴⁸³ Чаще всего они встречаются в киевских кладах XII в. Кондаков. Русск. клады, стр. 127, 132, 138, 140 и табл. II, IV, XII, XIII. Гр. Бобринский. Курганы у Смелы, II табл., 20.

⁴⁸⁴ Pam. Arch., XVII, табл. 35; Pic. Starozit, III, 89.

⁴⁸⁵ Hacksilberfunde, tab. II (клад, относимый к XI ст.).

в петербургских и ладожских могильниках; ген. Бранденбург нашел там лишь грубые экземпляры местного изделия.

В России серьги носили как женщины, так и мужчины, по одной с каждой стороны, но большей частью только в одном ухе.

Этот обычай еще поныне удержался у хорват, и о нем же упоминает Лев Диакон в своем описании кн. Святослава.

Византийская техника способствовала возникновению в Южной Руси дутых серег — так называемые колти или «серьги колодки», состоящие из двух выпуклых спаянных и украшенных эмалями щитков; широкая кайма на месте спайки снабжалась скобочками, через которые продевалась проволока с жемчужной нитью; под верхнюю дужкою делалась в обоих щитках желобчатая выемка, а в ней узкая щель, в которую вкладывался кусок хлопка, пропитанный благовонным маслом, и так как подобные серьги не продевались в ухо, но носились около, у волос, то постоянно передавали им запах духов.

Как указал Н.П. Кондаков, прототипом им послужили сирийские лунницы⁴⁸⁶; по их образцу возникли в Византии дутые серьги⁴⁸⁷, а благодаря варварскому посредничеству в XII—XIII вв. появились золотые колты в Киеве, причем к ним следует относить и подражания в серебре XIV—XV вв.⁴⁸⁸ Отдельные их экземпляры зашли и в Венгрию⁴⁸⁹.

⁴⁸⁶ Толстой—Кондаков. Русск. Древ., V, 141.

⁴⁸⁷ Чисто византийские образцы находятся в собрании Балашева — Кондаков. Рус. клады, табл. 14.

⁴⁸⁸ Главн. сочинения: Кондаков. Клады, 195 и след. табл. 2, 6, 10, 11, 15 и Истор. визант. эмали, IV, 310—352; *его же* — Рус. Древ., V, 111, 114—117, 141.

⁴⁸⁹ *Hampel. Alterthümer*, I. 371; чрезвычайно любопытно отметить, что в Южной Венгрии удержались до XVI—XVII столетий подражания этих форм, на что указывают находки в Tomaševci (*Arch. Ert.* 1897, 245, *Vestnik sl. st.* I, 85).

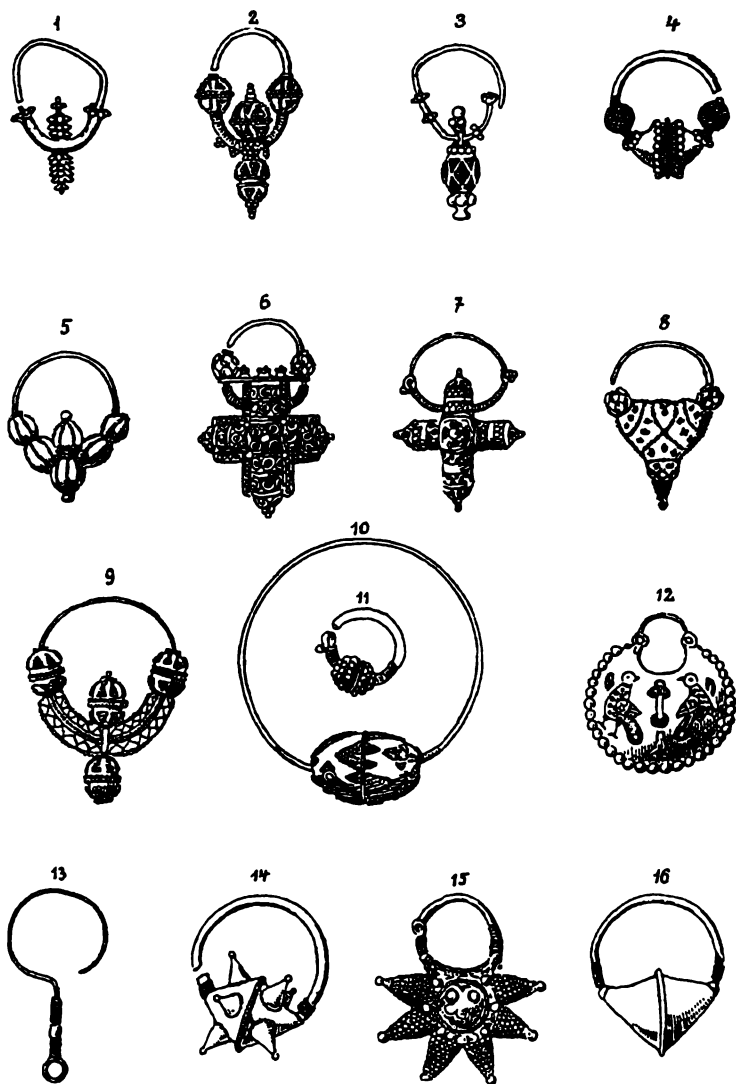

Рис. 19. Серьги.

1 — Чехия; 2 — Моравия; 3—4 — Венгрия; 5 — Kvasice;
 6, 8 — Полоцк. губ.; 7 — Нидерланды; 9 — Tempelhof;
 10 — Далмация; 11 — Болгария; 12—13 — Воздвиженское на Маньиче;
 15—16 — Княжья гора (Киев)

Все эти типы серег были частью иноземного происхождения, частью славянским подражанием чужим образцам. Обычно признаками местного изделия являются: более грубая форма, дешевый белый сплавной металл и неумелая техника эмали. Что касается лучших экземпляров, то место выработки и происхождения точно указать нельзя, в виду того, что стиль и техника Востока и Византии во многом были сходны.

Следует, однако, припомнить, что кроме Византии крупные центры художественной промышленности были на Востоке: в Туркестане (Самарканд), в Месопотамии (Багдад), Сирии и Египте, и из их мастерских выходило большое количество серебряных украшений, осыпанных зернью.

О восточном происхождении многих украшений можно судить не только по находкам кладов, относящихся к X—XI вв., где, помимо предметов личного убора, постоянно встречаются арабские диргеми этого времени, но и на основании того, что подобные формы, в особенности близкие по стилю к рассматриваемым вещам, попадают на юге и востоке Азии, куда они были занесены путем торговли⁴⁹⁰.

Все найденные великолепные оригиналы и их подражания были чужеземными, по преимуществу восточными, хотя местонахождение отдельных мастерских, их изготовлявших, указать затруднительно. Тем не менее эти серебряные изделия в X—XI вв. настолько становятся излюбленными у славян, что помимо вещей, доставляемых с Востока, для их выделки возник ряд собственных мастерских, и они стали характерным славянским украшением. С этой точки зрения, данный вид серебряных изделий можно назвать славянским, т.к. нигде они не встречаются в таком количестве, как у славян.

⁴⁹⁰ *Orempler und Heger* в *Mittheilungen der Anthropolog. Gesellschaft im Wien* в XXII, 217. Любопытно отметить вещи, украшенные зернью, которые были найдены в 1908 г. в Бубастиде, относимые к XIX династии, и некоторые с именем Рамзеса II (*Illustr. London News*, 1908, Aug. 158).

Кроме того, в славянских могилах отмечено еще несколько видов серег чисто восточного происхождения. Прежде всего, из этих разновидностей следует указать серьги, у которых один конец кольца низко опущен и обвит спиральной проволокой или унизан бусинами; также весьма характерна и длинная тонкая подвеска⁴⁹¹. Этот тип на западе доходит до Галича и Киева, на севере достигает Петербургской и Вятской губерний, но вышел он, скорее всего, из Прикавказья, из тюрко-татарского района.

Другой тип золотых или серебряных серег, так называемый «половецкий», найден в южнорусских могилах кочевников XII—XIII вв.; его отличительной чертой является лучевидная звезда, одетая на дутой проволоке⁴⁹². В Киеве, Волыни и Харьковской губ. известен еще и иной восточный тип — на проволочную дужку одето два соединенных основаниями конуса, обычно полых и из белого сплава⁴⁹³.

XXIII. ШЕЙНЫЕ УКРАШЕНИЯ

Ожерелья, мониста, подвески и гривны. Обычай украшать шею можно проследить от доисторического периода, через все ступени культуры вплоть до греко-римской эпохи; естественно, что он был и у славян. Уже в могилах с сожжением доримской эпохи в местностях, населенных славянами, попадаются бронзовые кольца и ряды мелких бронзовых и стеклянных

⁴⁹¹ Zbiór, XIV, 74; *Спицын*. Кург. Петербургской губ., 14, табл. XII, рис. 7 и 8; кург. Гдовсте, XXIV, 26.

⁴⁹² Описание южнорусских находок см. *Толстой—Кондаков*. Рус. Древ., V, 139. Акад. *Кондаков* считает местом их возникновения Херсонес.

⁴⁹³ Труды XII Арх. Съезда, I, 696 и *гр. Бобринский*. Кург. Смелы II, табл. 20.

бус, а также и различных подвесок, предназначенных для украшения шеи⁴⁹⁴. В римскую эпоху их производство начинает развиваться, и в это время для предметов римской торговли были обычны ожерелья, мониста из различно ограненных бус, изредка перемежавшихся с металлическими цатами. Такого рода украшения найдены в Чехии, Польше и России (вблизи Киева)⁴⁹⁵.

В V—VIII вв. в соседних странах, лежащих на запад от славянских земель, начинают появляться наряду с ожерельями и монистами массивные шейные кольца из бронзы, серебра и золота; так, в Восточной Германии, в Пруссии и Литве найдены кольца с ушками и крючочками на концах⁴⁹⁶, или с двумя шариками, которые, заходя один за другой, смыкают кольцо⁴⁹⁷, или с упирающимися коническими концами⁴⁹⁸. К этому же времени относятся шейные украшения, найденные в Литве, состоящие из спиральных трубочек⁴⁹⁹ и мощинский тип колец,

⁴⁹⁴ *Pič. Starož.*, III, 1, 21, 48, 77 tabl. III, 6, V, 4; XI, 21; XIX, 41. *Červinka. Kultura*, 29.

⁴⁹⁵ В Чехии о находках у Třebické см. *Pič. Starož.*, I, 124, 139, у Которова (Польша) — *Мат.*, X, табл. 22, 26: около Киева — *Хвойко. Зап. Арх.*, XII, 1—2, табл. 19.

⁴⁹⁶ *Tischler-Kemke. Ostpr. Altert.* табл. XV, относящ. к III—V столетиям. Подобные массив. кольца были найдены в Межанских курганах у Свенцяи рядом с эмалев. вещами мощинского типа. Труды IX Арх. Съезда. Вильно, т. II, табл. IX к I.

⁴⁹⁷ Эта древняя форма была известна в Сев. Германии и Скандинавии в древнеримскую эпоху — *Montelius. Kulturgesch.*, 77, 153.

⁴⁹⁸ В Пруссии и Литве они уже встречаются в II—III столетиях (*Tischler-Kemke, ibidem*, табл. XIV); несколько позднее в курганах у Ковно (см. *Макаренко. Kwart, lit*, 1910, табл. 4—5) и доходят до Финляндии (*Hackman. Les trouvailles préhistoriques*, стр. 51).

⁴⁹⁹ Находки Виленской и Ковенской губ. — *Swiatowit*, II, таб. 14; VI, таб. 6—8. *Kwart. lit*, 1910, таб. 4.

покрытых эмалью⁵⁰⁰. Однако до IX в. такие находки у славян редки и единичны.

В конце I тысячелетия по Р.Х. шейные украшения приобретают у славян более разнообразный характер, но установить особенности местных типов еще не представляется возможным ввиду того, что большая часть как металлических шейных колец, так и монист из бус были предметом чужеземной торговли, чем и объясняется их распространение по славянской территории и сильное смешение типов. В это время также возникают имитации чужих образцов, и создаются местные второстепенные типы и формы. Больше всего у славян были распространены северные — балтийские (литовско-латышские), финские и восточные (тюрко-татарские или арабские) украшения. Местный же славянский тип выявляется главным образом в серебряных изделиях XI—XII вв.

Шейные украшения обычно разделяются на две группы:

1. Ожерелья из стеклянных бус, граненых драгоценных камней, перемежающихся с металлическими подвесками, мелкими раковинами, зубами зверей; они издревле носили название — монисто⁵⁰¹, лат. *monile*, древн.-немецк. — *menpi*, стар.-саксонск. — *menī*.

2. Металлические шейные украшения, сплавленные из одного куска, расчлененные или витые из проволоки, более или менее массивные, и которые принято обозначать словом «гривна».

Мониста были исключительно чужеземного происхождения, так как славяне не умели имитировать стеклянных изделий Египта (Александрия), Сирии (Антиохия) или римско-византийских мастерских, так что все виды бус привозились к ним из Визан-

⁵⁰⁰ Спицын. Зап. Арх., V, 153, 184, таб. 26, 32.

⁵⁰¹ Этот термин уже встречается в памятниках письменности XI—XII в. (Срезневский. Материалы, II, стр. 173) и до сих пор употреблялся в народе — монисто, намисто.

тии, Малой Азии, в особенности из Сирии, где их больше всего вырабатывали⁵⁰².

Эти мониста были излюбленным украшением славян, что подтверждается свидетельством ибн-Фадлана о русских женщинах, для которых мужья покупали мониста из «зеленых бус», платя по диргему за штуку⁵⁰³.

Для обозначения бусин в русском, сербском и болгарском языках удержался арабский термин — *busra*, русск. — бисер, древнерусск. — бисър, биср, встречающийся уже в памятниках X—XI вв.⁵⁰⁴

До конца I тысячелетия еще удерживаются древние формы бусин — гладкие, круглые из белого стекла, или цветные — синие и зеленые, а также расцвеченные желтыми, синими или голубыми глазками, издавна (уже в Гальштатский период) известные во всей Средней Европе. Обильнее находки бус из разноцветной стеклянной пасты, украшенных по окружности зигзагообразными линиями или изредка насаженными выпуклыми бороздками⁵⁰⁵.

Для этого времени самыми типичными у славян были продолговатые бусы яйцеобразной формы, или в виде бочоночков из стекла или непрозрачной пасты; иногда они были рубчатые, но чаще витые или составленные из нескольких меньших бусин, или, наконец, граненые у концов, шести-, восьми-, шестнадцатиреберные (рис. 20).

В XI в. встречаются продолговатые серебряные или золоченые бусы; их изготавливали из прозрачного стекла, затем на поверхность накладывали серебряный или золотой листик и

⁵⁰² Толстой—Кондаков. Рус. Древ., вып. V, 154.

⁵⁰³ Гаркави. Сказания, 94.

⁵⁰⁴ Срезневский. Мат., I, 89. Мелиоранский. Изв. отд. р. яз. Ак. наук, X, 4, 117. Перешло в славянск. яз. посредством турецк. слова *büsre*.

⁵⁰⁵ Они встречаются в Шевск. губ. (Ханенко. Древн., V, табл. 36); в Венгрии (*Hampl. Alt.* I, 465) и в финских погребениях на Руси, наприм., в Лядинск. могильнике. См. Ястребов. Ляд. мог., таб. XII.

вновь заливали стеклянной массой⁵⁰⁶. Этот вид бус в некоторых славянских областях, в частности на Руси, был наиболее распространен.

Среди стеклянных бус иногда попадаются экземпляры из хрусталя, сердолика, халцедона, аметиста, альмандина, а также и из янтаря. В находках, относимых к неолитическому периоду, янтарь встречается в большом количестве во всей Средней Европе и Руси; в рассматриваемую эпоху он был редким материалом, который привозили с побережий Балтийского моря или из района среднего течения Днепра⁵⁰⁷.

Относительно часто встречаются нанизанными среди бус раковины типа *Cyprea moneta* или *Cyprea pantherina*, бывшие в то время предметом торговли и свидетельствующие о связи славянских земель с Красным морем и Индийским океаном⁵⁰⁸. Иногда их заменяли зубы собаки, волка и медведя.

В X в. большого распространения достигают металлические дутые бусы, обычно яйцевидные или наподобие бочончков, осыпанные по поверхности зернью; они были восточного происхождения; однако славяне рано начали подражать этим образцам, но местное изготовление отличалось более грубой техникой⁵⁰⁹.

⁵⁰⁶ Ханенко. Древн., V, стр. III. Спицын. Петербургск. кург., 15 и след; Гдовские кург., 21 и след. Сизов. Смоленск, кург., 53. Толстой—Кондаков. Р. Древ., V, 154.

⁵⁰⁷ Янтарн. бусы изредка находят в Чехии — *Pič. Starož.*, III, 89; в Польше — *Swiatowit*, IV, 31, а также в Южной и Средней России — Ханенко. Древн., V, 14; Спицын. Радимичск. кург., 102 и Антонович. Раскоп. Древлян.; *Jakob. Handelsartikel*, 63 — о торговле араб. янтарем.

⁵⁰⁸ О торговле раковинами см. *Conwentz. Einführung von Kauris und verwandten Schneckenschalen als Schmuck in Westpreussen zur vorg. Zeit* (Mitth. Westpr. Gesch.; Ver. I и Globus LXXXI, 148).

⁵⁰⁹ Толстой—Кондаков. Рус. Древ., V, 62, 154; Русск. Клады, 134. табл. VII. *Pič. Starož.*, III, 91. Сизов. Смоленск, кург., 54.

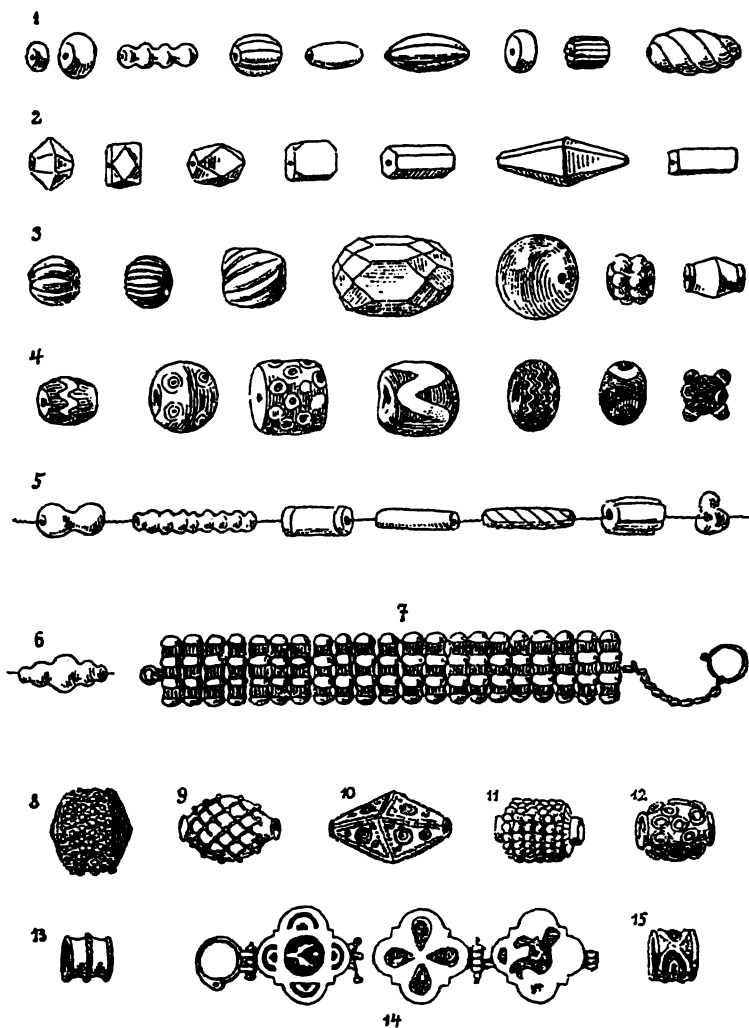

Рис. 20. Бусы и низки.

1—6 — Стекланные бусинки из славянских земель;
 7 — из Каневского уезда; 8 — Киев; 9 — Могилевск. губ.;
 10 — Чехия; 11 — Набутон (Киев); 12, 13, 15 — Петербургск. губ.;
 14 — Сахновка (Каневск. у.)

Существовал и другой вид металлических бус в виде небольших цилиндриков или трубочек, украшенных по краям и в центре. Кроме этого, следует отметить характерные для Волыни, Киевской губ. и Галича бусы наподобие малиновых ягод, так называемые «минского типа»⁵¹⁰.

К этой группе можно присоединить шейные украшения из узких серебряных или позолоченных пластинок, лоточков, иногда полуцилиндриков, закругленных вверху и внизу и соединенных друг с другом, причем низка (нить, тесьма, лента) пропускалась через дырочки, проверченные по их сторонам. Подобные ожерелья были отмечены в скифо-сарматских могилах, а впоследствии вновь появляются в Южной Руси, как предмет чужеземной торговли⁵¹¹.

Подвески. Наряду с металлическими и стеклянными бусами к шейным украшениям присоединялись металлические подвески различных форм. В большинстве случаев они были иноземного происхождения — северные, финские, арабские, византийские, и так как на славянской территории их было найдено большое количество, то при рассмотрении должно ограничиться лишь наиболее характерными для VIII—XII вв. типами.

В период VI—VII вв. для всей Руси весьма типичны подвески «мощинского» типа, украшенные выемчатой эмалью зеленого и красного цвета.

На первом месте следует поставить подвески из металла в виде широкого серпа, полумесяца, так называемые лунницы. Эта форма появилась издревле на Руси; она уже встречается в скифо-сарматских, римских, греческих и древних кавказских могильниках, и была чужеземного происхождения. Типические серебряные лунницы X—XI столетий, осыпанные зернью, явля-

⁵¹⁰ *Завитневич.* Зап. Арх., X, табл. II, рис. 17—21.

⁵¹¹ *Ханенко.* Древн., V, 15, табл. XXIV, XXV и XXIX; вып. VI, табл. XXXIII. *Кондаков.* Рус. клады, табл. III, V, IX, XI; он же и *Толстой.* Рус. Древ., V, 115, 116.

ются, если они не были местным, более грубым подражанием, предметом арабской торговли, и шли, скорее всего, из Сирии или Финикии⁵¹².

Наряду с этим в русских могилах найден другой, более древний тип лунницы — кругловатый, с почти сведенными вместе концами, возникший еще до заноса в славянские пределы арабской формы. Все эти типы лунниц⁵¹³ очень многочисленны в Южной и Средн. России и несколько реже встречаются на севере, в Приладожье.

Торговыми путями эти подвески из России проникали на запад и юго-запад и были типичными для кладов серебряных вещей Восточной Германии, Галиции, Венгрии и хорватских могил XI в. (у Bílého Brda).

Другим, еще более распространенным, типом были подвески в виде малых медальонов со штампованным или литым орнаментом, украшенным зернью, филигранью или ажуром самых разнообразных сочетаний и мотивов. Лишь в немногих районах можно отметить местные черты, наприм., в Петербургской губ. встречаются медальоны по преимуществу с плетеным орнаментом, в Полтавской губ. — ажурные, прорезные. Их находки повсеместны, но особенно часты в Средней России в могилах X—XII в. (рис. 21).

Вместе с медальонами в могилах найдено еще большое количество малых подвесок к шейным украшениям. К ним относятся сердцевидные, или наподобие листа, пластинки, снабженные

⁵¹² Кондаков (Р. клады, 198) полагает, что лунницы возникли в Сирии, откуда были занесены в Египет, М. Азию и Византию; в Русск. Древ., V, стр. 39, отмечено, что их носят в Сирии в настоящее время.

⁵¹³ Разбор и перечень видов лунниц, найденных в России см. у Толстого—Кондакова. Рус. Древ., V, 156; Спицын. Гдовск. кург., 25, кург. Петербургск., 17 и след. и Сизов. О происхождении височных колец, стр. 5 и след.

наверху ушком, а по лицевой стороне украшенные стилизованным орнаментом растительного побега, или пальметкою, или рельефами в виде розеток и кружков. Они были также восточного происхождения и являются отличительным признаком венгерских и славянских могил Венгрии, где были находимы наряду с S-видными заушницами.

Также встречаются подвески в виде стилизованных лилий из двух лепестков с бутоном посреди, что следует считать за восточновизантийский крин (τὸ κρίνον); вообще, лилия весьма характерна для Сирии и Палестины⁵¹⁴. Кроме того, к западным монетам и арабским диргемам приделывали ушки и носили их как украшения на шее, наряду с другими подвесками, имевшими форму мечей, секирок, молоточков, гребешков и проч.⁵¹⁵

В Сибири и в районе финских поселений Поволжья были в большом ходу подвески в виде прорезных ажурных квадратиков или продолговатых, отлитых из бронзы бляшек, к которым прикреплены цепочки с висящими на них бубенцами и лапками; они вполне точно воспроизводят в металле матерчатые или жгутовые плетения⁵¹⁶, и сходны с рассмотренными пряжками финского происхождения. К ним можно присоединить финские подвески из толстой проволоки, образующие сверху род треугольников (иногда двойных) из плетеных жгутиков⁵¹⁷.

Финнам принадлежит и множество плоских, литых фигурок зверей и животных: коньков с всадниками и без них, собак, баранов, уток, гусей, которые особенно типичны для финского

⁵¹⁴ Толстой-Кондаков. Рус. Древн., V, 144 и Рус. Клады, 1, 206 и след. Лилия, как орнаментальный мотив, появилась на Руси в IX—X столетиях.

⁵¹⁵ Ханенко. Древн., V, 15, табл. 17. Спицын. Гдовск. кург., 27.

⁵¹⁶ Гр. Уваров. Меряне, табл. XXV. Спицын. Древн. Камской Чуди, 23 и след. табл. XL Толстой—Кондаков. Рус. Древ., V, 160.

⁵¹⁷ Спицын. Пет. кург., 22 и след. Владим. кург., 103; Древн. Камск. Чуди, табл. XII и след. Толстой—Кондаков. Р. Др. вып. V, стр. 198.

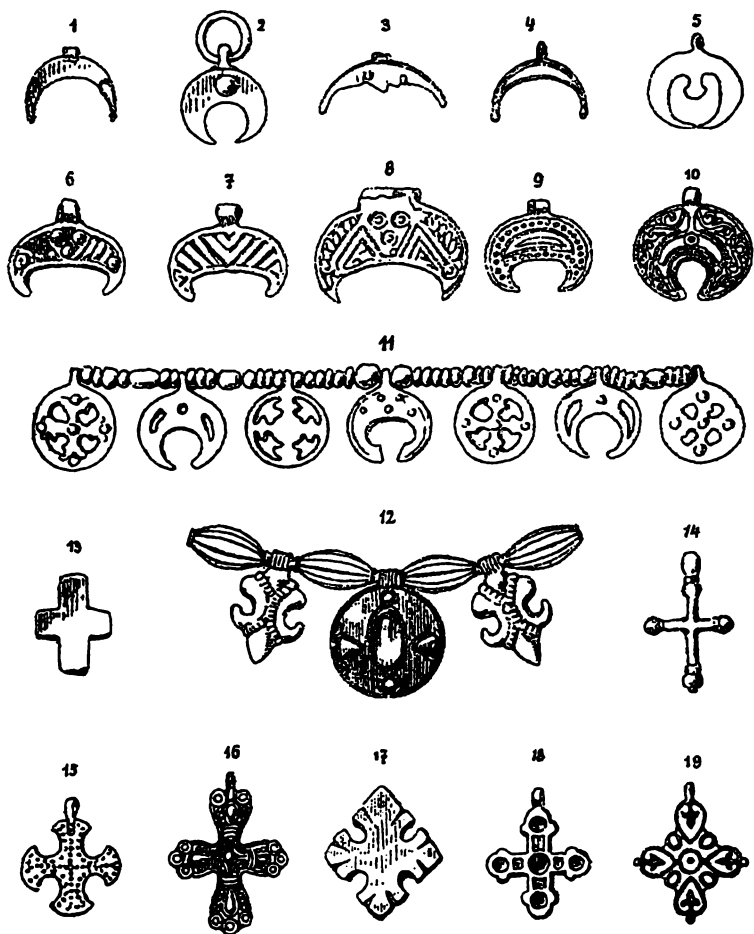

Рис. 21. Лунницы и подвески.

- 1 — Ромны (Полтавск. губ.); 2 — Страдонице (Чехия);
 3 — Сахновка (Киевск. губ.); 4 — Пешт; 5 — Камбулта (Кавказ);
 6—7 — Гнездово (Смоленск, губ.); 8 — Bílé Brdo (Хорватия);
 9 — Владимирск. губ.; 10 — Волоколамск; 11 — Харьковск. губ.;
 12 — Сахновка; 13 — Херсонес (Корсунь); 14 — Петербургск. губ.;
 15 — Подол (у Киева); 16—17 — Черниговск. губ.; 18 — Владимирск. губ.;
 19 — Черниговск. губ.

Поволжья, Урала и Сибири, и откуда они шли на юг до Киевской, и на запад до Минской, Витебской губ., а также и в Ливонию.

Для северных славян характерны стилизованные полуфигурки зверей, имеющие какое-то символическое значение и употреблявшиеся в шаманской магии, Среднеазиатского (туркменского) происхождения, по мнению проф. Кондакова, были подвески из металлических трубочек, служивших украшением пряжек, найденных в тамбовских могилах⁵¹⁸.

В великокняжескую эпоху XII и XIII вв. началась выделка подвесок в киевских золотых дел мастерских, отличающихся иногда высоким художественным достоинством. Князья, вельможи и богатые люди того времени носили на шее золотые или серебряные цепи из отдельных звеньев, обычно кругловатой формы, между которыми были укреплены подвески в виде медальонов. В это же время начинают носить на шее, на цепочках или шнурах кресты. Эти вещи, нередко великолепной работы, изготовлялись по византийским образцам в славянских пределах (Киев), что подтверждается некоторыми техническими и стилистическими признаками⁵¹⁹ и славянскими надписями.

Лицевая сторона обычно украшена филигранью, зернью, драгоценными камнями в больших гнездах или выполнена эмалью, изображающую святых в композиции «Деисус». Примерами подобных изделий могут служить богатые находки Рязанского (1822) и Киевского (1824) кладов. Эти церемониальные украшения, так называемые «бармы», одевались в особо торжественных случаях, напр., при вступлении на княжение, и вели свое начало от древних римско-византийских нагрудных знаков отличия (фалары). Некоторые русские археологи полагали, что бармы — не что иное, как царское оплечье, на котором нашиты медальоны.

⁵¹⁸ Толстой—Кондаков. Русск. Древн., V, 75; Ястребов. Лядинск. мог., 9—13, 32, табл. I.

⁵¹⁹ Кондаков. Р. Клад., 48, 89—90. Толстой—Кондаков. Р. Древн., V, 37.

Н.П. Кондаков справедливо указал, что подобные медальоны носились подвешенными к шейным украшениям и ввиду того, что оплечье делалось из полосы шелковой, парчовой золотой ткани, шитой жемчугом или украшенной драгоценными камнями, сажеными рядами, оно не имело ничего общего с металлическими медальонами. Такие матерчатые оплечья появились на Руси из Византии (где они были частью придворного облачения) в сравнительно позднюю эпоху, не ранее XIV в.⁵²⁰

Подобно лунницам и медальонам, на Руси подражали византийским образцам, изготавливая крестики; первые найденные экземпляры относятся к корсунским изделиям. Впоследствии, в Киеве стали подражать корсунским образцам, или инкрустированным и эмалевым крестам, как простым, так и складным (επισκοπίον'ы), причем их снабжали славянскими надписями⁵²¹. Так, крест XII в., найденный в Белой Церкви, около Василькова, — бронзовый, позолоченный; перегородчатой эмалью исполнено в центре изображение Спасителя с Богородицею и Иоанном Крестителем — «Деисус»; сверху — голова арх. Михаила, а внизу — Гавриил (Гакрил). В Средней России чаще всего попадают литые кресты с различно расширенными концами⁵²².

К этим медальонам и крестикам (тельникам) относятся полуязыческие круглые бляшки, так называемые змеевики — талисманы, охраняющие от болезней и смерти⁵²³. Однако нахождение

⁵²⁰ Кондаков. Р. Клад., 83, 158 и след., 165 и след., 186. Толстой—Кондаков. Русск. Древн., V, 127 и след., 132 и след. и 160. Гр. Уваров. Суздальское оплечье. Древ. арх., V, 1—18, Москва.

⁵²¹ Ханенко. Древн., 4; Древн. Приднепров., V, 9, табл. XIII. Эмаль на этих вещах встречается двоякого вида — выемчатая (émail champlévé) или перегородчатая (émail cloisonné).

⁵²² Толстой—Кондаков. Русск. Древн., V, 31 и след. Русск. Клады, 46 и след. Спицын. Петерб. кург., 16 и след. Владимирск. кург., 143 и след.

⁵²³ Уже в могилах, относимых к концу языческого периода, находят медальоны с переплетенными змеями; позднее они остаются

крестиков не всегда могло служить признаком христианской могилы, так как их нередко носили как шейные украшения, не придавая определенного религиозного значения⁵²⁴.

Гривны. Другой, не менее обширной, группой шейных украшений были кольца, витые из проволоки или кованые, более или менее массивные. Некоторые исследователи считали, что славяне заимствовали их из Византии или с Востока⁵²⁵.

Эти украшения, в отличие от монист и ожерелий, уже издавна назывались гривнами⁵²⁶, общ.-слав. — grivna связано с griva, грива;

на оборотной стороне, лицевая же снабжается изображ. святого. Толстой—Кондаков. Русск. Древн., вып. V, стр. 162. О змеевиках см. гр. И.И. Толстой. О русских амулетах, называемых змеевиками. СПб., 1888. Петров. О некоторых змеевиках, энколпионах, найденных в Киевск. губ. Арх. Изв. и Зам., VI, 1898, 157.

⁵²⁴ Толстой—Кондаков. Русск. Древн., V, 87.

⁵²⁵ Кондаков Н.П. полагает, что массивные русские гривны происходят от византийского маниака (*μανίαξ, μανιάκης, μανιάχιον* в значении древнего *στρεπτός*, *torques*), шейного обруча, бывшего в Византии почетным знаком отличия за храбрость, и которым также удостоивали высшие чины и гвардию (отсюда становится понятным название легионеров в сочин. Иоанна Лиды De mag. 1,46 — *τορξουάτοι, στρεπτοφόροι, οἱ τοὺς μανιάκας φοροῦντες*). Развивая свой взгляд, проф. Кондаков указывает, что маниаки пришли в Византию из Персии, где они уже существовали в эпоху Кира (*Xenofont*, I, 2, 27.). Имеется ряд свидетельств, что в Персии и Туркестане был обычай носить их как знаки отличия, которыми награждал царь (см. фигуры на вещах клада *Nagy Szt Mikloš, Hampel Alterthüm*. III. 299—302). Однако нет достаточных оснований предполагать, что обычай носить шейные обручи пришел только из Персии, так как в Центральной Европе они встречаются уже в могилах ранней бронзовой эпохи.

⁵²⁶ Это слово упоминается в памятниках письменности XI—XII вв., как для обозначения шейного украшения, так и денежного знака, см.

другой термин — ожерелье, чешск. — *ohrdli* от ст.-слав. — *gъrdlo*, церк.слав. — *грьло*, горло и жердло⁵²⁷. Отчасти они изготовлялись по образцам, известным еще в доисторическую эпоху, но в большинстве случаев им придавали новые формы, возникшие в области славян, или занесенные к ним в южные и восточные пределы.

Первоначально были в употреблении гривны из гладкой проволоки с заходящими один за другой, как бы завязанными концами. Эта древняя римская форма, аналогичная височным кольцам, была типичной для области кривичей. Более поздняя разновидность этого типа с плетеным или витым кольцом была найдена в погребениях радимичей и вятичей⁵²⁸; причем иногда сплетенные вместе концы образуют сложную спираль. Этот тип встречается в северной части славянской области и в скандинавских землях⁵²⁹. Более распространен у славян другой древний вид колец из ординарной или двойной крученой проволоки с ушком и крючком на концах; прототип его найден на полях сожжения в Чехии, Моравии, затем в керченских гробницах и в прусских погребениях V—VI столетий. Концы гривны этой формы иногда были обмотаны проволокой; эта разновидность особенно характерна для югославянских могил X—XI вв. Венгрии и Хорватии, где она встречается наряду с S-видными заушницами⁵³⁰.

Бруншмид полагает, что эта форма возникла на юге и оттуда распространилась вплоть до Финляндии и Готланда; эта гипотеза

Срезневский. Мат. I. 588. В *Mater Verborum* занесена новая глосса — *hrivna torques, ornamentum colli*; с этим значением слово удержалось у болгар и сербов.

⁵²⁷ В «Слове о Полку Игореве» читается: «Един же изрони жемчужну душу из храбра тела чрес злато ожерелие».

⁵²⁸ *Спицын*. Радим. кург., табл. V, 1—3. *Макаренко*. Новленский и Заколпский мог., Влад, губ., 38, 45, 55, табл. II. Владимир, 1908.

⁵²⁹ *Montelius*. *Antiquites*, 168—170 и *его же Kulturgeschichte*, 296.

⁵³⁰ *Vjesnik horvat.*, VII, 44 и след. 50, 80. *Reinecke*. *Studien über Denkmäler des frühen Mittelalters* (Mitth. anthr. Ges. Wien, XXIX, 1899).

вполне приемлема, пока новая статистика находок не укажет на другую область как центр их происхождения⁵³¹.

Наряду с гривнами, изготовленными из одного куса проволоки, встречается одновременный им, и также древний тип колец, витых из нескольких серебряных проволок, оканчивающихся двумя крючками или расплющенной проволокой наподобие язычков, которые украшены тисненым или резным орнаментом в виде кружков, треугольников и проч. Эти гривны особенно распространены в Восточной Германии: и на север до Прибалтийского края, Петербургской губ. и Приладожья.

Витые гривны были в XI в. (на что указывают изображения на монетах) одним из главных предметов торговли, которая доставляла с Востока ценные украшения западным славянам. Они были, вероятно, восточного происхождения⁵³², но отдельные находки можно рассматривать как подражания, изготовленные в русских или скандинавских мастерских.

Часть найденных гривен можно считать за местные, русские изделия, причем техника их однообразна и несложна. Образцы, в особенности для ценных гривен, с филигранной отделкой шли с Востока — из Персии или Туркестана⁵³³. Наоборот, гривны с расплющенным концом в виде язычка, украшенные характерным тисненым орнаментом, следует относить к второстепенным изделиям скандинавских мастерских⁵³⁴.

Третьим, равным образом древним, типом гривны было кольцо из толстой проволоки с двумя массивными крючками, пуговицами различной формы или спиралями, которые, смы-

⁵³¹ *Brunšmid*. Vjesnik VII, 49 и след. *Hampel*. Alterthüm. I, 390, 395, 411, 417.

⁵³² *Кондаков*. Русск. Клады, 8.

⁵³³ Серьги, найденные в керченских гробницах, были искусно переплетены филигранью. Изв. Арх. Ком., IX; 161. Позднее этот вид становится типичным для восточных кладов.

⁵³⁴ *Müller*, Nord Alt., II, 287.

каясь, заходили друг за друга. Проволока была ordinaria или двойная, и иногда настолько толстая, что требовалось употребить известное усилие, чтобы свести вместе концы⁵³⁵. Этот тип известен в Германии и северных странах уже в более позднюю бронзовую эпоху и в римский период; позже он появляется в Прибалтийском крае, затем в Люцине и в восточных пределах Руси, в Вятской и Пермской губ. В Гнездове была найдена редко встречающаяся железная гривна с подвесками в форме колечек и молоточков, скорее всего, скандинавского происхождения.

В гривнах, типичных для Черниговской и Киевской губ., концы отстоят настолько далеко один от другого, что их связывали шнурком или проволокой; к ним же можно отнести и массивные финские кольца с обмотанными проволокой или загнутыми концами, в виде крючка и петли. Они были найдены в Курманском, Кузьминском и Лядинском курганах, и также встречаются в Московской, Смоленской и Киевской губ., доходя до Приладожья и Балтийского края⁵³⁶.

Особую, довольно обширную, группу составляют гривны массивные или витые, расплющенные, чаще всего на концах, наподобие листов или ромбов, которые бывают украшены тисненым или резным орнаментом. Находки их наиболее часты в Петербургской губ., но встречаются также и в Киевской губ., а отдельные экземпляры были отмечены и в Гаграх на

⁵³⁵ Сизов (Смоленск. кур. стр. 48 и след.) высказывает предположение на основании подобной находки в одной из могил Моск. губ., что эти железные кольца были обтянуты дорогой тканью, к которой прикреплялись подвески. Ср. обручи, найденные в могилах Приладожья (*Бранденбург*, стр. 38) и в Радимич, кург. (*Спицын*, стр. 33).

⁵³⁶ *Ястребов*. Лядинск. мог., 22, табл. XI, XV; *гр. Уваров*. Курманск. мог., «Древности», XIV, табл. V, XI; *Спицын*. Древ. Камск. Чуди, табл. II, X, XVII *Бранденбург*. Кург. Приладожья, 36—39; *Толстой—Кондаков*. Русс. Древн., вып. V, 153.

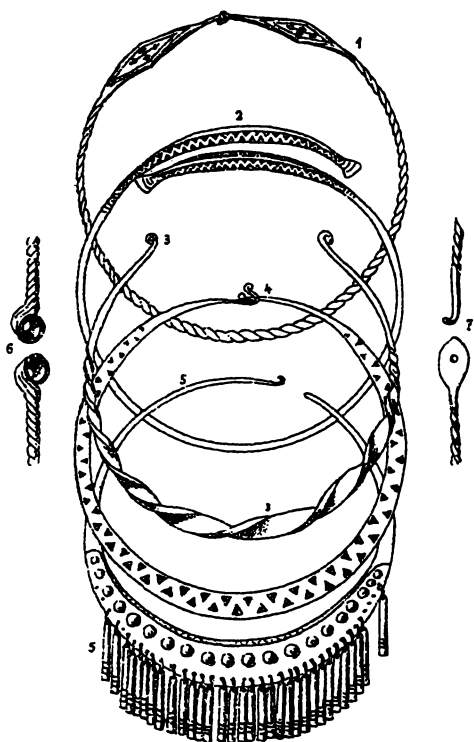

Рис. 22. Гривны и шейные украшения.

1—2 — Петербургск. губ.; 3 — Киевск. губ.; 4 — Приладожье;
5 — Лядинск. мог. (Тамбовск. губ.); 6 — Вильно;
7 — Кузьминское (Рязанск. губ.)

Кавказе⁵³⁷; на западе они нередко попадают в районе Мекленбурга⁵³⁸. Прототипом их можно считать скандинавские шейные украшения, первоначально оканчивавшиеся змеиной головой (III—IV вв.), впоследствии замененную простыми утолщениями на концах⁵³⁹ (рис. 22).

⁵³⁷ Спицын. Гдовск. кург., 21 и след., табл. XXIII. Что касается находок в Гаграх, то Спицын относит их к более древней эпохе.

⁵³⁸ Beltz. Alt. 368. табл. LXIX.

⁵³⁹ Blüme. German. Stämme, 75 и след.

В приладожских курганах найдены серебряный гривны, кольцо которых по всей окружности расплющено и украшено орнаментацией из треугольников, характерной для финских изделий⁵⁴⁰; того же происхождения и гривны, иногда плоские по всему кругу, а иногда только в его средней части; нижний край снабжен мелкими отверстиями для подвешивания погремушек в виде трубочек или гусиных лапок. Этот вид гривен характерен для погребений, находимых по Оке и Волге в губерниях — Тамбовской, Рязанской и Владимирской⁵⁴¹, а на западе, в районе Вильны⁵⁴².

В Тамбовской и Рязанской губ. были найдены гривны, заканчивающиеся с одной стороны диском, отчасти сходным с древними балтийскими формами, а отчасти развившиеся из проволочных гривен, один конец которых был сделан в виде малой пластинки, снабженной отверстием⁵⁴³.

Трудно установить для каждого отдельного типа и разновидности гривны как время возникновения, так и определить поскольку они вышли из чужеземных или славянских мастерских, вследствие того, что эти мастерские до сих пор остаются в большинстве случаев неизвестными. Кроме того, некоторые виды этих вещей изготовлялись одновременно в разных областях. Среди

⁵⁴⁰ *Бранденбург*. Кург. Приладож., 38. Особым видом, родственным княжеским гривнам, была в Древн. Руси так называемая «месяца гривенная», имевшая форму плоского полукруга в виде серпа, концы которого смыкались на шее, а низ был увешен цатами. В языческую эпоху они не отмечены и появляются лишь на поздних иконах. *Кондаков*. Р. Клад., 174.

⁵⁴¹ *Ястребов*. Ляд. мог., 21 и след., табл. IV, XV. *Толстой* — *Кондаков*. Р. Древн., V, стр. 79; *Кондаков* считает их копией византийского мениска (meniska) — лунницы.

⁵⁴² У *Свенция*. Тр. IX Арх. Съезда, II, табл. X и *Katalog*, Riga, tabl. XXVIII, 3.

⁵⁴³ *Спицын*. Древности Оки и Камы, XVII, табл. VII, X, XXIV, 5.

них были чужие образцы, которым подражали, внося лишь некоторые изменения в их форму, но были также и местные изделия, достигавшие торговым путем чужих стран, и переделывавшиеся сообразно существовавшей там моде и вкусам.

Такое скрещивание форм было тем более возможно, что гривны служили и денежною единицею, вследствие чего приобретали повсеместное распространение в гораздо большей мере, чем иные виды ценных украшений.

Переходя из рук в руки, из края в край, гривны претерпевали различные изменения, чем и объясняется необычайное количество отклонений от основных типов. Кроме того, следует отметить, что славяне при изготовлении гривен следовали преимущественно финским и тюрко-татарским образцам. Собственно славянским местным изделием была гривна из простой или витой проволоки весьма несложной формы. Славяне предпочитали массивным гривнам мониста из стеклянных бус или металлических бляшек и цат, и потому они преобладали в тех областях, где славяне не подчинялись всецело чужим влияниям (финским и восточным). Наоборот, финны и латыши носили массивные гривны, нередко по несколько штук сразу, что подтверждается результатами раскопок Люцинского могильника⁵⁴⁴.

Существуют также и исторические свидетельства о ношении массивных гривен: Нестор сообщает под 1015 г. о слуге кн. Бориса, который носил гривну: «бе бо в зложил на нь гривну злату велику» (Лавр. лет., 131). Носили их также и славянские дружинники, состоявшие на службе у кордовских калифов⁵⁴⁵.

Золотая гривна упоминается в «Слове о Полку Игореве»: «Един же изрони жемчюжну душу из храбра тела чрьсь злато ожерелье». В польской «Хронике Галла» в скорбном песнопении,

⁵⁴⁴ Люцинск. мог., 23. У тюрко-татарских каменных баб на шее иногда намечено 3 гривны, см. *Мельникова*. Каталог колл. А. Поля, табл. 13.

⁵⁴⁵ *Conde*. Hist, de la domin. de los Arabes in Espana. Madrid, 1820, 352.

оплакивающим смерть Болеслава Великого, упоминается шляхта с гривнами: «Vos qui torques portabatis in signum militiae»⁵⁴⁶. Золотая гривна на шее князя упоминается также в «Шестодневе» Иоанна, экзарха Болгарского⁵⁴⁷.

XXIV. БРАСЛЕТЫ, ЗАПЯСТЬЯ, КОЛЬЦА, ПЕРСТНИ И РАЗЛИЧНЫЕ МЕЛКИЕ УКРАШЕНИЯ

1. *Браслеты и запястья*. Еще до римской эпохи на территории, впоследствии ставшей славянской, в могилах с сожжением встречаются браслеты, но лишь в виде простых бронзовых колец с концами, соприкасающимися или заходящими друг за друга⁵⁴⁸. Иные формы попадаются редко и, во всяком случае, были чужого происхождения. Эти браслеты были повсюду одинаковы и считались одним из обыкновенных предметов торговли; без сомнения можно предполагать, что местные мастера и ремесленники пробовали плавить бронзу и пытались сами выделывать эти вещи.

В римскую эпоху они еще не нашли себе широкого применения, в силу чего нельзя усмотреть особого развития их форм. В этот период преобладают браслеты из проволоки с разомкнутыми или связанными концами, которые были характерною римскою и греческою формою, в северных провинциях и колониях⁵⁴⁹.

Широкие массивные браслеты появляются в Средней Европе лишь в позднюю римскую эпоху и в последующий мерovingский

⁵⁴⁶ Mat. Pol. His., I, 413; ср. «Eius tempore non solum comites verum etiam quique nobiles torques aureas immensi ponderis baiulabant (ibid. I, 407).

⁵⁴⁷ «...видела князя в сраце златами нищыми шьвена и на вьии гривьну злату носяща» (Срезневский. Древн. из. Бор. и Глеба, стр. 24).

⁵⁴⁸ Pič Starož;, II, 3, 21, 48, 77, 123. Červinka. Kultura polí, 28, 42, 46.

⁵⁴⁹ Hostmann. Urnenfriedtiof, tab. VIII, 23. Pič. Starožit, 11, 2, 53. ср. Ханенко. Древн., V, табл. 8.

период, под германским влиянием, где они встречаются и в более древние времена. В Восточной Германии и Прибалтийском крае в римскую эпоху были распространены широкие, из белого сплава, браслеты с концами в виде стилизованных змеиных голов⁵⁵⁰; в пределах Литвы были типичными и меровингские браслеты с конически утолщенными концами, что также характерно и для сармато-аварских погребений Венгрии в период от III до VIII в., или массивно отлитые с тисненым орнаментом из ряда концентрированных колечек.

Мощинский тип эмалевых украшений создал особую форму браслетов, сходных по стилю с застежками, украшенными растительным (наподобие веток) орнаментом⁵⁵¹. Вполне допустимо, что все эти разновидности браслетов проникали к славянам, хотя сведений для подобного утверждения имеется мало.

Видимо, славяне в это время мало носили браслеты, за исключением тонких (и вовсе избегали массивных), гладких колец из проволоки, которые при сожжении тела могли быть уничтожены огнем.

В могилах с костяками находки браслетов, начиная с XI в., отмечаются чаще, но и то для некоторых областей. В период IX—XI вв. в Чехии, Польше и в России; в центре славянского прарождества, на Волыни и в Древянской земле (а для X в. Смоленской губ. — Гнездовский могильник), находки браслетов исключительно редки⁵⁵². Обильнее и разнообразнее по формам были браслеты в XI в. в Придунайской области, а также на се-

⁵⁵⁰ *Blüte. Germ. Stämme*, 64 и след.

⁵⁵¹ *Спицын. Зап. Арх.*, V, 183.

⁵⁵² *Pič. Starožit.*, III, 78; труды XI Арх. Съезда, 499, 501; *Антонович. Раск. Древл.*, 17; *Steinhilf. Арх. Летоп.*, 1904, 180; *Сизов. Смоленск, кург.*, 51. Однако при княжеских дворах браслеты, как и вообще ценные украшения, были в большом ходу. См. свид. *Gallus'a* о придворных польских женщинах времен Болеслава Великого (I, 12): «Mulieres vero curiales coronis aureis, monilibus, murenulis, brachialibus, aurifrisxis et

вере и востоке России, где их носили не только женщины, но и мужчины⁵⁵³. Бедные слои населения в это время еще довольствовались первичными видами массивных граненых или проволочных колец, которые иногда сменяются древней греко-римской формой со связанными концами, причем отмечается искусный узел норманского характера⁵⁵⁴.

Другой тип браслетов из витой проволоки оканчивается крючком и петелькой, или концы его завязаны в узел; он обычен, как и подобной формы гривны, для венгерских и хорватских могил X—XI вв.

В Северной России встречаются браслеты, плетенные из двух толстых проволок с обрубленными концами⁵⁵⁵, или так называемый «смоленский тип», когда перевивы проволоки заканчиваются петлями; несколько позднее эта форма становится характерной для Смоленской, Московской и Калужской губ., откуда она не проникла и во Владимирскую, Харьковскую и Петербургскую губ.⁵⁵⁶

Наряду с браслетами из проволоки у славян существовали и плоские в большей или меньшей мере массивные с тисненым или

gemmis ita onustae procedebant, quod ni sustentarentur ab aliis, pondus metalli sustinere non valebant» (Mat. Pol. Hist., I, 407).

⁵⁵³ *Бранденбург*. Кург. Приладож., 27. Следует отметить, что в славянских могилах не встречается больших браслетов, которые могли носить выше локтя, из чего до некоторой степени можно заключить, что рукав был неременной принадлежностью костюма. См. *Завитневич*. Труд. XII Арх. Съезда, I, 107.

⁵⁵⁴ *Спицын*. Владим. Кург., 145 и след. 152.

⁵⁵⁵ В курганах Петербургской губ., по статистике находок, этот тип исключается в 80 %. *Спицын*. Петербургск. кург., 29, Гдовск. кург., 31.

⁵⁵⁶ *Спицын*. Кург. Петерб., табл. IV—V; Кург. Гдов., табл. XXV; *Макаренко*. Новлен. и Заколпск. мог., Влад. губ., табл. III; *Мельникова*. Труды XII Арх. Съезда, I, 760. *Спицын* в Кург. Петерб. губ. эту разновидность браслетов относит к XII—XIV столетиям (Гдов. кург., 31).

резным орнаментом, и с концами, свернутыми извне в трубочку. Древний, более узкий, их вид впоследствии становится довольно широким. Орнамент обычно состоит из зубчатых линий, точек, колечек, ромбов или наколотых треугольников. Этот плоский тип браслетов с орнаментом, исполненным наколом, можно считать за местный, славянский. В X и XI вв. он встречается на славянской территории повсюду: от западных ее границ и Придунайской области, и доходит на север⁵⁵⁷, где под чужим (северным) влиянием он изменился в более массивный, граненый с выпуклым ребром и тисненым орнаментом, вместо накола. На северо-востоке России, во Владимирской губ., встречается вариант плоских браслетов с несколько расширенными концами, которые отмечены также в финских погребениях (Рязанская губ.) и весьма типичны для поздних славяно-мадьярских могил Венгрии. Эта форма, очевидно, возникла под азиатским влиянием (рис. 23).

Одновременно с местными изделиями в Северной и Восточной России встречается ряд чужих форм. К ним относятся финские вещи, в виде наручей и налокотников из спиралей, или широких плоских обручей с расплюснутыми и отогнутыми наружу концами.

Чаще всего встречаются выпуклые, литые браслеты, орнаментированные извилистыми линиями и углублениями, скорее всего, норманского происхождения, но, судя по грубости техники отдельных экземпляров, можно предположить, что их отливали и на Руси. При всей своей массивности они снабжены отверстием, чрезвычайно малым для нормальной руки⁵⁵⁸. Также

⁵⁵⁷ Этот вид браслетов отмечен в Kettlach'e — Archiv. f. Kunde öst. Gesch. Quellen, XII, 1854, 23. Для Придунайской обл. см. *Hampel*. III, 394, 520 и след. Весьма многочисленны находки их на Волыни и в пределах северян. Археолог. Летопись, 1903, 185; труды XII Арх. Съезда, I, 700; не менее часто встречаются в Центр. России, затем в Приладожье и Петерб. губ. *Спицын*. Петерб. кург., 32—33; *Бранденбург*. Кург. Приладож., 40.

⁵⁵⁸ Толстой—Кондаков. Р. Древн., в. V, стр. 52.

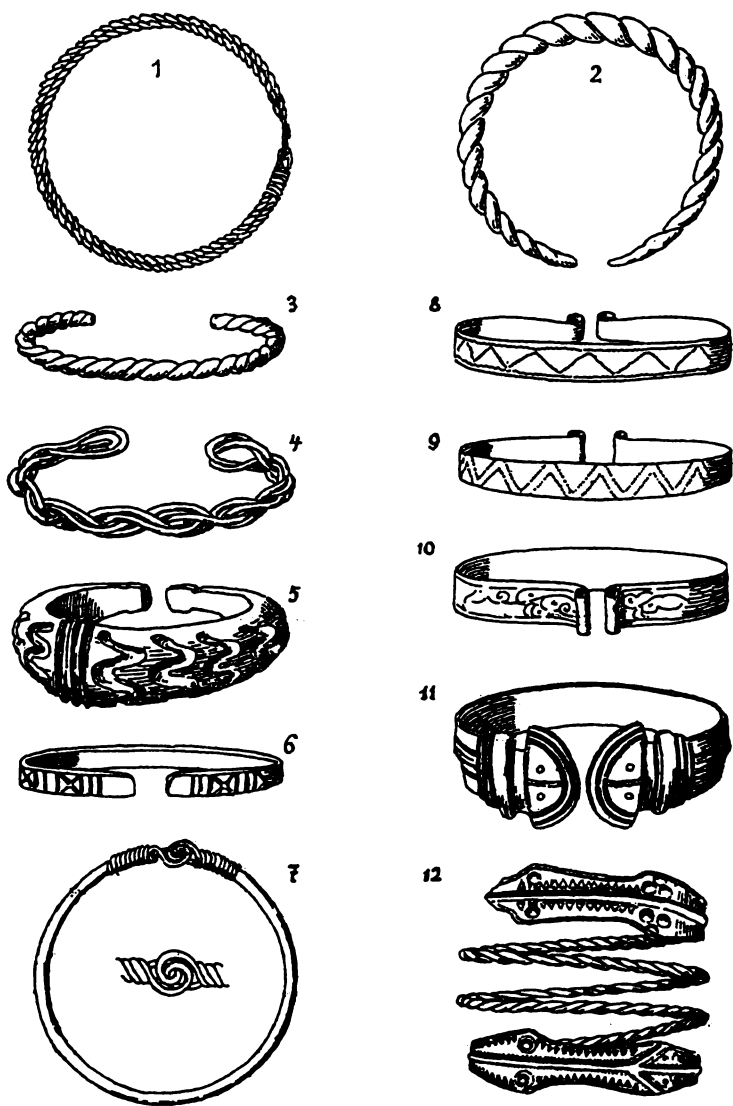

Рис. 23. Браслеты и запястья.

1—2 — Bile Brdo (Хорватия); 3—4 — Петерб. губ.; 5 — Приладожье;
 6 — Marienhof (Пруссия); 7 — Влад. губ.; 8 — Kettlach (Австрия);
 9—10 — Piliñ (Новгород); 11 — Пруссия; 12 — Marienhof (Пруссия)

найжены и чужие типы с утолщенными концами, известные уже из литовско-латышских могил, но часть их была южного, византийского происхождения.

Особого упоминания заслуживают браслеты со звериными головами. Еще в антике, как греческом, так и римском, обычны браслеты с конской или змеиной головой; большое число их было найдено в греческих колониях берегов Черного моря, откуда они перешли на север Европы, где, в силу непосредственного воздействия, весьма часто попадаются браслеты с двумя звериными головами, расположенными друг против друга. Этот тип удержался вплоть до XI в. и был отмечен в находках как на юго-западной территории славян в Венгрии, так и в России: Ярославской, Владимирской и Петербургской губ., хотя и претерпев большие изменения. Однако некоторые из видов змеевидных браслетов нельзя всецело производить от римских и греческих образцов. Они могли возникнуть в других центрах, а именно: в районе нижнего течения Вислы, где широкие плоские браслеты с закругленными наперед головами типичны для III—IV вв., и в Скандинавии, где для того же времени отмечено развитие проволочных браслетов со стилизованными головами змей, впоследствии схематизированных в расплющенные закругленные концы⁵⁵⁹, как это было уже указано на гривнах. Этот тип удержался до X—XI столетий. Стилистически измененный тисненым орнаментом он встречается на побережье Балтийского моря с вещами XI в.

В великокняжескую эпоху попадает еще один тип браслета, сделанного из толстой проволоки, или пластинчатого, из металлической массивной ленты со змеиными наставниками в виде лопаточек, причем последние украшены зернью, а иногда камнями или пальметками. Возможно, что эти браслеты были азиатского происхождения, так как они обнаружены вкладах XII—XIII вв.

⁵⁵⁹ *Montelius*. Kulturgesch., 179, 180; *ergo* же *Antiquités Suéd.*, 105 и след. *Müller*. Nordisch. Altert., II, 113.

на Сыр-Дарье⁵⁶⁰. Также к позднему времени (XII—XIII вв.) относятся широкие пластинчатые запястья (наручники, поручи); они делались обычно из двух створок, соединенных шарниром, и были настолько велики, что не только охватывали запястье руки, но, возможно, и начало рукава. Лицевая их сторона поделена на несколько частей архитектурными арочками, заполненными растительным или звериным орнаментом⁵⁶¹.

Последней группой являются стеклянные браслеты, встречающиеся в Европе уже до Р.Х. и весьма распространенные в Средней и Южной России в могилах XI—XIII вв. Они представляют литые стеклянные кольца, иногда ограненные, резные, или как бы витые, зеленоватого, синеватого и лилового цвета.

Они проникли в пределы Руси из Сирии⁵⁶² через Корсунь, даже до северных ее областей.

Старое славянское название для браслетов — обруч (обгущь) — сохранилось во всех славянских языках вплоть до настоящего времени, но в переносном значении⁵⁶³ — церк.-слав. — *bugъ* — *armilla* — было заимствовано из ст.-нем. *boug* — *Ring* (древ.-нем. — *baugr*; англ.-сакс. — *beát*), происходящему от гот. — *biugan*)⁵⁶⁴.

⁵⁶⁰ *Спицын*. Из коллекции Эрмитажа, 8.

⁵⁶¹ *Кондаков*. Р. Клады, III, 138, 140, 142; Русск. Древн., V, 111, 115, 123, 157—158.

⁵⁶² Сирия и Египет были первоначальным местом их выработки. См. *Кондаков—Толстой*. Р. Древн., в. V, 67. 123; Р. Клады, 36. *Завиткевич*. Изв. XII Арх. Съезда, 90.

⁵⁶³ Церк.-слав. — *обгъщъ*, обручь, болг. — *обръчь*, серб.-хорв. — *обруч*, ч. — *obguč*, польск. — *obgęcz*, *obgącz*. Этот термин встречается в памятн. письменности с XII столетия (*Срезневский*. Мат., II, 550).

⁵⁶⁴ *Heune*. *Hausalt.*, III, 346. Слово это обозначало металлический обруч, а вместе с тем приобрело значение денежной единицы. Поэтический эпитет скандинавских королей был «*baugbroti*» — *Ringsbrecher*, так как было в обычае, что король ломал и раздавал дружине обручи — *Noops* (*Reallex*. 180).

2. *Кольца и перстни.* В перстнях и кольцах у славян наблюдается значительное разнообразие и удержалось много простых древних форм, сделанных из проволоки, иногда из плоской металлической ленты или литых. Одновременно с этим замечается развитие новых видов, что подтверждается многочисленными находками, определяемыми VIII—XII вв. На основании формы их удобнее всего разделить на четыре группы: 1) кольца из витой проволоки или в виде сравнительно массивного ободочка, 2) плоские с орнаментировкой, 3) перстни, принадлежащие к обеим группам, но с расширенным щитком сверху и 4) перстни тех же групп, но украшенные бусиной из стекла, драгоценным камнем или филигранью. Кроме этого деления существуют различия между перстнями западной и восточной части славянства, в силу чего их следует рассматривать отдельно. Все славяне пользовались для обозначения этого украшения названием «перстень» (церк.-слав. — пръстънь, болг. — пръстенъ, древ.-русс. — пръстень, серб.-хорват. — прстен, parsten, чешск. — prsten, польск. — pierścien)⁵⁶⁵.

На западе и в Придунайской области наряду с простыми проволочными или витыми кольцами встречаются два типа: 1) толстые ограненные кольца, разделанные металлическим подобием жемчуга; они были найдены в Чехии, а впоследствии стали характерными для Дунайской и Хорватской области; 2) кольца из 2—3 витых вместе проволочек, причем они или спаяны вместе, или только соприкасаются концами; находки подобного типа были обнаружены в большом количестве в Венгрии и Хорватии, хотя они распространились и на север — в Чехию, Галицию и Польшу. Граненые кольца в форме ободочка с тисненым или наколотым орнаментом найдены в большом количестве как в Венгрии, так и в Альпах. В Чехии⁵⁶⁶ встречаются лишь просто

⁵⁶⁵ Этот термин отмечен в памятниках письменности, начиная с XI в. — *Срезневский. Мат.*, II, 1772.

⁵⁶⁶ *Pič. Starožit.*, III, 93.

перстни, но с надписями, в то время как в Польше (Плоцкая губ.) найдены прекрасные художественные экземпляры⁵⁶⁷.

Перстни с драгоценными камнями у западных славян попадаются весьма редко и в большинстве случаев были обнаружены в южных хорватских могилах. Так же немногочисленны и тонкие перстни, с расширенным спереди щитком; чаще встречаются подобной формы массивные перстни; хотя эта форма была известна уже в римскую эпоху, однако в славянских погребениях они появляются лишь к XI в.⁵⁶⁸, причем обычно украшены звездчатым орнаментом, вырезанным на щитке.

На востоке, наряду с простыми кольцами, были в обращении, еще до Р.Х., перстни чисто римской формы, из проволоки с концами, образующими узелок, затем плоские в виде ободочка, весьма распространенные повсюду и, по орнаментировке, сходные с западными. Позднее были в употреблении перстни с припаянной печаткой, плоской, круглой, квадратной и ромбоидальной формы, на которых уже не резьбою вглубь, а чернью⁵⁶⁹ были исполнены кресты, монограммы, фигуры птиц и зверей (чаще всего лев), а также великолепные массивные перстни с жемчужиною как натуральною, так и ее имитацией, исполненной филигранью, или с припаянной розеткой⁵⁷⁰.

Для России характерны два вида: во-первых, серебряные перстни, витые из двух и более проволок, типичные для Юго-Западной России, и весьма часто встречающиеся в курганах Волынской, Киевской, Черниговской и Полтавской губ.; они

⁵⁶⁷ *Swiatewit*, III табл. 12; VII табл. 4.

⁵⁶⁸ *Pič. Starožit.*, II, 2, табл. VII, *Hampel. Alterthüm.*, I, 428 и след. *Lindenschmidt. Handbuch*, I, 403 и след.

⁵⁶⁹ *Ханенко. Древн.*, в. V, табл. 23. О перстнях в русск. кладях см. *Толстой—Кондаков. Р. Древ.*, V, 143—144 и *Русск. Клады*, 115, 204 и след.

⁵⁷⁰ *Труды XI Арх. Съезда*, табл. VII. *Гр. Уваров. Меряне*, XXXI; *Спицын. Владимир. кур.*, 148.

заходят и севернее, в пределы Смоленской, Московской и Владимирской губ.; во-вторых, перстни (третьей основной группы) с расширенным щитком. Этот тип, редкий на западе, получил на Руси широкое распространение.

Наиболее древние формы имеют небольшое расширение, мало профилированное; позже возобладал щиток, закрывающий почти весь сустав пальца, причем тонкие концы иногда вторично огибают щиток.

Перстни со связанными, закрученными концами встречаются во всей Северной России, начиная с XI в.; их щитки украшены по краю резным ободком или тисненными треугольниками, кружками, зубчатым наколом, исполненным линиями⁵⁷¹. У кривичей и вятичей в пределах теперешней Рязанской, Московской и Смоленской губ. возобладали перстни с резным щитком, которые проникли до Владимирской губ., а на юге до Киева (рис. 24).

Тип с концами, вторично огибающими палец вокруг щитка, обилен на севере, в Петербургской губ. и в Приладожье, хотя единичные экземпляры попадаются в северо-западных областях России. Он, скорее всего, балтийского происхождения, и его прототипы были найдены в прусских погребениях, наряду с вещами, датируемыми приблизительно VII в.⁵⁷²

Как и у западных славян, так и на Руси, типичным был витой перстень со спаянными или не вполне сомкнутыми концами; иногда перевивы не прилегали плотно друг к другу и создавалось впечатление подражания шнуру, что особенно типично для массивных перстней. По происхождению подобные вещи можно считать литовско-латышскими; к славянам, как в Польшу, так и Россию (Витебская, Могилевская и Петербургская губ.), они приходили из Прибалтийского края.

⁵⁷¹ *Спицын*. Петер, кург., 31 и след. *Бранденбург*. Кург. Приладожья, 42, табл. IV. *Толстой—Кондаков*. Р. Древн., V, стр. 71.

⁵⁷² *Бранденбург*. Кург. Прил. табл. IV; *Heydeck*, Sitzungsber. Prussia, XIX, табл. VIII, 5, 6.

Рис. 24. Перстни и кольца.

1—6 — Bile Brdo (Хорватия); 7 — Klotšro (Хорватия); 8 — Svinjarevci — (Хорватия); 9 — Piliň (Словакия); 10 — Libice (Чехия); 11—12 — Bled (Хорватия); 13 — Gomboš (Бачка, Сербия); 14—15 — Bled; 16 — Bihar (Венгрия); 17 — Kaldus (Пруссия); 18—19 — Piliň (Словакия); 20 — Могилевск. губ.; 21 — Сту́жавка (Радомысльск. уезд.); 22 — Оржимовицы (Плоц. губ.); 23 — Зарайск (Ряз. губ.); 24 — Полтавск. губ.; 25 — Влад. губ.; 26 — Приладожье; 27 — Петербург. губ.; 28—29 — Зарайск (Ряз. губ.); 30 — Петербург. губ.

Финская форма перстней из массивных ободков, свитых в спираль, встречается в Петербургской губ. и в Люцинском могильнике. Перстни и кольца обычно носили по одному на руке, но иногда и по несколько штук; в пределах Волыни обычно встречается по одному кольцу на руке. Редким исключением были находки колец на пальцах ног; наиболее достоверный пример подобной находки известен из раскопок у Ницахи, произведенных Г. Мельниковой⁵⁷³.

3. *Мелкие украшения.* Различные мелкие подвески были уже рассмотрены при описании фибул, пряжек, и в особенности шейных украшений. Однако следует еще отметить, что и одежды, для придания им большей парадности, иногда украшались нашитыми на них мелкими металлическими бляшками в виде четырехугольников, кружков, листиков, сердечек. Эти бляшки редко были гладкими, но чаще с тисненым орнаментом, всегда отражающим стиль эпохи или мастерской (северной или восточной), их изготовлявшей.

Подобные золотые бляшки встречаются в России уже в скифо-сарматских могилах, а позже в финских и болгарских погребениях на Волге.

Наиболее многочисленны находки бляшек восточного типа, и, вообще, мода нашивать металлические пластинки на одежду пришла с Востока.

Из мелочных украшений особого внимания заслуживают пуговицы, которые служили не только практическим целям, но одновременно и украшением одежды. Чаще всего их находили у шеи скелета, иногда пришитыми на остатках ткани у воротника, который застегивался или на груди, или на шее.

В период с X по XII в. для всего славянства был характерен грушевидный тип пуговицы гладкой или рубчатой, имеющей

⁵⁷³ Труды XII Арх. Съезда, I; 701.

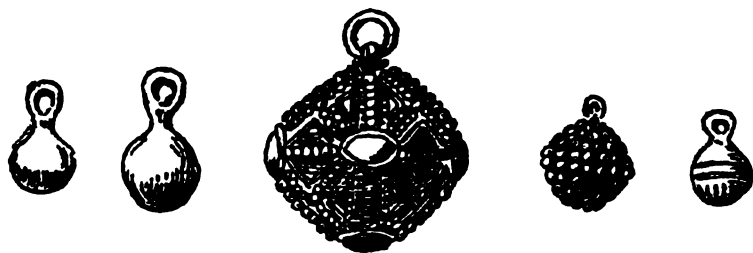

Рис. 25. Пуговицы из славянских погребений

вверху ушко. Местами эти же пуговицы, особенно с отверстиями, употреблялись вместо подвесок.

У воротников пуговицы были меньше, сравнительно с теми, которыми застегивали костюм спереди; к последним следует отнести несколько богатых и технически искусно выполненных разновидностей.

Чаще всего пуговицы были серебряные, позолоченные (или из бронзы и меди), и их лицевая сторона украшалась филигранью и зернью. В найденном в Киеве, в Михайловском монастыре, кладе было обнаружено 152 золотых пуговицы, а в другом кладе, там же найденном, встретились и эмалевые экземпляры⁵⁷⁴.

Как на известную особенность, обнаруженную в пределах Руси, следует указать на металлическую тесьму из колечек, которой обшивали низ платья. Эта кайма, по-видимому, была распространена у финнов и от них перешла к славянам. Проф. Кондаков видит в этом украшении сирийско-кавказское влияние VII—IX вв.⁵⁷⁵

⁵⁷⁴ Кондаков. Русск. Клады, 118, 135.

⁵⁷⁵ Ibidem. Русск. Древн., в. V, 11, 72.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вплоть до римской эпохи славяне не достигли в выработке украшений ни разнообразия, ни художественности исполнения. Это подтверждается бедными, несложными по форме находками в древних славянских могилах с сожжением. Равным образом и в первые века по Р.Х. нельзя отметить у славян каких-либо усовершенствований в области художественной промышленности. В I—V вв. славянские земли были наводнены чужими изделиями римских и греческих мастерских, причем они шли не только из пределов империи, но и из ее провинций, а также с берегов Черного моря; кроме того, среди находок, относимых к этому периоду, часто встречаются предметы норманского, скифо-сарматского и азиатского происхождения.

Этот период был крайне беспокойным временем для славян, протекавшим в неустанной борьбе и войнах, что, конечно, не могло способствовать развитию собственной художественной промышленности. Лишь в VI—VII вв. славяне, начав более мирную и благосостоятельную жизнь, могли создать условия, необходимые для ремесел и искусств.

Однако для этой эпохи нельзя вполне точно установить начало местных художественных изделий; в это время все еще преобладают римские вещи, а на юге, и в особенности на востоке — художественные украшения Византии, Востока или северных мастерских.

С X в., конечно, под влиянием чужеземных образцов, и у славян начинают появляться украшения уборов собственного изготовления, и в зависимости от этого в некоторых центрах создаются золотых и серебряных дел мастерские, так, например в Киеве, Рязани, Суздале и, конечно, в Новгороде, Переяславле, Праге и Балтийском крае. Следует, однако, отметить, что это производство развивалось весьма неравномерно для различных областей.

До ознакомления с ремеслами и отраслями прикладного искусства, существовавшими у славян, нельзя сделать вывода о характере, технике и стиле вещей, вырабатываемых в их мастерских; можно лишь систематизировать, в зависимости от практического применения, происхождения и хронологического развития отдельных типов тех предметов, которые славяне употребляли как для личного убора, так и для украшения одежды.

На основании рассмотренного материала можно заключить, что славянский костюм, поскольку это касалось его украшений, не выделялся особым великолепием. Личный убор состоял из небольшого числа ценных украшений и отличался бедностью не только еще в конце языческого периода, но и в первое время после принятия христианства, в особенности если сравнить его с одеждами и предметами личного убора их соседей, германцев, финнов, тюрко-татар, даже литовцев и латышей, не говоря уже о Византии.

Простота в украшениях славян удержалась даже в ту эпоху, когда у них возникло золотых и серебряных дел производство, в силу того, что оно было ограничено лишь важными в торговом отношении вышеуказанными центрами, обитатели которых одевались и богато украшали себя, в то время как простой люд в Чехии, Польше и в славянской Западной Руси не имел в своем распоряжении достаточного количества золота и серебра, чем и объясняется малочисленность находок ценных украшений при раскопках в этих областях.

Типичным украшением для конца языческого периода у славян были височные кольца; простые, витые из проволоки колечки и перстни; шнуры с нанизанными несколькими стеклянными или из полудрагоценных камней бусинами, а иногда металлическими подвесками, затем, изредка, серьги; из этих вещей главным образом и составлялся личный убор.

Все остальные украшения в центре славянской территории встречаются как исключение. Сильнее развилась художественная промышленность и больше ценных украшений появилось у тех славянских племен, которые непосредственно соприкасались с соседними им финнами, тюрко-татарами, литовцами, скандинавскими русами, или которые населяли более богатый и находившийся под непосредственным влиянием римско-византийской культуры Придунайский край.

Под влиянием соседей изменялся и славянский быт; наряду с предметами чужого ввоза появились и местные варианты пришлых образцов и форм (восточных и византийских), как, напр., великолепные киевские серьги, московские и черниговские типы височных колец, головные уборы северян, шейные украшения и мониста южнорусских кладов, серьги и заушницы хорват и т.д.

Излюбленным материалом для этих изделий было серебро, а наиболее распространенным способом их украшения в X—XII столетиях была зернь, и хотя ее техника была заимствована изчужа, однако славянские мастера до известной степени искусно имитировали ее. Серебро и филигрань наиболее характерны для славянских изделий конца языческого периода.

Серебро приходило к ним с Урала и возобладавало в украшениях X—XII вв. над золотом, которое к этому времени начало распространяться из алтайских рудников в другие страны, преимущественно на юг⁵⁷⁶. Под 1209 г. в летописи сообщается о киевлянах, что «не кладаху на своя жены златых обручей, но хожаху жены их в серебре». Это произошло, как справедливо

⁵⁷⁶ Толстой—Кондаков. Русск. Древн., в. V, 153.

указывает акад. Кондаков, не вследствие стремления к простоте, но из-за недостатка золота⁵⁷⁷.

Совершенно иную картину в ту же эпоху можно наблюдать у соседей славян, в районе Ковно, Вильны, Витебска, у заволжской чуди, в финских и болгарских погребениях на Волге, Оке и Каме. У них встречается гораздо больше ценных украшений, но все они отличаются массивностью, безвкусицей и отсутствием изящества. Среди них излюбленными были различные погремушки и подвески для головных уборов; тяжелые и массивные гривны, часто одеваемые по несколько штук сразу; огромные пряжки и фибулы, нередко странных, причудливых форм, тяжелые браслеты, также одеваемые по несколько (до 9) штук на руку⁵⁷⁸, но во всех этих вещах было гораздо меньше художественного вкуса, и они затмевали лишь своею ценностью современные им славянские украшения.

Славянская женщина носила более простые, легкие и в то же время более художественные украшения, чем ее соседка финка или тюрко-татарка.

⁵⁷⁷ Толстой—Кондаков. Там же.

⁵⁷⁸ Ibid., стр. 156.

БИБЛИОГРАФИЯ

Азбукин М. Очерк литературной борьбы представителей христианства с остатками язычества в русском народе XI—XIV века. Р. Филология. Вестник XXVIII, 133; XXXVI, 222; XXXVII, 229; XXXVIII, 322; XXXIX, 246.

Аксаков К. О древнем быте у славян вообще, а русских в особенности. М., 1855.

Аничков Е.В. Весенняя обрядовая песня на западе и у славян. СПб., I, 1903, II, 1905; Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914.

Антонович В.В. Люцинский могильник. (Мат. по археологии России № 25.); Раскопки древлян (Труды IX Археолог. Съезда).

Аристов Н.Я. Промышленность в Древней Руси. 1866 г.

Афанасьев А. Поэтические воззрения славян на природу, т. I—III, М., 1866—1869.

Ahlguist A. Die Kulturwörter der westfinnschen Sprachen. Ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Deutsche umgearbeitete. Ausgabe. Helsingfors, 1875.

Almgren O. Studien über nordeurop. Fibelformen der ersten nachchristl. Jahrhunderte. Stockholm, 1897.

Anton K.G. Erste Linien eines Versuches über der alten Slawen Ursprung, Sitten, Gebräuche, Meinungen und Kenntnisse. Leipzig, 1783—1889.

Барсов И.И. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885.

Благовещенский А.А. Остров Эзель и его древности (Сборник Арх. инст., 1881 г., кн. 5).

Бобринский гр. А.А. Курганы и случайные археологические находки близ местечка Смелы, т. I—II. Дневники раскопок 1887—1889 гг. О курганах Звенигородского и Роменского уездов. СПб., 1894. XXIII, 232 стр.

Богданов А. Материалы для антропологии курганного периода в Московской губернии. М., 1867.

Будилович А. Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях по данным лексикальным. Киев, I, 1878; II, 1, 1882.

Beltz R. Die vorgeschichtlichen Alterthümer des Großherzogtums Meklenburg Schwerin. Textband und Tafelband. Schwerin, 1910.

Benndorf O. Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien, 1878.

Bogisič B. Zbornik sadašnjih pravnih obicaja u juznih Slovena, Zagreb, 1874.

Boguslawski W. Dzieje Słowiańszczyzny pomocy zachodniej do polowy. I—III. Poznan, 1887—1892.

Bruckner A. Kazania sredniowieczne I—II. Rozprawy Akad., Umiej. Wydział filolog. Ser. II, t. IX, 38, 317, III, t X, 115. Starożytna Litaya. Ludy i Bogi. Warszawa, 1904.

Вельтман А.О. Московская оружейная палата, Атилла и Русь. IV—V вв. 1/2. М., 1858.

Висковатов. Историческое описание одежд и вооружения.

Владимиров П.В. Поучения против древнерусского язычества и народных суеверий. Памятники Древнерусской церковноучительной литературы, т. III, СПб., 1897.

Воцел. Древняя бытовая история славян. 1875.

Vocel J. Pravek zeme ceske, I—II. Praha, 1866—68.

Weinhold C. Die deutschen Frauen in dem Mittelalter, I—II, 2 Aufl, Wien, 1882. Altnordisches Leben. Berlin, 1856.

Wundt W. Volkerpsychologie. Leipzig, I—IV, 1910.

Гернес М. История первобытного человечества.

Гильфердинг. Исторический быт славян, т. I, 1855.

Голубинский Е.Е. История русской церкви, т. I. Киевский или домонгольский период. 1901.

Городцов В. Майданы. Древности, XX, II.

Грушевский Ж. Киевская Русь. СПб., 1911.

Dabkowski Pr. Prawo prywatne poiskie. I. Lwow, 1910.

Crobovski. Ukraina dawna i terazniejsza. I. Kijew, 1850.

Hacleman A. Om likbiwming i batar rtnder den yngre jarnaldern i Finland (Finst. Museum, 1897).

Hahn E. Die Haustiere und ihre Beziehung zur Wirtsehaft des Menschen. Leipzig, 1896.

Hanus J. Die Wissenschaft des slavischen Mytbus. Wien, 1842.
Bajeslovny kalends sloyansky. Praha, 1860.

Hehn V. Die Kulturpflanzen und Haustiere in ifrrem Uebergang aus Asian nach Grieohenland und Italien, sowie in das ubrige Europa. 6 Auflage, Berlin, 1894.

Hervorragende Kunst und Alterthums. CSegegenstände des markischen Provmzial Museums in Berlin. Herausgeg.; von der Direction des Museums. Heft I. Die Hacksnberfunde. Berlin, 1896.

Heyne M. Funf Bucher deutscher Hausalterfchimier von den ältesten geschichtlichen Zeiten his zum XVI Jahrhr. Leipzig, Bd. I (Wohmmgswesen), 1899; II (Nahrungswesen), 1901; III (Korperpflege und Kleidung), 1903.

Heldebrand R. Recht und Sitte auf den primitiven wirtschaftlichen Kulturstufen. II, Auflage, Jena, 1907.

Hoops J. Die Waldbaume und Kulturpflanzen im german. Altertum. Straesburg, 1905.

Забелин И.Е. Домашний быт русского народа. 1—2, 1901.
Опыт изучения русских древностей. 2 тома, 1872—1873.

Zibrt C. Staroceske vyrocni obycej, pověry, slavnosti a zabavy. Praha, 1880. Seznam pover a zvykloeti pohanských z VIII vekn. (Bozpravy akad. tr. I, c. 2). Listy z českých dejin kulturní. Praha, 1891.

Иванчин-Писарев А. О курганах в Мариупольском уезде (Труды XIII Археолог. Съезда, II).

Иконников. Русская женщина. 1874.

Иловайский Д.И. Вопрос о народности русов. Разыскания о начале Руси. 1882.

Карский Е.Ф. Белоруссы. Варшава. I, 1903.

Кондаков Н.П. Русские клады. Исследование древностей великокняжеского периода, т. I. СПб., 1896. Русские древности в памятниках искусства, т. I—VI, СПб. Изображение русской княжеской семьи в миниатюрах XI века. СПб., 1906. Македония. Археологическое путешествие. СПб.

Костомаров И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII вв. М., 1887.

Кочубинский А. Территория доисторической Литвы (Ж.М.Н.П., 1897).

Krek R. Einleittmg in die slavische Literaturgeschichte. II Ausg., Graz, 1887.

Leger Louis. Russes et Slaves. 2 vol., Paris.

Lindenschmit L. Die Alterthumer unserer heidn. Vorzeit. I—IV. Mainz, 1864. Handbuch des deutschen Alterthmnskunde. Die Alterthumer des merovingischen Zeit. Braunschweig, 1880—1889.

Liseauer. Die praehistorische Denkmaler der Provinz Westpreussen und der angrenzenden Gebiete. Leipzig, 1887.

Макушев. Сказания иностранцев о быте славян. 1861. Исторические разыскания о славянах. 1871.

Мечников Л. Цивилизация и великие исторические реки. 1898.

Мищенко Ф.Г. Этнография России согласно Геродоту (Журн. Мин. Народн. Просвещ., 1896 г., май).

Maciejowski W. A. Historya prawodawstw. slowianskich. Vyd. I, Warszawa, 1832—1835, 4.; vyd. II, 1856—1868, 6.

Malewski B. Proba charakterystyki ubiorow ludowych. Wisla, XVIII.

Marquardt J. Das Privatleben der Romer, I—II. Leipzig, 1879—1882, 2 Aufl 1886. von A. Mau (Handbuch der rom. Alterthuraer von J. Marquardt und Th. Mommsen, VII).

Matzenauer A. Cizi slova ve slovanských recech. Brno, 1870.

Menetius J. De sacrificiis et ydolatria veterum Borussorum, Livonum etc. f Ser. rec, Livon, II, 1848).

Mertins O. Wegweiser duch die Urgeschichte Schlesiens. Breslau, 1906.

Milicevic M. Живот Срба селяка. Етуогр. Зборник. Срп. Акад. Београд, 1894.

Moklovsk Kaz. Sztuka ludowa w Polsce. Lwow, 1903.

Надеждин И. Геродотовая Скифия, объясненная через сличение с местностями (Зап. Одесск. Общ. Истор. и Древн., I). Опыт исторической географии русского мира. М., 1837.

Насела српских земала, I—VII. Београд, 1902—1911 (Срп. Этн. 36. IV—XV).

Niederle L. Slovanske starozitnosti, oddil historicky. I, 1902—1904. (Les origines dee Slaves), II, 1906—1910. (Les Slaves du Sud); III, 1919. (Les Slaves de l'Ouest); oddil kulturni, Zivot starych Slovanu, I, 1912—1923 (Organisation de la vie materielle); II, I, 1916 (Les croyances religieuses); III, 1921 (Les metiers). Manuel de L'antiquite Slave. Tome I, L'histoire. Paris, 1923. Staroveke zpravy o zemepise vychodni Evropy. Praha, 1899. Slovansky svet. Praha, 1910. (Traduit en francais par Louis Leger sous le titre: La race slave. Paris, 1911.)

Niederle L. a Buchtela K. Rukovet? Ceske archaeologie. Praha, 1910.

Падалка Л. К вопросу о древних земляных сооружениях в южно-русских степях (Арх. Лет., 1904).

Погодин А.Л. Лекции по славянским древностям. Литограф. Харьков, 1910.

Pic J. L. Archaeologickn vnzkm v stfednich Ceehach, 1893. Starozitnosti Zeme Ceske.

Ploss H. Das Weib in der Natur und Volkerkunde. Anthropologische Studien. III umgearb. und stark vermehrte Auflage von Max Bartels. Leipzig, 1891.

Ростовцев М. И. и Степанов П.К. Эллино-скифский головной убор (Изв. Арх. Ком., 63).

Rhamm K. Ethn. Beitrage zur germ. si. Alterthumskunde, II, 1. Das altslawische Wohnhaus. Braunschweig, 1910. Ethnographische Beitrage zur germanisch slawischen Alterthumskunde, I—III. Braunschweig, 1905—1908.

Rakowiecki Ign. Prawda ruska. Warszawa. I, 1829, II, 1822.

Reinecke P. Studien uber Denkmaler des fruhen Mittelalters (Mitth. anthr. Ges. Wien, XXIX, 1899).

Riegl Al. Spatromische Kunstmdustrie nach den Punden in Osterreich-Ungarn, I. Wien, 1901.

Roscher. Attsfuhrliches Lexicon der griechiselen tmdroynischen Mythdibgie. Leipzig, 1884.

Савва, преосв. Указатель для обозрения Патриаршей ризницы. М., 1858. г.

Савваитов П. Описание старинных русских утварей, одежд, оружия, ратных доспехов и конского прибора, в азбучном порядке расположенное. СПб., 1896.

Самоквасов. Происхождение русского народа. 1908.

Сахаров И. Песни русского народа. СПб., 1839.

Сборник топографических сведений о курганах и городищах в России. Волинская губ. СПб., 1888.

Смирнов И. Очерк культурной истории южных славян, I—II. Казань, 1900.

Спицын А. Древности Черной Руси (Зал. Арх., XI, I—2). Майданы (Зап. Арх. Общ., VIII, I). Расселение древнерусских племен по архивным данным (Журн. Мин. Нар. Просв., 1899, VIII). Древности Камской Чуди по коллекции Теплоуховых (Мат. по археолог. России № 28). Древности бассейнов реки Оки и Камы (Мат. по археолог. России № 26). Курганы скифов-пахарей (Изв. Арх. Ком., 65). Владимирские курганы (Изв. Арх. Комм., XV, 1905). Радимические курганы (Зап. Арх., VIII, СПб., 1896).

Стасов В.В. Миниатюры некоторых рукописей византийских, болгарских, русских, джагатайских и персидских. СПб., 1902.

Степанов И.К. История русской одежды. Вып. I, СПб., 1914.

Стрекалов С. Русские исторические одежды от X до XIII века. СПб., 1877.

Сумцов Н.Ф. Культурные переживания. Киев, 1890.

Samter E. Geburt, Hochzeit und Tod. Beitrage zur vergl. Volksktnmdei Leipzig — Berlin, 1911.

Sartori P. Sitte und Brauch, I. Leipzig, 1910.

Stefani K. Der alteste deutsche Wohnbau Tind seine Einrichtung, I—II, Leipzig, 1902—1903.

Терещенко. Быт русского народа, I—VII. СПб., 1848.

Тихонравов Н.С. Летописи русской литературы и древности, т. I—VI. М., 1859—1860.

Thomsen W. Uber den Einfluss der germanisehen Spracnen auf die finnisch-lappischen. Eine sprachgeschichtliche Untersuchung aus dem Danischen ubersetzt von Sievers. Halle, 1890.

Tischler O. Ostpreussische Graberfelder, I—III (Schriften der phys. okon. Ges., Konigsberg, XIX, 1878).

Уваров А.С. гр. Археология России, т. I—II. 1881.

Фасмер (Vasmer M. B.). Греко-славянские этюды, I Изв. Отд. Русск. яз. Акад. наук, XI; II; Изв., XII; III Сборн. Отд. р. яз. И. Ак. н., т. LXXXVI, № 1, 1909.

Флоринский. Первобытные славяне, т. I—II. 1894—1897. Славянское племя. 1907.

Фундуклей И. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губ. Киев, 1848.

Fischer H. Grundzuge der deutsehen Alterthumskunde. Leipzig, 1908.

Ханенко Б.И. Древности Приднепровья, т. I—II—V. Киев, 1899—1902.

Хвойко. Городища среднего Приднепровья, их значение и пр. (Труды XII Арх. Съезда, I). Поля погребений в среднем Приднепровье. СПб., 1901 (Зап. Русск. Археология. Общ., XII, 1—2).

Хвольсон. Ибн-Даста о славянах и русах. 1869. Известия о хазарах. 1869.

Цеиич I. Проблемы антропогеографские Балканского полуострова. Етн. Зборник срп. Акад., IV. Београд, 1902.

Cervinka J. Kultura poli popelnicovych na Morave. Brno, 1911.

Charmoy. Relation de Mas'oudy et d'autres auteurs musulmans sur les aneiens Slaves. Memoires de l'Acad. de Petrograd. Ser. VI, t. II, 1834.

Schroder O. Begraben und Verbrennen im Lichte der Religions und Kultur geschichte. Breslau, 1910. Sprachvergleichung und Urgeschichte. Ianguistischhistorische Beitrage zur Erforschung des indogermanischen Alterthums. II Auflage, Jena, 1890. Reallexikon der indogermanischen Alterthumskunde. Strassburg, 1901.

Schumann H. Die Kultur Pommerns in vorgeseh. Zeit. Berlin, 1897.

Schurtz H. Urgeschichte der Kultur. Leipzig — Wien, 1900.

Smid W. Altslovenisehe Graber Krains (Landesmuseum Rudolfinum in Laibacli. Bericht fur das Jahr 1907. Laibach, 1908).

Якушкин. Обычное право. Материалы для библиографии обычного права, т. I—II. Ярославль, 1896.

Ястребов В.Н. Лядинский и томниковский могильники Тамбовской губ. (Материалы по Археолог. России. № 10. Изд. Археол. Ком., СПб., 1893).

Jacob G. Welche Handelsartikel bezogen die Araber des Mittelalters aus den nordischbaltischen Landern. Berlin, 1891. Die Waaren beim arabischnordischen Verkehr im Mittelalter. Berlin, 1891. Der noixlischbaltische Handel der Araber im Mittelalter. Leipzig, 1887.

Janko J. O praveku slovanskem. Praha, 1912.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	6
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. ЖИЗНЬ ДРЕВНИХ СЛАВЯН	
ОТ КОЛЫБЕЛИ ДО МОГИЛЫ	8
I. Территория, климат, флора и фауна. Культурные влияния.	
Отдаленность культурных центров. Бедность и ее причины.....	8
II. Физическая характеристика. Рождение и детство.....	15
III. Зрелость. Брак. Свадебные обряды, игрища и празднества	20
IV. Уход за телом и здравоохранение	40
V. Пища и напитки.....	51
VI. Болезнь, смерть, погребения и похоронные обряды.....	69
VII. Тризна, поминальные трапезы	
и связанные с ними обряды.....	97
VIII. Устройство могил и погребений.	
Курганы, сопки и жальники.....	108
IX. Внутреннее оборудование могил. Яма, сруб и погребальная	
камера. Кладбища	115
ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ОДЕЖДЫ И УКРАШЕНИЯ.....	131
X. Ткани и меха	131
XI. Одежды	138
XII. Мужской костюм. Нижнее платье.....	149

XIII. Верхняя одежда	156
XIV. Женская одежда	170
XV. Обувь	174
XVI. Прически и мужские головные уборы	178
XVII. Женские прически и головные покрывала	185
XVIII. Изготовление одежды	188
XIX. Парадное княжеское одеяние	191
XX. Ценные украшения и предметы личного убора	200
XXI. Булавки, иглы, запоны, пряжки и поясные украшения.....	211
XXII. Диадемы, головные повязки, височные кольца, заушницы и серьги	222
XXIII. Шейные украшения	242
XXIV. Браслеты, запястья, кольца, перстни и различные мелкие украшения	261
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	274
БИБЛИОГРАФИЯ.....	278

Научно-популярное издание

Неведомая Русь

Нидерле Любор

БЫТ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Выпускающий редактор *Н.М. Смирнов*

Художник *И. Савченко*

Корректор *Е.Ю. Таскон*

Дизайн обложки *Е.А. Забелина*

Верстка *Н.В. Гришина*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 01.07.2013. Формат 84×108 1/32.

Гарнитура «Темпога LGC Uni». Печать офсетная. Бумага офсетная.

Печ. л. 9. Тираж 2500 экз. Заказ № 7017.

Отпечатано в филиале «Тульская типография»

ОАО «Издательство «Высшая школа».

300600, г. Тула, пр. Ленина, 109.

Любор НИДЕРЛЕ

БЫТ И КУЛЬТУРА ДРЕВНИХ СЛАВЯН

Любор Нидерле (1865—1944) — знаменитый чешский археолог и историк-славист. Автор фундаментальной работы «Человечество в доисторические времена», в которой излагается археология всей Европы от палеолита до Средневековья включительно. Кроме того, перу Нидерле принадлежит многотомный труд «Славянские древности», вторая часть которого — «Культура и быт древних славян» — представлена в этой книге. Опираясь на тщательно изученные предметы материальной культуры и привлекая данные истории, филологии, этнографии, антропологии, Нидерле создал подлинную энциклопедию истории и культуры древних славян, сочинение, отличающееся высокой научной строгостью и объективностью.

ISBN 978-5-4444-1038-7

9 785444 410387

